THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3385
.L627
1910

a 00002 945549

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.

Form No. 513

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/lntolstobografia00unse

Л. Н. ТОЛСТОЙ

СБОРНИКЪ ТРЕХЪ
ОБРАЗОВАНІЕ

„Русская Быль", серія III.

PG3385
.L627
1910

I.

Л. Н. Толстой.

Біографія, характеристики, воспоминанія.

(Жизнь. Личность. Творчество).

L.N. TOLSTOĬ : BIOGRAFIIA, KHARAKTERISTIKI, ...

Сборникъ статей:

П. И. Бирюкова, В. В. Каллаша, проф. В. Ѳ. Лазурскаго,
П. А. Сергѣенка и Н. И. Тимковскаго.

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
PROPERTY OF
AT CHAPEL HILL

МОСКВА. — 1910.

Типографія **Русскаго Товарищества**, Мыльниковъ пер., с. домъ.
Телефонъ № 18-35.

Этотъ сборникъ, первый въ новой серіи „Русской Были“, Товарищество „Образованіе“ благоговѣйно посвящаетъ гордости нашей литературы, геніальному художнику и мыслителю, свѣтлый образъ котораго — единственное наше неотъемлемое достояніе среди ужасовъ переживаемаго безвременья и единственное нравственное право на благодарное вниманіе міра..

„Слонъ русской литературы".

Толстой—слонъ русской литературы.
Тургеневъ.

На смертномъ одрѣ Тургеневъ продиктовалъ такое письмо Л. Н. Толстому: «Милый и дорогой Левъ Николаевичъ! Долго вамъ не писалъ, ибо былъ и есмь, говоря прямо, на смертномъ одрѣ. Выздоровѣть я не могу, и думать объ этомъ нечего. Пишу же я вамъ собственно, чтобы сказать вамъ, какъ я былъ радъ быть вашимъ современникомъ, и чтобы выразить вамъ мою послѣднюю, искреннюю просьбу. Другъ мой, вернитесь къ литературной дѣятельности! Вѣдь этотъ даръ вашъ оттуда, откуда все другое. Ахъ, какъ я былъ бы счастливъ, еслибъ могъ подумать, что просьба моя такъ на васъ подѣйствуетъ! Я же человѣкъ конченый—доктора даже не знаютъ, какъ назвать мой недугъ... Ни ходить, ни ѣсть, ни спать, да что! Скучно даже повторять все это! Другъ, великій писатель русской земли, — внемлите моей просьбѣ! Дайте мнѣ знать, если вы получите эту бумажку, и позвольте еще разъ крѣпко, крѣпко обнять васъ, вашу жену, всѣхъ вашихъ. Не могу больше... Усталъ!»

При первыхъ слухахъ о тяжелой болѣзни великаго писателя присужденный къ смерти Чеховъ пишетъ одному изъ своихъ знакомыхъ: «Я боюсь смерти Толстого. Еслибы онъ умеръ, то у меня въ жизни образовалось бы большое пустое мѣсто. Во-первыхъ, я ни одного человѣка не любилъ такъ, какъ его; я человѣкъ невѣрующій, но изъ всѣхъ вѣръ считаю наиболѣе близкой и подходящей для себя именно его вѣру. Во-вторыхъ, когда въ литературѣ есть Толстой, то легко и пріятно быть литераторомъ; даже сознавать, что ничего не сдѣлалъ и не дѣлаешь, не такъ страшно, такъ какъ Толстой дѣлаетъ за всѣхъ. Его дѣятельность служитъ оправданіемъ тѣхъ упованій и чаяній, какія на литературу возлагаются. Въ-третьихъ, Толстой стоитъ

крѣпко, авторитетъ у него громадный, и пока онъ живъ, дурные вкусы въ литературѣ, всякое пошлячество, наглое и слезливое, всякія шаршавыя, озлобленыя самолюбія будутъ далеко и глубоко въ тѣни. Только одинъ его нравственный авторитетъ способенъ держать на извѣстной высотѣ такъ называемыя литературныя настроенія и теченія. Безъ него бы это было безпастушное стадо или каша, въ которой трудно было бы разобраться».

Тургенева пугалъ непонятный для него внутренній переломъ въ Толстомъ; Чеховъ вдумчиво учелъ всѣ его наиболѣе существенные результаты.

«Великій писатель русской земли», «слонъ русской литературы» (выраженія Тургенева) сталъ въ промежуткъ между этими письмами міровымъ писателемъ, «совѣстью міра», расширилъ и углубилъ свою проповѣдь соціальной морали, но и далъ такія геніальныя художественныя произведенія, какъ «Смерть Ивана Ильича», «Власть тьмы», «Крейцерова соната», «Хозяинъ и работникъ», «Воскресеніе».

У другихъ, даже очень крупныхъ писателей, бывалъ періодъ «ученичества», подражательности, смутныхъ исканій своей дороги: Толстой нашелъ себя сразу; его могучій геній развивался правильно, послѣдовательно, и уже въ авторѣ «Дѣтства, Отрочества и Юности»—всѣ задатки автора «Войны и Мира», «Анны Карениной», «Воскресенія».

Типичный шестидесятникъ по нравственному ригоризму, подчиненію эстетическаго моральному и утилитарному, по обостренности соціальнаго чувства, по откровенной тенденціозности, онъ далъ неувядаемые, вѣчные образы красоты и правды, глубоко отразилъ въ своемъ творчествѣ кризисъ вѣры и всей культуры XIX вѣка. Литературная «выдумка», культъ формы ему органически чужды, и въ этомъ наиболѣе крупное отличіе его отъ Тургенева. Онъ беретъ живьемъ обыденную, будничную жизнь, захватываетъ ее не столько въ ширь, сколько въ глубь, и такъ просто находитъ въ ней высокое, прекрасное, поучительное, типическое, какъ будто оно возникло само собою, безъ какого бы то ни было авторскаго посредничества. Онъ такъ далекъ отъ «сочинительства», что не будетъ придумывать или выискивать фамиліи для своихъ героевъ: Левина, передающаго одинъ изъ моментовъ его духовнаго развитія, назоветъ по своему имени, «Безухаго» образуетъ по типу «Безбородко», Волконскаго назоветъ Болконскимъ, Толстого—Ростовымъ, Куракина—Кураги-

нымъ, Трубецкого—Друбецкимъ и пр. И когда ему указывали на это, онъ отвѣчалъ (въ статьѣ «Нѣсколько словъ по поводу книги «Война и Миръ», не вошедшей въ полное собраніе сочиненій Л. Н., и потому мало извѣстной—въ «Русскомъ Архивѣ 1868 года): «имена дѣйствующихъ лицъ» — «Болконскій», «Друбецкой», «Билибинъ», «Курагинъ» и др. — напоминаютъ извѣстныя русскія имена. Сопоставляя дѣйствующія не-историческія имена съ другими историческими лицами, я чувствовалъ неловкость для уха заставлять говорить графа Растопчина съ кн. Пронскимъ, со Стрѣльскимъ или какими-нибудь другими князьями или графами вымышленной, двойной или одинокой фамиліи. Болконскій или Друбецкой хотя не суть ни Волконскій, ни Трубецкой, звучатъ чѣмъ то знакомымъ и естественнымъ въ русскомъ аристократическомъ кругу. Я не умѣлъ придумать для всѣхъ лицъ именъ, которыя мнѣ показались бы не фальшивыми для уха, какъ Безухій и Ростовъ, и не умѣлъ обойти эту трудность иначе, какъ взявъ на-удачу самыя знакомыя русскому уху фамиліи и перемѣнивъ въ нихъ нѣкоторыя буквы»

Для выраженія своей мысли онъ беретъ какъ будто бы первыя попавшіяся слова, только бы они передавали всѣ нужные оттѣнки,—не думая о грамматической правильности и гармоничности общаго потока рѣчи, часто выковывая новыя слова, не всегда складныя, путаясь въ мѣстоименіяхъ. И такова сила внутренней красоты и правды его рѣчи, что мы обыкновенно совсѣмъ не замѣчаемъ всѣхъ этихъ стилистическихъ недочетовъ, не чувствуемъ формы, воспринимая одно содержаніе, такое простое и глубокое. Эпиграфомъ ко всему его творчеству могутъ послужить прекрасныя слова въ концѣ разсказа «Севастополь въ маѣ 1855 года»: «герой моей повѣсти, котораго я люблю всѣми силами души, котораго старался воспроизвести во всей красотѣ его, и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ,—правда». По поводу того же разсказа Некрасовъ писалъ автору: «не хочу говорить, какъ высоко я ставлю эту статью и вообще направленіе вашего таланта и то, чѣмъ онъ вообще силенъ и новъ. Это именно то, что нужно теперь русскому обществу: правда,—правда, которой со смерти Гоголя такъ мало осталось въ русской литературѣ. Вы правы, дорожа всего болѣе этою стороною въ вашемъ дарованіи. Эта правда, въ томъ видѣ, въ какомъ вносите вы ее въ нашу литературу, есть нѣчто у нея совершенно новое!» Безтрепетная правда всегда была центральнымъ героемъ его творчества. Въ высокомъ съ обыкновенной человѣческой точки зрѣнія

онъ открываетъ пошлое и ужасное, въ жизни Ивана Ильича, такой нормальной съ перваго взгляда,—смерть, въ умираніи его и смерти—воскресеніе, въ низкомъ и презрѣнномъ—умилительное, въ «отходникѣ»—мудреца и святого; онъ не боится самыхъ рискованныхъ темъ и будетъ разрабатывать ихъ, не оскорбляя самаго чуткаго цѣломудрія.

Въ немъ эпическая простота и глубина жизни, вернувшейся къ матери-природѣ, вѣрнѣе—вернувшей въ себя природу и совлекшей съ себя весь опошляющій налетъ «культуры». Онъ отличается исключительною чуткостью и памятливостью ко всѣмъ вѣяніямъ, мельчайшимъ деталямъ дѣйствительности, задерживаетъ жизнь во всей ея полнотѣ и свѣжести—и въ своемъ творчествѣ даетъ всю полноту и свѣжесть жизни, не скупясь на мелочи и углубляя ими общее впечатлѣніе. Демократизмъ и «натурализмъ» у него не принципіальный и не головной, а стихійный, органическій, и Толстой подходитъ къ мужику, къ природѣ, къ женщинѣ не съ сантиментальнымъ сочувствіемъ барина-филантропа, ищущаго временнаго отдыха отъ терній культуры, не съ идеализаціей поэта, а съ сознаніемъ кровной связи брата и сына, которая на многое даетъ свои особыя права. И отъ того для Толстого Руссо—выше всѣхъ другихъ писателей и мыслителей, хотя онъ проще, непосредственнѣе, шире и глубже своего великаго французскаго предшественника. И отъ того онъ найдетъ чистую и высокую поэзію въ материнствѣ и семейной любви, въ самой мелкой жизни и въ самомъ отталкивающемъ процессѣ умиранія, вскроетъ глубокій смыслъ въ безсвязныхъ рѣчахъ Каратаевыхъ и Акимовъ, заставитъ повѣрить въ знаменательное «воскресеніе» своихъ Неклюдовыхъ, Ивановъ Ильичей, Василіевъ Брехуновыхъ и скажетъ всѣмъ намъ: то, что вы считаете жизнью, есть ложь и обманъ, хуже смерти; настоящая человѣческая жизнь не втискивается въ ея узкія, тѣсныя, калѣчащія рамки.

Толстой сказалъ о себѣ въ «Дѣтствѣ и Отрочествѣ»: «я начинаю понемногу исцѣляться отъ моихъ отроческихъ недостатковъ, исключая, впрочемъ, главнаго, которому суждено надѣлать мнѣ еще много вреда въ жизни—склонности къ умствованію». Эта «склонность» осталась у него навсегда, можетъ быть, «надѣлала ему много вреда», но она никогда не понижала его способности къ чувству, глубокому, яркому, колоритному, составляя вмѣстѣ съ нею исключительную полноту духовной жизни, дополняя и направляя ее. Эта же «склонность» рано разбудила его нравственное чувство и намѣтила тотъ путь самосовершенство-

ванія, который помогъ Толстому освободиться отъ вліяній окружавшей его среды, широко раздвинуть (если не уничтожить совсѣмъ) рамки классовой психологіи и сдѣлаться учителемъ человѣчества, «совѣстью міра». Иртеньевъ-Толстой заканчиваетъ свое «Отрочество» такими знаменательными для него, какъ писателя и мыслителя, словами: «подъ вліяніемъ Неклюдова я невольно усвоилъ и его направленіе, сущность котораго составляло восторженное обожаніе идеала добродѣтели и убѣжденіе въ назначеніи человѣка совершенствоваться. Тогда исправить все человѣчество, уничтожить всѣ пороки и несчастья людскія казалось удобоисполнимою вещью—очень легко и просто казалось исправить самого себя, усвоить всѣ добродѣтели и быть счастливымъ».

И Толстой, медленнымъ, затяжнымъ, часто кружнымъ путемъ, поборетъ въ себѣ психологію своего круга, освободитъ свою мятежную и страстную душу отъ всѣхъ традицій и больно ударитъ по всѣмъ слабымъ сторонамъ нашей жизни, будетъ «противиться злу» не «насиліемъ», а творческимъ проникновеннымъ словомъ, безтрепетно вскроетъ всѣ противорѣчія нашего національнаго, соціальнаго и религіознаго уклада, скажетъ свое вдохновенное: «Не убій» въ самый разгаръ тупого человѣконенавистничества и общаго озвѣрѣнія, будетъ звать съ пламенной убѣжденностью въ царство правды, къ соціальному миру и религіи любви.

Въ началѣ своей литературной карьеры онъ былъ больше занятъ «дѣломъ своей души», по терминологіи Гоголя, своими личными душевными переживаніями. Разные моменты душевной своей жизни онъ воплотилъ въ неувядаемыхъ образахъ Иртеньева, отчасти Неклюдова, Оленина, Безухова, Андрея Болконскаго, Левина. Его раннее творчество, субъективное въ своихъ корняхъ, даетъ лѣтопись его души, психологическій документъ первостепенной важности, на фонѣ широкихъ картинъ природы и болѣе узкихъ — жизни. Онъ рисуетъ жизнь великосвѣтскую, столь близко знакомую писателю, и народную, въ которой ищетъ иной, высшей правды, иныхъ идеаловъ, столь далекихъ отъ нашей роковой «культурности». Найдя миръ въ своей душѣ, онъ перестаетъ развертывать передъ нами свою движущуюся художественную автобіографію и принимается за проповѣдь — образами, упреками, сатирой, любящимъ убѣжденіемъ. Въ періоды утомленія самоанализомъ и душевнаго мира онъ создаетъ рядъ геніальныхъ объективныхъ образовъ, къ которымъ рвется изъ круга привычныхъ впечатлѣній. И все это приводитъ къ той полнотѣ и глу-

бинѣ творчества, которыя заставили Лѣскова сказать: «Толстой—это океанъ», а Флобера—кричать громовымъ голосомъ, топая ногами: «это—Шекспиръ, Шекспиръ!..», и писать Тургеневу: «благодарю васъ, что вы дали мнѣ возможность прочесть романъ Толстого («Война и Миръ»). Это нѣчто перворазрядное. Какой живописецъ и какой психологъ! Я вскрикивалъ отъ восторга во время чтенія. Да, это сильно, очень сильно»...

Вл. Каллашъ.

Кратkая біографія Льва Николаевича Толстого.

ЧАСТЬ I.

Глава I.

Происхожденіе Л. Н-ча.

Въ 15 верстахъ къ югу отъ Тулы, на большой, старой кіевской дорогѣ лежитъ деревня Ясная Поляна. Рядомъ съ ней, отдѣленная отъ нея оврагомъ и прудомъ, живописно раскинута старинная усадьба князей Волконскихъ, перешедшая въ приданое за княжной Марьей Волконской въ родъ графовъ Толстыхъ.

Марья Николаевна, урожденная княжна Волконская, и графъ Николай Ильичъ Толстой были родителями Льва Николаевича. Онъ родился въ Ясной Полянѣ 28 августа 1828 года и прожилъ въ ней большую часть своей жизни. Теперь Ясная Поляна стала извѣстна всему образованному міру.

Во Львѣ Николаевичѣ соединились два знатныхъ рода: графовъ Толстыхъ и князей Волконскихъ. Происхожденіе рода Толстыхъ въ точности неизвѣстно; иные историки считаютъ родоначальника Толстыхъ выходцемъ изъ нѣмцевъ, другіе думаютъ, что онъ литовскаго происхожденія, а нѣкорые ведутъ его родъ отъ какого то татарскаго хана.

Графскій титулъ Толстые получили во времена Петра I. Первымъ графомъ былъ Петръ Андреевичъ Толстой, сподвижникъ Петра, оставившій по себѣ славу умнаго, ловкаго политика и вельможи; чернымъ пятномъ на его памяти лежитъ его близкое участіе въ убіеніи царевича Алексѣя, сына Петра. Онъ былъ назначенъ Петромъ начальникомъ тайной Канцеляріи и вообще пользовался большимъ довѣріемъ царя и императрицы Екатерины I, въ день коронованія которой и получилъ титулъ графа.

Съ воцареніемъ Петра II, сына убитаго царевича Алексѣя, графъ Петръ Андреевичъ потерялъ все свое величіе. Онъ былъ лишенъ графскаго титула и уже 82-лѣтнимъ старцемъ былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ вскорѣ и умеръ.

Графскій титулъ возвращенъ былъ Толстымъ лишь во время царствованія императрицы Елизаветы Петровны.

Дѣдъ Л. Н-ча, Илья Андреевичъ, какъ объ немъ самъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Л. Н-чъ, былъ человѣкъ ограниченный, очень мягкій, веселый и не только щедрый, но безтолково мотоватый. Въ его имѣніи шли непрерывные пиршества, театры, балы, обѣды, катанья, картежная игра, и все это кончилось тѣмъ, что большое имѣніе его жены все было такъ запутано въ долгахъ, что жить было нечѣмъ, и Илья Андревичъ выхлопоталъ себѣ мѣсто губернатора въ Казани.

Жена Ильи Андреевича, бабушка Л. Н-ча, Пелагея Николаевна, урожденная княжна Горчакова, была по воспоминаніямъ Л. Н-ча добрая, но мало образованная, знавшая по-французски лучше, чѣмъ по-русски, очень избалованная женщина.

Предки Л. Н-ча со стороны матери, князья Волконскіе, ведутъ свой родъ отъ Рюрика. Князь Иванъ Юрьевичъ въ XIII колѣнѣ отъ Рюрика въ началѣ 14-го столѣтія получилъ Волконскій удѣлъ (по рѣкѣ Волконкѣ, протекающей въ теперешней Калужской и отчасти Тульской губерніи)—и отъ этого пошелъ родъ князей Волконскихъ.

Дѣдъ Льва Николаевича, отецъ его матери, князь Николай Сергѣевичъ Волконскій, послѣ разныхъ перепитій по службѣ, занимая важныя должности, то возвышаясь, то падая, вышелъ, наконецъ, въ отставку и, женившись на княжнѣ Екатеринѣ Дмитріевнѣ Трубецкой, поселился въ полученномъ отъ своего отца имѣніи Ясная Поляна. Левъ Николаевичъ такъ разсказываетъ объ немъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

«Княгиня Екатерина Дмитріевна рано умерла, оставивъ моему дѣду единственную дочь Марію. Съ этой то сильно любимой дочерью и ея компаньонкой француженкой и прожилъ мой дѣдъ до своей смерти, около 1821 года. Дѣдъ мой считался очень строгимъ хозяиномъ, но я никогда не слышалъ разсказовъ о его жестокостяхъ и наказаніяхъ, столь обычныхъ въ то время. Я думаю, что они были, но восторженное уваженіе къ его важности и разумности было такъ велико въ дворовыхъ и крестьянахъ его времени, которыхъ я часто разспрашивалъ про него, что хотя я и слышалъ осужденія моего отца, я слышалъ только

похвалы уму, хозяйственности и заботѣ о крестьянахъ и въ особенности о дворовыхъ моего дѣда».

«Вѣроятно у него было очень тонкое эстетическое чувство. Всѣ его постройки не только прочны и удобны, но чрезвычайно изящны. Таковъ же разбитый имъ паркъ передъ домомъ. Вѣроятно, онъ также очень любилъ музыку, потому что только для себя и для матери держалъ свой хорошій, небольшой оркестръ. По утрамъ онъ гулялъ по аллеѣ, слушая музыку. Охоты онъ терпѣть не могъ, а любилъ цвѣты и оранжерейныя растенія».

Послѣ смерти отца, княгиня Марія Николаевна въ скоромъ времени вышла замужъ за графа Николая Ильича Толстого. О родителяхъ Л. Н-ча мы тоже знаемъ по его личнымъ воспоминаніямъ.

«Отецъ былъ средняго роста, хорошо сложенъ, живой сангвиникъ съ пріятнымъ лицомъ и всегда грустными глазами. Жизнь его протекала въ занятіяхъ хозяйствомъ, въ которомъ онъ, кажется, не былъ большой знатокъ, но въ которомъ онъ имѣлъ для того времени большое качество: онъ былъ не только не жестокъ, но скорѣе даже слабъ. Такъ что и за его время я никогда не слыхалъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ».

Отношенія Л. Н-ча къ его отцу видны изъ слѣдующаго его разсказа: «Помню его въ его кабинетѣ, куда мы приходили къ нему прощаться, а иногда просто поиграть, гдѣ онъ съ трубкой сидѣлъ на кожаномъ диванѣ и ласкалъ насъ, а иногда къ величайшей радости нашей пускалъ къ себѣ за спину на кожаный диванъ и продолжалъ читать или разговаривать съ стоящимъ у притолоки двери приказчикомъ или съ С. И. Языковымъ, моимъ крестнымъ отцомъ, часто гостившимъ у насъ. Помню, какъ онъ приходилъ къ намъ внизъ и рисовалъ намъ картинки, которыя казались намъ верхомъ совершенства. Помню, какъ онъ разъ заставилъ меня прочесть ему, полюбившіеся мнѣ и выученные мною наизусть, стихи Пушкина «Къ морю»: «Прощай, свободная стихія» и Наполеону: «Чудесный жребій совершился, угасъ великій человѣкъ» и т. д. Его поразилъ, очевидно, тотъ паѳосъ, съ которымъ я произносилъ эти стихи, и онъ, прослушавъ меня, какъ то значительно переглянулся съ бывшимъ тутъ Языковымъ. Я понялъ, что онъ что то хорошее видитъ въ этомъ моемъ чтеніи, и былъ очень счастливъ этимъ».

Совсѣмъ молодымъ, 16 лѣтъ, отецъ Л. Н-ча поступилъ на военную службу, во время войны 1812 года. Онъ продѣлалъ походы 13, 14 годовъ и въ 14-мъ году, гдѣ то въ Германіи, будучи посланъ курьеромъ, былъ французами взятъ въ плѣнъ, отъ

котораго освободился только въ 15-мъ году, когда наши войска вошли въ Парижъ.

Послѣ войны онъ вышелъ въ отставку. Вскорѣ умеръ его отецъ, дѣдъ Л. Н-ча, и Николай Ильичъ остался съ разстроеннымъ состояніемъ отца и съ избалованной, привыкшей къ роскоши матерью. Тогда его родные устроили ему женитьбу на богатой княжнѣ Маріи Николаевнѣ Волконской, матери Л. Н-ча.

Это была во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательная женщина. Л. Н-чу было $1^1/_2$ года, когда она умерла, и онъ ее совершенно не помнитъ. Но по разсказу тетокъ и другихъ близкихъ людей у него создался самый нѣжный, полный любви, прекрасный образъ матери.

Вотъ нѣкоторыя главнѣйшія черты ея, приводимыя Л. Н-чемъ въ его воспоминаніяхъ:

«По странной случайности, не осталось ни одного ея портрета, такъ что, какъ реальное физическое существо,—я не могу себѣ представить ея. Я отчасти радъ этому, потому что въ представленіи моемъ о ней есть только ея духовный обликъ, и все, что я зналъ о ней, все прекрасно, и я думаю не оттого только, что всѣ говорившіе мнѣ про мою мать старались говорить о ней только хорошее, но потому, что, дѣйствительно, въ ней было много этого хорошаго».

«Мать моя,—говоритъ Л. Н-чъ—была не хороша собой, очень хорошо образована для своего времени. Она знала, кромѣ русскаго, на которомъ она, противно принятой тогда русской безграмотности, писала правильно, — четыре языка: французскій, нѣмецкій, англійскій и итальянскій,—и должна была быть чутка къ художеству; она хорошо играла на фортепьяно, и сверстницы ея разсказывали мнѣ, что она была большая мастерица разсказывать завлекательныя сказки, выдумывая ихъ по мѣрѣ разсказа. Самое же дорогое качество было то, что она, по разсказамъ прислуги, была хотя и вспыльчива, но сдержана. «Вся покраснѣетъ, даже заплачетъ,—разсказывала мнѣ ея горничная,—но никогда не скажетъ грубаго слова». Она и не знала ихъ. «Дѣтство свое мать прожила частью въ Москвѣ, частью въ деревнѣ съ умнымъ, гордымъ и даровитымъ человѣкомъ, моимъ дѣдомъ, Волконскимъ. Жизнь моей матери въ семьѣ отца, какъ я могу заключить по письмамъ и разсказамъ, была очень счастливая и хорошая».

«Мнѣ говорили, что маменька очень любила меня и называла: Mon petit Binjamin. Она представлялась мнѣ такимъ вы-

Л. Н. Толстой.

(Съ портрета Рѣпина).

сокимъ чистымъ духовнымъ существомъ, что часто, въ средній періодъ моей жизни, во время борьбы съ одолѣвавшими меня искушеніями, я молился ея душѣ, прося ее помочь мнѣ, и эта молитва всегда помогала мнѣ».

Таковъ духовный обликъ матери Л. Н-ча. Отецъ Л. Н-ча также умеръ, когда онъ былъ еще ребенкомъ, 9 лѣтъ. И дѣти, ихъ было пять, четыре брата и сестра, остались на попеченіи тетки.

Глава II.

Дѣтство, отрочество и юность.

О дѣтствѣ Л. Н-ча мы знаемъ изъ его воспоминаній. Въ повѣсти Л. Н-ча, названной имъ «Дѣтство, отрочество и юность», изображеніе дѣйствительности смѣшано съ фантазіей, и потому она не вполнѣ можетъ дать картину его юныхъ годовъ.

Воспоминанія Л. Н-ча о своемъ дѣтствѣ заходятъ очень далеко. Ему смутно помнится, какъ его пеленали и мыли въ корытѣ.

«Странно и страшно подумать, говоритъ Л. Н-чъ въ своихъ первыхъ воспоминаніяхъ, что отъ рожденія моего и до трехъ лѣтъ, въ то время, когда я кормился грудью, когда меня отняли отъ груди, когда я сталъ ползать, ходить, говорить, сколько бы я ни искалъ въ своей памяти, я не могу найти ни одного впечатлѣнія, кромѣ этихъ двухъ (т. е. пеленанія и мытья). Когда же я начался? Когда началъ жить? И почему мнѣ радостно представлять себя тогда, а бывало страшно, какъ и теперь страшно многимъ представлять себя тогда, когда я опять вступлю въ то состояніе смерти, отъ котораго не будетъ воспоминаній, выразимыхъ словами? ...Отъ пятилѣтняго ребенка до меня только шагъ. Отъ новорожденнаго до пятилѣтняго страшное разстояніе. Отъ зародыша до новорожденнаго пучина. А отъ несуществованія до зародыша отдѣляетъ уже не пучина, а непостижимость».

Но вотъ воспоминанія Л. Н-ча становятся болѣе и болѣе ясными. Ему вспоминаются дѣтскія игры съ няней Еремѣевной, вспоминается дядька-нѣмецъ Федоръ Карловичъ Рессель, описанный въ «Дѣтствѣ» подъ видомъ Карла Ивановича Мауера, и, наконецъ, драгоцѣнное для него существо Татьяна Александровна Ергольская, дальняя родственница Толстыхъ, но которую всѣ они звали тетушкой

Послѣ отца и матери, по словамъ Л. Н-ча, она была, въ смыслѣ вліянія на его жизнь, самымъ значительнымъ лицомъ.

Это была мягкая, любящая и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительная, съ крѣпкой сознательной волей, женщина. Татьяна Александровна замѣнила Л. Н-чу его умершую мать. И за исключеніемъ нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ Л. Н. въ Казани и на Кавказѣ, они прожили всю жизнь вмѣстѣ, подъ одной крышей въ Яснополянскомъ домѣ, гдѣ Татьяна Александровна и скончалась въ 1875 году.

Вотъ какъ опредѣляетъ Л. Н-чъ вліяніе Т. А. на свою жизнь.

«Я сказалъ, что тетенька Татьяна Александровна имѣла самое большое вліяніе на мою жизнь. Вліяніе это было, во-первыхъ, въ томъ, что еще въ дѣтствѣ она научила меня духовному наслажденію любви. Она не словами учила меня этому, а всѣмъ своимъ существомъ заражала меня любовью. Я видѣлъ, чувствовалъ, какъ хорошо ей было любить, и понялъ счастіе любви. Это первое. Второе то, что она научила меня прелести неторопливой, одинокой жизни».

Другое сильное и доброе вліяніе, испытанное на себѣ въ дѣтствѣ Л. Н-чемъ, было вліяніе его старшаго брата Николая.

Въ своихъ воспоминаніяхъ Л. Н-чъ даетъ краткую характеристику брата Николая и разсказываетъ о дѣтскихъ играхъ, затѣвавшихся Николаемъ съ меньшими братьями.

«Старшій братъ Николенька былъ на шесть лѣтъ старше меня. Ему было, стало быть, 10 — 11, когда мнѣ было 4 или 5 лѣтъ, именно когда онъ водилъ насъ на Фанфаронову гору. Мы въ первой молодости, не знаю, какъ это случилось, говорили ему «вы». Онъ былъ удивительный мальчикъ и потомъ удивительный человѣкъ. Тургеневъ говорилъ про него очень вѣрно, что онъ не имѣлъ только тѣхъ недостатковъ, которые нужны для того, чтобы быть писателемъ. Онъ не имѣлъ главнаго, нужнаго для этого недостатка: у него не было тщеславія, ему совершенно не интересно было, что о немъ думаютъ люди. Качества же писателя, которыя у него были, были прежде всего тонкое художественное чутье, крайнее чувство мѣры, добродушный, веселый юморъ, необыкновенное, неистощимое воображеніе и правдивое, высоко нравственное міровоззрѣніе, и все это безъ малѣйшаго самодовольства. Воображеніе у него было такое, что онъ могъ разсказывать сказки или исторіи съ привидѣніями въ духѣ мадамъ Рэдклифъ или юмористическія исторіи

безъ остановки цѣлыми часами и съ такой увѣренностью въ дѣйствительности разсказываемаго, что забывалось, что это выдумка.

«Такъ вотъ онъ то, когда намъ съ братьями было, мнѣ 5, Митенькѣ 6, Сережѣ 7 лѣтъ, объявилъ намъ, что у него есть тайна, посредствомъ которой, когда она откроется, всѣ люди сдѣлаются счастливыми, не будетъ ни болѣзни, никакихъ непріятностей, никто ни на кого не будетъ сердиться, и всѣ будутъ любить другъ друга, всѣ сдѣлаются муравейными братьями (вѣроятно, это были моравскіе братья, о которыхъ онъ слыхалъ или читалъ, но на нашемъ языкѣ это были муравейные братья). И я помню, что слово «муравейные» особенно нравилось, напоминая муравьевъ въ кочкѣ. Мы даже устроили игру въ муравейные братья, которая состояла въ томъ, что садились подъ стулья, загораживая ихъ ящиками, завѣшивали платками и сидѣли тамъ въ темнотѣ, прижимаясь другъ къ другу. Я, помню, испытывалъ особенное чувство любви и умиленія и очень любилъ эту игру.

«Муравейные братья» были открыты намъ, но главная тайна о томъ, какъ сдѣлать, чтобы всѣ люди не знали никакихъ несчастій, никогда не ссорились и не сердились, а были бы постоянно счастливы, эта тайна была, какъ онъ намъ говорилъ, написана имъ на зеленой палочкѣ, и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага стараго Заказа, въ томъ мѣстѣ, въ которомъ я, такъ какъ надо же гдѣ-нибудь зарыть мой трупъ, просилъ въ память Николеньки закопать меня.

«Кромѣ этой палочки, была еще какая то Фанфаронова гора, на которую, онъ говорилъ, можетъ ввести насъ, если только мы исполнимъ всѣ возложенныя для того условія. Условія были, во-первыхъ: стать въ уголъ и не думать о бѣломъ медвѣдѣ. Помню, какъ я становился въ уголъ и старался, но никакъ не могъ не думать о бѣломъ медвѣдѣ. Второе условіе: пройти, не оступившись, по щелкѣ между половицами, и третье, легкое: въ продолженіе года не видать зайца, все равно живого или мертваго или жаренаго. Потомъ надо поклясться никому не открывать этихъ тайнъ».

«Идеалъ муравейныхъ братьевъ,—продолжаетъ Л. Н-чъ,—льнущихъ любовью другъ къ другу, только не подъ двумя креслами, завѣшенныхъ платками, а подъ всѣмъ небеснымъ сводомъ, всѣхъ людей міра, остался для меня тотъ же. И какъ я тогда вѣрилъ, что есть та зеленая палочка, на которой написано то, что должно

уничтожить все зло въ людяхъ и дать имъ великое благо, такъ я вѣрю и теперь, что есть эта истина и что будетъ она открыта людямъ и дастъ имъ то, что она обѣщаетъ».

О другихъ братьяхъ своихъ Л. Н-чъ говоритъ такъ:

«Съ Митенькой я былъ товарищемъ. Николеньку я уважалъ, но Сережей я восхищался и подражалъ ему, любилъ его, хотѣлъ быть имъ. Я восхищался его красивой наружностью, его пѣніемъ (онъ всегда пѣлъ), его рисованіемъ, его веселіемъ и въ особенности, какъ ни странно это сказать, непосредственностью его эгоизма. Я всегда себя помнилъ, себя сознавалъ, всегда чуялъ, ошибочно или нѣтъ, то, что думаютъ обо мнѣ и чувствуютъ ко мнѣ другіе, и это портило мнѣ радости жизни. Отъ этого, вѣроятно, я особенно любилъ въ другихъ противоположность этому, непосредственность эгоизма. И за это я любилъ особенно Сережу—слово любилъ невѣрно. Николеньку я любилъ, а Сережей восхищался, какъ чѣмъ-то совсѣмъ мнѣ чуждымъ, непонятнымъ. Это была жизнь человѣческая, очень красивая, но совершенно непонятная для меня, таинственная и потому особенно привлекательная».

Братъ Дмитрій отличался въ юности большой сознательной религіозностью, совершалъ поступки безкорыстнаго самоотверженія, доходилъ до аскетизма, и, вѣроятно, и его жизнь не осталась безъ вліянія на Л. Н-ча.

Укажемъ еще на одно вліяніе въ раннемъ дѣтствѣ, которое признаетъ на себѣ самъ Л. Н-чъ. Семья, въ которой воспитывался Л. Н-чъ, держалась всѣхъ обычаевъ традиціонной религіи. Однимъ изъ такихъ обычаевъ былъ пріемъ всякаго рода странниковъ, странницъ, монаховъ, монахинь и юродивыхъ. И вотъ юродивые, это странное, но несомнѣнно имѣющее свое историческое значеніе, проявленіе религіозности, напоминающее нѣсколько восточныхъ дервишей, эта характерная черта русской народной жизни, оставила на Л. Н-чѣ глубокое впечатлѣніе въ его раннемъ дѣтствѣ.

Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ говоритъ объ этомъ такъ:

«Юродивый Гриша—лицо вымышленное. Юродивыхъ многоразныхъ бывало въ нашемъ домѣ, и я — за что глубоко благодаренъ моимъ воспитателямъ—привыкъ съ великимъ уваженіемъ смотрѣть на нихъ. Если и были среди нихъ неискренніе, были въ ихъ жизни времена слабости, неискренности, самая задача ихъ жизни была, хотя и практически нелѣпая, такая высокая, что я радъ, что съ дѣтства безсознательно научился понимать

высоту ихъ подвига. Они дѣлали то, про что говоритъ Маркъ Аврелій: «Нѣтъ ничего выше того, какъ то, чтобы сносить презрѣніе за свою добрую жизнь». Такъ вреденъ, такъ неустранимъ соблазнъ славы людской, примѣшивающійся всегда къ добрымъ дѣламъ, что нельзя не сочувствовать попыткамъ не только избавиться отъ похвалы, но вызвать презрѣніе людей. Такой юродивой была и крестная мать сестры Марья Герасимовна и полудурачокъ Евдокимушка и еще нѣкоторые, бывшіе въ нашемъ домѣ».

Всѣ эти вліянія составили особую, чарующую, моральнопоэтическую атмосферу ранняго дѣтства Л. Н-ча, заставившаго его написать такое восторженное восклицаніе при воспоминаніи объ этомъ времени: «Счастливая, счастливая, невозвратимая пора дѣтства! Какъ не любить, не лелѣять воспоминаній о ней! Воспоминанія эти освѣжаютъ, возвышаютъ мою душу и служатъ для меня источникомъ лучшихъ наслажденій».

Дѣти росли и требовали новыхъ заботъ. Для болѣе серьезнаго обученія старшаго брата Николая семья Толстыхъ переѣхала въ Москву.

Въ это время послѣдовали одна за другой три смерти. Сначала умеръ отецъ Л. Н-ча, потомъ черезъ полтора года умерла бабушка и, наконецъ, опекунша-тетка Л. Н-ча, баронесса Остенъ-Сакенъ.

Тогда опека перешла къ другой теткѣ, Пелагеѣ Ильинишнѣ Юшковой, жившей въ Казани, куда она и перевезла всѣхъ дѣтей Толстыхъ. И тамъ началась для нихъ новая жизнь. Переѣздъ совершился въ 1841 году.

Л. Н-чу въ это время было уже 13 лѣтъ, и въ характерѣ его стали проявляться нѣкоторыя опредѣленныя черты.

Повѣсть Л. Н-ча «Отрочество» даетъ для этого нѣкоторый автобіографическій матеріалъ. Самолюбіе было одною изъ чертъ характера Л. Н-ча, съ которымъ ему много приходилось бороться, и которое, вѣроятно, не разъ отравляло ему спокойствіе души.

Въ дѣтствѣ оно проявлялось въ грубой, элементарной, наивной формѣ. Онъ очень заботился о своей наружности, мучился, смотря въ зеркало и видя, что онъ некрасивъ. Застѣнчивость, какъ обратная сторона самолюбія, также много доставляла ему страданій. Рано проявилась въ немъ склонность къ умствованію, къ анализу и выразилась у него опредѣленнымъ, скептическимъ міросозерцаніемъ. Вотъ что говоритъ герой «Отрочества» Николенька:

«Но ни однимъ изъ всѣхъ философскихъ направленій я не увлекался такъ, какъ скептицизмомъ, который одно время довелъ меня до состоянія, близкаго къ сумасшествію. Я воображалъ, что кромѣ меня никого и ничего не существуетъ во всемъ мірѣ, что предметы—не предметы, а образы, являющіеся только тогда, когда я на нихъ обращаю вниманіе, и что, какъ скоро я перестану думать о нихъ, образы эти тотчасъ же исчезаютъ. Однимъ словомъ, я сошелся съ Шеллингомъ въ убѣжденіи, что существуютъ не предметы, а мое отношеніе къ нимъ. Были минуты, что я подъ вліяніемъ этой постоянной идеи доходилъ до такой степени сумасбродства, что иногда быстро оглядывался въ противоположную сторону, надѣясь врасплохъ застать пустоту (néant) тамъ, гдѣ меня не было».

Такъ не ровно, но быстро развиваясь, Л. Н-чъ переходитъ въ юношескій возрастъ и поступаетъ въ университетъ

Три старшіе брата были уже тамъ. Л. Н-чъ выбираетъ себѣ сначала факультетъ восточныхъ языковъ, но, пробывъ тамъ годъ и не выдержавъ переходнаго экзамена, берется за юридическія науки. На юридическомъ факультетѣ дѣло идетъ немного лучше, онъ благополучно переходитъ на 2-й курсъ, но тамъ рвеніе его уже охлаждается. Занятія его въ университетѣ шли безпорядочно; его пылкая, увлекающаяся, независимая натура плохо укладывалась въ рамки тогдашняго рутиннаго преподаванія.

Съ другой стороны свѣтская жизнь его опекуновъ Юшковыхъ, занимавшихъ видное мѣсто въ Казанскомъ, такъ назъ высшемъ, обществѣ, толкала его на путь свѣтскихъ развлеченій; балы, театры, визиты и т. д. заполняли зимнее время и мѣшали занятіямъ. Кромѣ того, Л. Н-чъ, какъ юноша, склонный къ умственной самостоятельной работѣ, увлекаясь тѣмъ или инымъ предметомъ, отдавался ему всецѣло и забрасывалъ всѣ остальные. Все это, конечно, не способствовало успѣху занятій. Онъ часто пропускалъ нелюбимыя лекціи, за что разъ попалъ въ карцеръ, а на репетиціяхъ и экзаменахъ получалъ плохія отмѣтки. Зато какъ только онъ попадалъ на предметъ, дававшій пищу его душѣ, онъ весь уходилъ въ изученіе его, размышленіе надъ нимъ, и этотъ предметъ уже вызывалъ его творческія силы, которыя и проявлялись въ какомъ-нибудь произведеніи. Такимъ произведеніемъ было, напримѣръ, сохранившееся до сихъ поръ въ рукописи сравненіе Esprit des lois Монтескье съ Наказомъ Екатерины. Это было учебной темой, заданной однимъ изъ лучшихъ профессоровъ Казанскаго университета,

Мейеромъ, однимъ изъ немногихъ, имѣвшихъ вліяніе на развитіе Л. Н-ча.

Въ это время Л. Н-чъ уже писалъ дневникъ и дѣлалъ первые опыты записыванія своихъ наблюденій окружающаго его міра и изложенія своихъ философскихъ мыслей. И всѣ они проникнуты высокимъ моральнымъ чувствомъ.

Приведемъ нѣкоторыя изъ такихъ юношескихъ записей.

Вотъ запись дневника въ мартѣ 1847 года.

«Я много перемѣнился, но все еще не достигъ той степени совершенства (въ занятіяхъ), котораго бы мнѣ хотѣлось достигнуть. Я не исполняю того, что себѣ предписываю; что исполняю, то исполняю не хорошо, не изощряю памяти. Для этого пишу здѣсь нѣкоторыя правила, которыя, мнѣ кажется, много мнѣ помогутъ, ежели я буду имъ слѣдовать:

1) Что назначено непремѣнно исполнить, то исполняй, несмотря ни на что.

2) Что исполняешь, исполняй хорошо.

3) Никогда не справляйся въ книгѣ, что забылъ, а постарайся самъ припомнить.

4) Заставляй постоянно умъ твой дѣйствовать со всею ему возможною силою.

5) Читай и думай всегда громко.

6) Не стыдись говорить людямъ, которые тебѣ мѣшаютъ, что они мѣшаютъ; сначала дай почувствовать, а ежели они не понимаютъ (что они мѣшаютъ), то извинись и скажи имъ это».

Тамъ же написано:

«Общество есть часть міра. Надо разумъ согласовать съ міромъ, съ цѣлымъ, познавая законы его, и тогда можно стать независимымъ отъ части, отъ общества».

А вотъ его тогдашнее опредѣленіе философіи:

«Человѣкъ стремится, т. е. человѣкъ дѣятеленъ. Куда направлена его дѣятельность? Какимъ образомъ сдѣлать эту дѣятельность свободной? въ этомъ заключается цѣль философіи въ ея истинномъ значеніи. Другими словами философія есть наука жизни».

Въ своей повѣсти «Юность» Л. Н-чъ приводитъ размышленія своего героя, несомнѣнно служащія отраженіемъ дѣйствительнаго состоянія его юношеской души. Эти размышленія облечены въ изящную лирическую форму:

«Луна все выше и выше, свѣтлѣе и свѣтлѣе стояла на небѣ, пышный блескъ пруда, равномѣрно усиливающійся, какъ звукъ,

становился яснѣе и яснѣе, тѣни становились чернѣе и чернѣе, свѣтъ прозрачнѣе и прозрачнѣе, и, вглядываясь и вслушиваясь во все это, что то говорило мнѣ, что «она», съ обнаженными руками и пылкими объятіями, еще далеко-далеко не все счастье, что и любовь къ ней далеко-далеко еще не все благо, и чѣмъ больше я смотрѣлъ на высокій, полный мѣсяцъ, тѣмъ истинная красота и благо казались выше и выше, чище и чище, ближе и ближе къ Нему, къ источнику всего прекраснаго и благого, и слезы какой то неудовлетворенной, но волнующей радости навертывались мнѣ на глаза.

«И все я былъ одинъ, и все казалось, что таинственно-величавая природа, притягивавшій къ себѣ свѣтлый кругъ мѣсяца, остановившійся зачѣмъ то на одномъ высокомъ неопредѣленномъ мѣстѣ блѣдно-голубого неба и вмѣстѣ стоящій вездѣ и какъ будто наполняющій собою все необъятное пространство, и я, ничтожный червякъ, уже осквернений всѣми мелкими бѣдными людскими страстями, но со всею необъятною могучею силою любви,—мнѣ все казалось въ эти минуты, что какъ будто природа, и луна, и я—мы были одно и то же».

Неудовлетворенный университетскими занятіями, Л. Н-чъ воспользовался первымъ поводомъ, окончаніемъ университета старшимъ братомъ Николаемъ, бросилъ ученье и уѣхалъ вслѣдъ за братомъ въ Ясную Поляну.

Тамъ онъ пробылъ недолго. Тяжелыя условія крѣпостного права, уже пережитыя Л. Н-чемъ въ его душѣ, не дали ему возможности проявить свои народническія стремленія. Онъ не въ состояніи былъ благотворить рабамъ. Онъ описалъ этотъ неудачный опытъ въ разсказѣ «Утро помѣщика».

Тогда онъ поѣхалъ въ Петербургъ, можно сказать буквально, «искать счастья». Это былъ самый бурный, страстный періодъ его жизни. Онъ то собирался за границу, то готовился къ университетскому экзамену, то поступалъ на военную службу. Игралъ въ карты, дѣлалъ долги, увлекался цыганами и вообще велъ самую безпорядочную жизнь.

И все это сопровождалось и прерывалось тяжелыми, но благотворными минутами сознанія своего нравственнаго паденія.

Въ дневникѣ того времени попадаются такія записи:

«Живу совершенно скотски, хотя и не совсѣмъ безпутно, занятія свои почти всѣ оставилъ, и духомъ очень упалъ».

Часть этого времени Л. Н-чъ прожилъ въ Москвѣ, но и тамъ жизнь его не налаживалась.

Среди всей этой бурной смѣны свѣтскихъ удовольствій, игры, припадковъ чувственности, увлеченія охотой—вдругъ наступали періоды религіозности, смиренія, доходившіе до аскетизма. И какъ свѣтлыя блестки на этомъ мрачномъ фонѣ, являлись порывы художественнаго творчества.

Весь этотъ перемѣнчивый, опасный періодъ жизни былъ оборванъ внезапнымъ отъѣздомъ на Кавказъ.

Глава III.

Военная служба.

Старшій братъ Л. Н-ча, Николай, по окончаніи университета поступилъ на военную службу въ артиллерію, на Кавказъ. Въ апрѣлѣ 1851 года, какъ разъ въ то время, когда бурный періодъ жизни Л. Н-ча достигъ наибольшаго напряженія и угрожалъ нанести непоправимый ударъ его душевной жизни, полной такихъ великихъ возможностей, какъ разъ въ этотъ критическій моментъ Николай Николаевичъ пріѣхалъ съ Кавказа въ отпускъ. Видя, въ какомъ опасномъ положеніи находится братъ, онъ уговорилъ его ѣхать съ нимъ на Кавказъ. Уговорить Л. Н-ча было не трудно: онъ метался въ угарѣ страстей, и ухватился за предложеніе брата, какъ за средство спасенія.

Въ ту же весну они выѣхали съ братомъ на Кавказъ. Оба брата любили не быть похожими на другихъ и поѣхали на Кавказъ не такъ, какъ ѣздили тогда всѣ, т. е. изъ Москвы прямо на лошадяхъ на югъ, на Воронежъ, а отправились въ Казань на лошадяхъ, провели тамъ нѣсколько дней у родственниковъ Юшковыхъ. Л. Н-чъ успѣлъ тамъ влюбиться въ молодую Зинаиду Молоствову и въ самомъ радужномъ настроеніи они отправились съ братомъ изъ Казани на лошадяхъ до Саратова, а оттуда на большой лодкѣ, уставивъ туда и тарантасъ, поплыли отчасти по теченію, гдѣ парусами, гдѣ веслами и спустились такъ до Астрахани; оттуда опять на лошадяхъ черезъ Кизляръ, въ станицу Старогладовскую, къ мѣсту служенія Николая Николаевича Толстого, въ такихъ поэтическихъ образахъ описанную имъ въ его повѣсти «Казаки».

Вскорѣ изъ этой станицы они перекочевали въ укрѣпленный лагерь Старый Юртъ, куда былъ командированъ Николай Николаевичъ со своей батареей. Русскій отрядъ, расположенный въ Старомъ Юртѣ, имѣлъ назначеніе защищать отъ нападенія горцевъ больныхъ вновь открытаго лѣчебнаго заведенія въ Го-

рячеводскѣ, съ сильнымъ горячимъ источникомъ. У самой подошвы горы, откуда вытекалъ источникъ, и былъ расположенъ лагерь, а на склонѣ горы живописно раскинулся аулъ Старый Юртъ.

Вотъ какъ описываетъ этотъ чудный горный уголокъ Л. Н-чъ въ письмѣ къ своей теткѣ Татьянѣ Александровнѣ: [1])

«Это большая гора изъ нагроможденныхъ другъ на друга камней. Одни изъ нихъ оборвались и, упавъ, образовали нѣчто въ родѣ гротовъ, другіе нависли на страшной высотѣ. Всѣ они перерѣзаны потоками горячей воды, которые падаютъ съ шумомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и закрываютъ, особенно по утрамъ, верхнюю часть скалы бѣлымъ паромъ, который поднимается отъ этой кипящей воды. Вода такъ горяча, что въ ней можно сварить яйцо вкрутую въ три минуты. Въ этомъ оврагѣ, на потокахъ, есть три мельницы, одна надъ другой, построенныя совсѣмъ особеннымъ образомъ и очень красиво. Весь день татарскія женщины проходятъ то и дѣло выше и ниже мельницъ, чтобы мыть бѣлье. Нужно вамъ сказать, что онѣ моютъ ногами. Это какъ муравейникъ, вѣчно кишащій. Женщины большею частью красивы и хорошо сложены. Одежды восточныхъ женщинъ, несмотря на ихъ бѣдность, изящны... Красивыя группы женщинъ, дикая красота мѣстности—все это представляетъ очаровательную картину. Я часто часами стою и любуюсь пейзажемъ»

Вотъ въ этихъ двухъ мѣстахъ, въ станицѣ Старогладовской и въ Старомъ Юртѣ, и протекала большая часть 3-хлѣтняго пребыванія Л. Н-ча на Кавказѣ, и эти мѣстности и близлежащія горы и послужили фономъ для тѣхъ чудныхъ картинъ, которыми полны кавказскіе разсказы и повѣсти Л. Н-ча.

Припомнимъ чудное описаніе горъ изъ повѣсти «Казаки»:

«Утро было совершенно ясное. Вдругъ онъ увидалъ шагахъ въ двадцати отъ себя, какъ ему показалось въ первую минуту, чисто-бѣлыя громады съ ихъ нѣжными очертаніями и причудливую, отчетливую воздушную линію ихъ вершинъ и далекаго неба. И когда онъ понялъ всю даль между нимъ и горами, и небомъ, всю громадность горъ, и когда почувствовалась ему вся безконечность этой красоты, онъ испугался, что это призракъ, сонъ. Онъ встряхнулся, чтобы проснуться. Горы были все тѣ же.

[1]) Письмо это, какъ большая часть писемъ Л. Н-ча къ тетушкѣ, написано по-французски. Мы приводимъ здѣсь выдержку изъ него въ русскомъ переводѣ.

«— Что это? Что это такое?—спросилъ онъ у ямщика.

«— А горы,—отвѣчалъ равнодушно ногаецъ.

«— И я тоже давно на нихъ смотрю,—сказалъ Ванюша,— вотъ хорошо то. Дома не повѣрятъ.

«На быстромъ движеніи тройки по ровной дорогѣ горы, казалось, бѣжали по горизонту, блестя на восходящемъ солнцѣ своими розоватыми вершинами. Сначала горы только удивили Оленина, потомъ обрадовали; но потомъ, больше и больше вглядываясь въ эту не изъ другихъ черныхъ горъ, но прямо изъ степи вырастающую и убѣгающую цѣпь снѣговыхъ горъ, онъ мало-по-малу началъ вникать въ эту красоту и почувствовалъ горы. Съ этой минуты все, что только онъ видѣлъ, все, что онъ думалъ, все, что онъ чувствовалъ, получало для него новый, строго величавый характеръ горъ. Всѣ московскія воспоминанія, стыдъ и раскаяніе, всѣ пошлыя мечты о Кавказѣ, всѣ исчезли и не возвращались болѣе. «Теперь началось»,—какъ будто сказалъ ему какой то торжественный голосъ. И вдали виднѣвшаяся черта Терека, и станицы, и народъ,—все это ему казалось теперь уже не шуткой. Взглянетъ на небо и вспомнитъ горы. Взглянетъ на себя, на Ванюшу—и опять горы. Вотъ ѣдутъ два казака верхомъ, и ружья въ чехлахъ равномѣрно поматываются у нихъ за спинами, и лошади ихъ перемѣшиваются гнѣдыми и сѣрыми ногами; а горы... За Терекомъ виденъ дымъ въ аулѣ; а горы?.. Солнце всходитъ и блещетъ на виднѣющемся изъ-за камыша Терекѣ; а горы... Изъ станицы ѣдетъ арба, женщины ходятъ, красивыя женщины, молодыя; а горы... Абреки рыскаютъ въ степи, и я ѣду, ихъ не боюсь, у меня ружье и сила и молодость, а горы!..»

Эти волшебныя горы Л. Н-чъ видѣлъ при приближеніи къ Старому Юрту.

Дикая кавказская природа, полудикіе горцы и не менѣе дикіе русскіе, терскіе казаки, вся эта новая, вѣрнѣе обновляющая обстановка жизни такъ благотворно подѣйствовала на Л. Н-ча, что съ него, какъ грязная скорлупа, соскочила вся эта свѣтская, безпутная атмосфера жизни, едва не погубившая его въ Россіи.

И эта обновляющая животворная природа вызвала въ немъ двѣ великія силы: религіозность и творчество.

Въ дневникѣ Л. Н-ча того времени встрѣчаемъ интересную запись пережитаго имъ религіознаго подъема:

«Вчера я почти всю ночь не спалъ; пописавши дневникъ, я сталъ молиться Богу. Сладость чувства, которую я испытывалъ

на молитвѣ, передать невозможно. Я прочелъ молитвы, которыя обыкновенно говорю: Отче, Богородицу, Троицу, Милосердія Двери, Воззваніе къ Ангелу Хранителю и потомъ остался еще на молитвѣ. Ежели опредѣлять молитву просьбою или благодарностью, то я не молился. Я желалъ чего то высочайшаго и хорошаго, но чего,—я передать не могу, хотя и ясно сознавалъ, чего я желаю. Мнѣ хотѣлось слиться съ существомъ всеобъемлющимъ, я просилъ Его простить преступленія мои, но нѣтъ, я не просилъ этого, ибо я чувствовалъ, что ежели Оно дало мнѣ эту блаженную минуту, то Оно простило меня. Я просилъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что мнѣ просить нечего, и что я не могу и не умѣю просить. Я благодарилъ Его, но не словами, не мыслями. Я въ одномъ чувствѣ соединялъ все, и мольбу и благодарность. Чувство страха совершенно исчезло. Ни одного изъ чувствъ—вѣры, надежды и любви я не могъ бы отдѣлить отъ общаго чувства. Нѣтъ, вотъ оно чувство, которое я испыталъ вчера—это любовь къ Богу,—любовь высокую, соединяющую въ себѣ все хорошее, отрицающую все дурное. Какъ страшно мнѣ было смотрѣть на всю мелочную, порочную сторону жизни. Я не могъ постигнуть, какъ онѣ могли завлекать меня. Какъ отъ чистаго сердца просилъ я Бога принять меня въ лоно Свое. Я не чувствовалъ плоти, я былъ... но нѣтъ, плотская, мелочная сторона опять взяла свое, и не прошло и часу, я почти сознательно слышалъ голосъ порока, тщеславія, пустую сторону жизни; зналъ, откуда этотъ голосъ, зналъ, что онъ погубилъ мое блаженство, боролся и поддался ему. Я заснулъ, мечтая о славѣ, о женщинахъ, но я не виноватъ, я не могъ.

«Вѣчное блаженство здѣсь невозможно. Страданія необходимы. Зачѣмъ? Не знаю. И какъ я смѣю говорить: не знаю. Какъ смѣлъ я думать, что можно знать пути Провидѣнія. Оно источникъ разума, и разумъ хочетъ постигнуть.

«Умъ теряется въ этихъ безднахъ премудрости, а чувство боится оскорбить его. Благодарю Его за минуту блаженства, которая показала мнѣ и ничтожность и величіе мое. Хочу молиться, но не умѣю. Хочу постигнуть, но не смѣю—предаюсь въ волю Твою.

«Зачѣмъ писать все это? Какъ плоско, вяло, даже безсмысленно выразились чувства мои, а были такъ высоки».

Такой же подъемъ моральный, соотвѣтствующій тому времени, изображенъ Л. Н-чемъ въ его повѣсти «Казаки».

Герой повѣсти Оленинъ, сидя въ зелени первобытнаго кавказскаго лѣса, предается размышленіямъ о смыслѣ жизни:

«И вдругъ ему какъ будто открылся новый свѣтъ. «Счастье вотъ что, — сказалъ онъ самъ себѣ:—счастье въ томъ, чтобы жить для другихъ. И это ясно. Въ человѣкѣ вложена потребность счастья; стало быть, она законна. Удовлетворяя ее эгоистически, т. е. отыскивая для себя богатства, славы, удобствъ жизни, любви—можетъ случиться, что обстоятельства такъ сложатся, что невозможно будетъ удовлетворить этимъ желаніямъ. Слѣдовательно, эти желанія незаконны, а не потребность счастья незаконна. Какія же желанія могутъ быть удовлетворены, несмотря на внѣшнія условія? Какія? Любовь, самоотверженіе»...

Пробывъ все лѣто съ братомъ, участвуя, какъ волонтеръ, въ стычкахъ съ непріятелемъ, Л. Н-чъ уѣхалъ на зиму въ Тифлисъ, для сдачи экзамена на чинъ фейерверкера для зачисленія на службу.

Въ Тифлисѣ Л. Н-чъ писалъ свою первую повѣсть: «Исторія моего дѣтства».

Сдавъ экзаменъ, Л. Н-чъ снова вернулся къ брату уже въ военной формѣ. Онъ былъ зачисленъ фейерверкеромъ въ 4-ю батарею 20 артиллерійской бригады.

Въ іюлѣ Л. Н-чъ закончилъ свою первую повѣсть и подъ скромными иниціалами Л. Н. Т. послалъ ее въ «Современникъ».

Въ концѣ августа онъ получаетъ письмо отъ тогдашняго редактора «Современника», поэта Н. А. Некрасова, въ которомъ онъ извѣщаетъ Л. Н-ча, что повѣсть эта будетъ напечатана. Признавая въ неизвѣстномъ авторѣ талантъ, Некрасовъ просилъ присылать продолженіе.

Повѣсть «Исторія моего дѣтства» появилась въ сентябрьской книжкѣ «Современника» въ 1852 году.

Такимъ образомъ совершилось вступленіе Л. Н-ча на литературное поприще и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлилось его призваніе.

Не задолго до этого Л. Н-чъ записалъ въ своемъ дневникѣ:

«Есть во мнѣ что то, что заставляетъ меня вѣрить, что я рожденъ не для того, чтобы быть такимъ, какъ всѣ».

Сознаніе его уже тогда смутно предсказывало ему его будущность. Черезъ нѣсколько времени онъ пишетъ въ дневникѣ:

«Тотъ человѣкъ, котораго цѣль есть собственное счастье—дуренъ; тотъ, котораго цѣль есть мнѣніе другихъ—слабъ; тотъ, котораго цѣль есть счастье другихъ—добродѣтеленъ; тотъ, котораго цѣль Богъ—великъ».

«Справедливость есть крайняя мѣра добродѣтели, къ которой обязанъ всякій. Выше ея—стремленіе къ совершенству, ниже—порокъ».

Еслибы захотѣть въ нѣсколькихъ словахъ выразить теперешніе взгляды Л. Н-ча, то трудно бы найти болѣе подходящія формулы.

Конечно, такому человѣку не мѣсто было служить въ Кавказской артиллеріи. Но эти высокія минуты душевнаго подъема все же были только блестками на сѣромъ фонѣ скучной походной жизни. И Л. Н-чъ дѣйствительно сталъ скучать и тяготиться службой.

Въ это время, т. е. въ концѣ 1853 года, началась война Россіи съ Турціей. Сначала Л. Н-чъ хотѣлъ выйти въ отставку, но отставка затянулась, и онъ сталъ хлопотать черезъ своихъ знатныхъ родственниковъ о переводѣ его въ дѣйствующую Дунайскую армію, гдѣ началась война. Родственники выхлопотали ему мѣсто въ штабъ главнокомандующаго Дунайской арміей князя Горчакова, который приходился ему сродни.

Передъ отъѣздомъ на Кавказъ Л. Н-чъ сдалъ офицерскій экзаменъ и былъ произведенъ въ офицеры. На Дунаѣ онъ участвовалъ въ штурмѣ Силистріи и потомъ въ отступленіи нашей арміи. Это отступленіе опять показалось ему скучнымъ, и онъ перепросился въ Севастополь, куда прибылъ въ ноябрѣ 1854 г. и былъ прикомандированъ къ 3 батареѣ 14-й артиллерійской бригады.

Въ Севастополѣ его сразу охватило то патріотическое возбужденіе, которое раздѣляли славные его защитники.

Вотъ что онъ писалъ оттуда между прочимъ своему брату:

«Духъ въ войскахъ выше всякаго описанія. Во времена древней Греціи не было столько геройства. Корниловъ, объѣзжая войска, вмѣсто: «Здорово, ребята», говорилъ: «нужно умирать, ребята, умрете?» И войска кричали: «умремъ, ваше превосходительство, ура». И это былъ не эффектъ, а на лицѣ каждаго видно было, что не шутя, а взаправду, и ужъ 22000 исполнили это обѣщаніе».

Хотя Л. Н-чъ и не участвовалъ въ большихъ штурмахъ и вылазкахъ, однако жизнь его часто подвергалась сильной опасности: онъ дежурилъ на одномъ изъ самыхъ опасныхъ мѣстъ въ 4-мъ бастіонѣ, и эту опасность онъ встрѣчалъ съ беззавѣтной храбростью.

Въ офицерскомъ кружкѣ онъ веселилъ всѣхъ своимъ юмо-

ромъ и ободрялъ своей веселой энергіей. На вечеринкахъ въ обществѣ офицеровъ Л. Н-чъ сложилъ всѣмъ извѣстную пѣсню:

«Какъ четвертаго числа
Насъ нелегкая несла
Горы отбирать»...

Пѣсню эту, въ которой съ добродушнымъ юморомъ были изображены многіе военные начальники, скоро выучили солдаты и распѣвали въ досужее время.

Среди всѣхъ этихъ ужасовъ смерти и въ постоянной тревогѣ за жизнь свою и другихъ, Л. Н-ча не оставляли высокія думы о судьбахъ человѣчества, о смыслѣ жизни и о вѣчной, Божеской правдѣ. И вотъ что онъ пишетъ въ своемъ дневникѣ 5 марта 1855 года:

«Разговоръ о Божествѣ и вѣрѣ навелъ меня на великую, громадную мысль, осуществленію которой я чувствую себя способнымъ посвятить жизнь. Мысль эта—основаніе новой религіи, соотвѣтствующей развитію человѣчества, религіи Христа, но очищенной отъ вѣры и таинственности, религіи практической, не обѣщающей будущее блаженство, но дающей блаженство на землѣ. Привести эту мысль въ исполненіе, я понимаю, что могутъ только поколѣнія, сознательно работающія къ этой цѣли. Одно поколѣніе будетъ завѣщать мысль эту слѣдующему, и когда-нибудь фанатизмъ или разумъ приведутъ ее къ исполненію. Дѣйствовать сознательно къ соединенію людей религіей—вотъ основаніе мысли, которая, надѣюсь, увлечетъ меня».

Вся кипучая дѣятельность Л. Н-ча за всю его жизнь до теперешней глубокой старости есть не что иное, какъ осуществленіе этой великой мысли—религіознаго единенія людей.

Но опять это были только проблески на фонѣ ужасной трагедіи взаимнаго истребленія людей-братьевъ, не питавшихъ другъ къ другу никакой ненависти, что и проявлялось всегда во время перемирія.

Эти трагическіе эпизоды съ неподражаемой искренностью и съ высокой степенью художественности описаны Л. Н-чемъ въ его Севастопольскихъ разсказахъ.

Наконецъ, въ августѣ 1855 г. палъ Севастополь, и остатки русской арміи стали расходиться по домамъ.

Л. Н-чъ былъ посланъ курьеромъ въ Петербургъ съ донесеніемъ и отчетомъ о послѣднемъ сраженіи. Оттуда онъ уже не возвращался въ армію и скоро вышелъ въ отставку.

Глава IV.

Литературная, педагогическая и общественная дѣятельность Л. Н-ча.

Л. Н-чъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, попалъ прямо въ литературный кружокъ «Современника», гдѣ его приняли, какъ своего, и гдѣ онъ былъ уже извѣстенъ своими первыми литературными опытами и Севастопольскими разсказами.

Но кружокъ «Современника» не удовлетворилъ его. Даже съ Тургеневымъ, котораго онъ уважалъ болѣе другихъ, онъ часто ссорился.

Л. Н-чъ по природѣ своей былъ совершенно не способенъ участвовать въ какомъ-либо групповомъ движеніи. И всякое кружковое начало встрѣчало въ немъ горячій отпоръ. Онъ какъ бы боялся потерять свою самостоятельность, быть увлеченнымъ общимъ потокомъ по несвойственному ему пути. Отъ этого происходили всѣ вспышки и столкновенія его съ литературными товарищами.

Тургеневъ принялъ большое участіе во Л. Н-чѣ, первыя произведенія котораго ему очень нравились; онъ пригласилъ Л. Н-ча остановиться у него въ Петербургѣ. Фетъ въ своихъ воспоминаніяхъ комично изображаетъ Тургенева, говорящаго вполголоса, чтобы не разбудить спящаго Толстого, и нарушившаго весь свой домашній обиходъ, чтобы доставить комфортъ своему дорогому гостю. Но скоро онъ увидалъ, что опекаемый имъ ребенокъ давно переросъ свои пеленки, стоитъ на своихъ собственныхъ ногахъ, и даже переходитъ въ нападеніе. Тургеневъ съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ и нѣжностью отошелъ тогда отъ него на нѣкоторое почтительное разстояніе и на этомъ разстояніи остался всю жизнь, неизмѣнно уважая и почитая талантъ Толстого и нѣсколько критически относясь къ его, какъ онъ называлъ, «чудачествамъ».

Изо всего кружка «Современника» Л. Н-чъ ближе всего сошелся съ поэтомъ Фетомъ, и дружба ихъ закрѣпилась надолго.

Л. Н-чъ спѣшилъ выйти въ отставку, чтобы навсегда разстаться съ несвойственной ему военной средой. Онъ получилъ отставку въ ноябрѣ 1856 г. и тотчасъ же сталъ собираться за границу. Передъ отъѣздомъ онъ побывалъ въ Ясной Полянѣ и тутъ запутался въ романическихъ сѣтяхъ. Л. Н-ча, какъ это видно изъ писемъ къ его роднымъ, давно уже безпокоила его одинокая бродячая жизнь. Ему хотѣлось тихой пристани, семей-

Л. Н. Толстой.

(Съ фотографіи 1910 г.)

наго счастья. И вотъ онъ почувствовалъ нѣжную привязанность къ одной дѣвушкѣ, дочери сосѣдняго помѣщика, Валеріи Арсеньевой. Боясь, чтобы не было ошибки въ этомъ мимолетномъ увлеченіи, онъ съ мужествомъ подвергнулъ это взаимное чувство сильному испытанію. Онъ уѣхалъ въ Петербургъ и продолжалъ съ дѣвушкой, которую уже считалъ своей невѣстой, письменныя сношенія. Эти письма представляютъ цѣлый художественный романъ человѣка, желавшаго приготовить путемъ воспитательнаго вліянія изъ молодой, неопытной дѣвушки хорошую, любящую жену, хозяйку и мать. Но чувство, ихъ связывавшее, не было настолько сильно, чтобы расти даже на разстояніи. Письма стали постепенно холоднѣе, и какъ только они увидали, что нѣтъ настоящей связи, такъ прекратили переписку, обмѣнявшись прощальными письмами, полными всякаго уваженія другъ къ другу, и дали себѣ полную свободу въ будущемъ.

Въ январѣ 1857 года Л. Н-чъ выѣхалъ за границу по-тогдашнему въ «Мальпостѣ», т. е. на лошадяхъ, въ почтовой каретѣ на Варшаву, а уже изъ Варшавы по желѣзной дорогѣ въ Парижъ.

Въ Парижѣ Л. Н-чъ много видѣлся и снова нѣсколько сблизился съ Тургеневымъ. Но тутъ же его ожидало тяжелое испытаніе. Какъ будто сама судьба наталкивала его на то, чтобы выступить съ протестомъ противъ современной цивилизаціи. Онъ поѣхалъ за границу учиться, посмотрѣть, чѣмъ живетъ Западъ, нельзя ли что-нибудь перенять для дома и усвоить. И вскорѣ по пріѣздѣ въ Парижъ онъ попадаетъ на зрѣлище смертной казни гильотиной.

«Когда я увидалъ, пишетъ онъ въ Исповѣди, какъ голова отдѣлилась отъ тѣла, и то и другое въ разъ застучало въ ящикѣ, я понялъ — не умомъ, а всѣмъ существомъ, — что никакія теоріи разумности существующаго прогресса не могутъ оправдать этого поступка, и что еслибы всѣ люди въ мірѣ, по какимъ бы то ни было теоріямъ, съ сотворенія міра, находили, что это нужно, — я знаю, что это не нужно, что это дурно и что поэтому судья тому, что хорошо и что дурно не то, что говорятъ и дѣлаютъ люди, и не прогрессъ, а я съ своимъ сердцемъ».

И на другой день онъ записываетъ въ своемъ дневникѣ:

«Всталъ въ 7-мъ часу и поѣхалъ смотрѣть на экзекуцію. Толстая, бѣлая здоровая шея и грудь, цѣловалъ Евангеліе и потомъ смерть. Что за безсмыслица! Сильное и не даромъ про-

шедшее впечатлѣніе. Я не политическій человѣкъ. Мораль и искусство. Я знаю, люблю и могу... Гильотина долго не давала спать и заставляла оглядываться».

Въ началѣ мая Л. Н-чъ уѣзжаетъ изъ Парижа въ Швейцарію и поселяется въ мѣстечкѣ Кларанъ на Женевскомъ озерѣ. Онъ отдыхаетъ здѣсь отъ Парижской суеты и восторгается красотою природы. Вотъ какъ онъ описываетъ это въ своихъ путевыхъ запискахъ:

«15 мая погода была ясная, голубой, ярко-синій Леманъ, съ бѣлыми и черными точками парусовъ и лодокъ, почти съ трехъ сторонъ сіялъ передъ глазами; около Женевы, въ дали яркаго озера, дрожалъ и темнѣлъ жаркій воздухъ, на противоположномъ берегу круто поднимались зеленыя савойскія горы съ бѣлыми домиками у подошвы и съ разсѣлинами скалы, имѣющей видъ громадной бѣлой женщины въ старинномъ костюмѣ. Налѣво отчетливо и близко надъ рыжими виноградниками въ темно-зеленой гущѣ фруктовыхъ садовъ виднѣлось Монтрё съ своей прилѣпившейся на полускатѣ граціозной церковью. Вильневъ на самомъ берегу съ ярко-блестящимъ на полуденномъ солнцѣ желѣзомъ домовъ, таинственное ущелье Валэ съ нагроможденными другъ на друга горами, бѣлый, холодный Шильонъ надъ самой водой и воспѣтый островокъ, выдуманно, но все-таки прекрасно торчащій противъ Вильнева. Озеро чуть рябило, солнце прямо сверху ударяло на его голубую поверхность, и распущенные по озеру паруса, казалось, не двигались».

«Удивительное дѣло, я два мѣсяца прожилъ въ Кларанѣ, но всякій разъ, когда я утромъ или особенно передъ вечеромъ послѣ обѣда отворялъ ставни окна, на которое уже зашла тѣнь, и выглядывалъ на озеро, и далѣе синія горы, отражавшіяся въ немъ, красота ослѣпляла меня и мгновенно съ силой неожиданно дѣйствовала на меня. Тотчасъ же мнѣ хотѣлось любить, я даже чувствовалъ въ себѣ любовь къ себѣ, и я жалѣлъ о прошедшемъ, надѣялся на будущее, и жить мнѣ становилось радостно, хотѣлось жить долго, долго, и мысль о смерти получала дѣтскій, поэтическій ужасъ. Иногда даже, сидя одинъ въ тѣнистомъ садикѣ и глядя, все глядя на эти берега и это озеро, я чувствовалъ какъ будто физическое впечатлѣніе, какъ красота черезъ глаза вливалась мнѣ въ душу».

Насладившись красотой Лемана, Л. Н-чъ отправился въ Люцернъ. Сначала онъ шелъ пѣшкомъ въ горахъ, а потомъ на лошадяхъ черезъ Оберландъ переправился въ чудесный уголокъ

Швейцаріи, Люцернъ, и остановился тамъ въ лучшей гостиницѣ Швейцергофѣ, наполненной знатными туристами, по преимуществу англичанами.

Полный чарующимъ впечатлѣніемъ горной швейцарской природы, онъ не могъ вынести этого кричащаго противорѣчія между свободной и дикой природой и искусственной чопорностью англичанъ, въ угоду которымъ красивыя берега Люцернскаго озера обратили въ каменную набережную, вполнѣ соотвѣтствующую окаменѣлымъ сердцамъ англичанъ, съ презрѣніемъ отнесшихся къ маленькому уличному пѣвцу-нищему, услаждавшему ихъ слухъ прекраснымъ пѣніемъ и ничего не получившему отъ нихъ въ награду.

Л. Н-чъ устроилъ скандалъ за табльдотомъ, пригласивъ этого уличнаго пѣвца съ собою ужинать, къ ужасу англичанъ и элегантныхъ лакеевъ.

Этотъ случай описанъ имъ въ прекрасномъ разсказѣ «Люцернъ», который онъ заканчиваетъ художественнымъ гимномъ безконечному:

«Кто свѣсилъ внутреннее счастье, которое лежитъ въ душѣ каждаго изъ этихъ людей? Вонъ онъ сидитъ теперь гдѣ-нибудь на грязномъ порогѣ, смотритъ на блестящее лунное небо и радостно поетъ среди тихой, благоуханной ночи; въ душѣ его нѣтъ ни упрека, ни злобы, ни раскаянія. А кто знаетъ, что дѣлается теперь въ душѣ всѣхъ этихъ людей, за этими богатыми высокими стѣнами? Кто знаетъ, есть ли въ нихъ всѣхъ столько беззаботной, кроткой радости жизни и согласія съ міромъ, сколько ея живетъ въ душѣ этого маленькаго человѣка? Безконечна благость и премудрость Того, кто позволилъ и велѣлъ существовать всѣмъ этимъ противорѣчіямъ. Только тебѣ, ничтожному червяку, дерзко, беззаконно пытающемуся проникнуть Его законы, Его намѣренія, только тебѣ кажутся противорѣчія. Онъ кротко смотритъ со своей свѣтлой, неизмѣримой высоты и радуется на безконечную гармонію, въ которой вы всѣ противорѣчиво, безконечно движитесь. Въ своей гордости ты думалъ вырваться изъ законовъ общаго. Нѣтъ, и ты съ своимъ маленькимъ, пошленькимъ негодованьицемъ на лакеевъ, и ты тоже отвѣтилъ на гармоническую потребность вѣчнаго и безконечнаго»....

Изъ Люцерна черезъ Германію Л. Н-чъ возвратился въ Россію, и въ августѣ онъ уже снова въ Ясной Полянѣ; тамъ онъ намѣревается заняться хозяйствомъ и школой, но на зиму всѣ Толстые переѣзжаютъ въ Москву.

Въ декабрѣ этого же года Л. Н-чъ со своимъ другомъ Фетомъ собрался на медвѣжью охоту къ общему пріятелю ихъ Громекѣ, въ Тверскую губернію. Это удовольствіе едва не стоило жизни Л. Н-чу. Когда медвѣдица, выгнанная изъ берлоги, шла на Л. Н-ча, онъ выстрѣлилъ въ нее, но промахнулся. Медвѣдица сбила его съ ногъ, навалилась на него и уже разинула пасть, чтобы схватить его за голову, когда подоспѣвшіе охотники отогнали и добили ее. Медвѣдица успѣла только разъ хватить зубами голову Льва Николаевича и содрала со лба кусокъ кожи. Тутъ же сдѣлали перевязку, и Л. Н-чъ вскорѣ оправился. Онъ описалъ этотъ случай въ разсказѣ «Охота пуще неволи», помѣщенномъ въ книжкахъ для чтенія.

Проводя зиму въ Москвѣ, Л. Н-чъ много занимался вошедшей тогда въ моду гимнастикой и развивалъ въ себѣ силу и ловкость своихъ мускуловъ.

Эти упражненія онъ продолжалъ и въ Ясной Полянѣ.

Вотъ какъ съ обычнымъ ему юморомъ разсказываетъ объ этомъ братъ его, Н. Н. Толстой:

«Левочка желаетъ все захватить сразу, не упуская ничего, даже гимнастики. И вотъ у него подъ окномъ кабинета устроенъ баръ. Конечно, если отбросить предразсудки, съ которыми онъ такъ враждуетъ, онъ правъ: гимнастика хозяйству не мѣшаетъ; но староста смотритъ на дѣло нѣсколько иначе: «придешь, говоритъ, къ барину за приказаніемъ, а баринъ, зацѣпившись одною колѣнкою за жердь, виситъ въ красной куртцѣ головой внизъ и раскачивается; волосы отвисли и мотаются, лицо кровью налилось, не то приказанія слушать, не то на него дивиться».

Гимнастика, конечно, не мѣшала ему лѣтомъ заниматься хозяйствомъ, онъ и тогда уже нерѣдко принимался самъ за работу, пахалъ, косилъ и поэтизировалъ эти работы.

Осенью онъ опять въ Москвѣ, и снова предается свѣтской, веселой жизни. Конечно, Л. Н-чъ бывалъ желаннымъ гостемъ во всѣхъ литературныхъ кружкахъ, и вотъ въ февралѣ 1859 г. его избираютъ членомъ московскаго Общества Любителей Россійской Словесности.

По обычаю этого Общества, избранный новый членъ долженъ былъ на торжественномъ собраніи говорить рѣчь. Произнесъ рѣчь и Л. Н-чъ, но, къ сожалѣнію, она не дошла до насъ. Темою рѣчи было: «преимущество художественнаго элемента въ литературѣ надъ всѣми ея временными направленіями».

Предсѣдатель общества А. С. Хомяковъ отвѣтилъ Л. Н-чу рѣчью, въ которой, выражая сочувствіе сказанному, вносилъ поправку, что художественной литературѣ не чужды и обличительныя стремленія и, какъ на примѣръ такого художественнаго произведенія, указывалъ на произведенія самого Л. Н-ча, на недавно появившійся тогда разсказъ «Три смерти», говоря, что въ этомъ произведеніи, какъ и во многихъ другихъ, временное сливается съ вѣчнымъ.

«Идите съ тѣмъ же успѣхомъ, которымъ Вы увѣнчались до сихъ поръ, или еще съ большимъ, заключилъ свою рѣчь Хомяковъ, обращаясь ко Л. Н-чу, ибо вашъ даръ не есть даръ преходящій и скоро исчерпываемый; но вѣрьте, что въ словесности вѣчное и художественное постоянно принимаетъ въ себя временное и преходящее, превращая и облагораживая его, и что всѣ разнообразныя отрасли человѣческаго слова безпрестанно сливаются въ одно гармоническое цѣлое».

Значеніе и вліяніе Л. Н-ча въ русскомъ обществѣ все возрастало. Но душѣ его предстояло еще закалиться въ цѣломъ рядѣ испытаній, чтобы стать еще болѣе могучей.

Глава V.

Второе заграничное путешествіе. Смерть брата. Посредничество.

Въ началѣ 1860 года Л. Н-чъ былъ сильно встревоженъ ухудшеніемъ здоровья старшаго брата своего Николая. Врачи предполагали у него чахотку и посовѣтовали ему лѣчиться въ Соденѣ, куда онъ и отправился лѣтомъ въ сопровожденіи брата Сергѣя.

Болѣзнь Н. Н-ча взволновала и многихъ друзей его, Фета, Тургенева и другихъ, въ средѣ которыхъ Н. Н-чъ Толстой пользовался большимъ уваженіемъ и любовью. Вотъ какъ писалъ объ этомъ Тургеневъ:

...«То, что вы мнѣ сообщили о болѣзни Николая Толстого, глубоко меня огорчило. Неужели этотъ драгоцѣнный, милый человѣкъ долженъ погибнуть? И какъ можно было запустить такъ болѣзнь? Неужели онъ не рѣшится побѣдить свою лѣнь и поѣхать за границу полѣчиться? Ѣздилъ же онъ на Кавказъ въ тарантасахъ и чортъ знаетъ въ чемъ. Что бы ему пріѣхать въ Соденъ! Здѣсь на каждомъ шагу встрѣчаешь больныхъ грудью:

соденскія воды едва ли не лучшія для такихъ болѣзней. Я вамъ все это говорю за двѣ тысячи верстъ, какъ будто слова мои могутъ что-нибудь помочь... Если Толстой уже не уѣхалъ, то онъ не уѣдетъ... Вотъ какъ насъ всѣхъ ломаетъ судьба».

Сначала Н. Н-чу въ Соденѣ стало немного лучше, но потомъ стали оттуда приходить вѣсти все менѣе и менѣе утѣшительныя. Тогда на смѣну брата Сергѣя выѣхалъ Л. Н-чъ со своей уже замужней тогда сестрой Марьей Николаевной и съ ея двумя маленькими дочерьми.

Они поѣхали на пароходѣ изъ Петербурга на Штеттинъ и отдуда черезъ Берлинъ въ Соденъ. Марья Николаевна проѣхала туда прямо, а Л. Н-чъ остался на нѣсколько дней въ Берлинѣ, осматривалъ его достопримѣчательности и слушалъ лекціи знаменитыхъ тогда профессоровъ Дюбуа-Реймона, Дройзена и другихъ.

Затѣмъ Л. Н-чъ продолжалъ свой путь по Германіи, посѣтилъ Дрезденъ, гдѣ видѣлся съ знаменитымъ писателемъ Ауэрбахомъ, котораго очень уважалъ за его разсказы изъ народной жизни. Кромѣ того, вездѣ, гдѣ удавалось, Л. Н-чъ посѣщалъ школы. Мысль объ основаніи собственной школы уже засѣла въ головѣ Л. Н-ча, и онъ не упускалъ случая изучать и приглядываться къ этому дѣлу въ Европѣ.

Но германскія школы не удовлетворили его. Въ дневникѣ онъ даетъ такую оцѣнку саксонскихъ школъ: «Былъ въ школѣ. Ужасно. Молитва за короля, побои, все наизусть, напуганныя, изуродованныя дѣти».

Кромѣ того, во время путешествія Л. Н-чъ занимался усиленнымъ чтеніемъ философскихъ, историческихъ и педагогическихъ сочиненій, пользовавшихся тогда наибольшей извѣстностью: Риля, Фребеля, Дистервега и другихъ.

Такимъ образомъ онъ, наконецъ, доѣхалъ до Содена, гдѣ и соединился съ любимымъ братомъ Николаемъ. Ему было уже очень плохо, и они поспѣшили на югъ Франціи, чтобы насколько возможно продлить его жизнь.

Они поселились въ Гіерѣ на берегу моря, въ чудномъ мягкомъ климатѣ, но и тамъ Николай Никол. прожилъ недолго. Онъ скончался почти на рукахъ Л. Н-ча 20 сентября Новаго стиля 1860 года. Смерть эта произвела сильное, неизгладимое впечатлѣніе на Л. Н-ча и дала новое направленіе его мыслямъ.

Вотъ что онъ между прочимъ писалъ своему другу Фету по поводу кончины брата:

«Правду онъ говаривалъ, что хуже смерти ничего нѣтъ. А какъ хорошенько подумать, что она все-таки конецъ всего, такъ и хуже жизни ничего нѣтъ. Для чего хлопотать, стараться, коли отъ того, что былъ Николай Николаевичъ Толстой, для него ничего не осталось. Онъ не говорилъ, что чувствуетъ приближеніе смерти, но я знаю, что онъ за каждымъ шагомъ ея слѣдилъ и вѣрно [зналъ, что еще остается. За нѣсколько минутъ передъ смертью онъ задремалъ и вдругъ очнулся и съ ужасомъ прошепталъ: «да что же это такое?» Это онъ ее увидалъ, это поглощеніе себя въ ничто. А ужъ если онъ ничего не нашелъ, за что ухватиться, что же я найду? Еще меньше. И ужъ вѣрно ни я и никто такъ не будетъ до послѣдней минуты бороться съ ней, какъ онъ».

И далѣе Л. Н-чъ продолжаетъ:

«Всѣ, кто знали и видѣли его послѣднія минуты, говорятъ: «какъ удивительно спокойно, тихо онъ умеръ», а я знаю, какъ страшно мучительно, потому что ни одно чувство не ускользнуло отъ меня. Тысячу разъ я говорю себѣ: «оставьте мертвымъ хоронить мертвыхъ», но надо же куда-нибудь дѣвать силы, которыя еще есть. Нельзя уговаривать камень, чтобы онъ падалъ кверху, а не книзу, куда его тянетъ. Нельзя смѣяться шуткѣ, которая наскучила. Нельзя ѣсть, когда не хочется. Къ чему все, когда завтра начнутся муки смерти со всею мерзостью лжи, самообмана, и кончится ничтожествомъ, нулемъ для себя. Забавная штучка. Будь полезенъ, будь добродѣтеленъ, счастливъ, покуда живъ, говорятъ люди другъ другу; а ты, и счастье и добродѣтель и польза состоятъ въ правдѣ. А правда, которую я вынесъ изъ тридцати двухъ лѣтъ, есть та, что положеніе, въ которое мы поставлены, ужасно. «Берите жизнь, какая она есть; вы сами поставили себя въ это положеніе». Какъ же! я и беру жизнь, какъ она есть, какъ только дойдетъ человѣкъ до высшей степени развитія, такъ онъ увидитъ ясно, что все дичь, обманъ, и что правда, которую онъ все-таки любитъ лучше всего, что эта правда ужасна. Что, какъ увидишь ее хорошенько, ясно, такъ очнешься и съ ужасомъ скажешь, какъ братъ: «да что жъ это такое?» Но разумѣется, покуда есть желаніе знать и говорить правду, стараешься знать и говорить. Это одно, что осталось у меня изъ моральнаго міра, выше чего я не могу стать, это одно я и буду дѣлать, только не въ формѣ вашего искусства. Искусство есть ложь, а я уже не могу любить прекрасную ложь...».

Оправившись нѣсколько отъ тягостнаго впечатлѣнія, Л. Н-чъ продолжалъ свое заграничное путешествіе, изучая постановку дѣла народнаго образованія во Франціи, Германіи и Англіи. Въ Англіи онъ познакомился съ Герценомъ, прожилъ съ нимъ цѣлый мѣсяцъ въ самомъ дружескомъ и задушевномъ общеніи.

Наступило 19 февраля 1861 года, и Л. Н-чъ поспѣшилъ въ Россію, такъ какъ онъ былъ назначенъ мировымъ посредникомъ.

Будучи въ этой должности, Л. Н-чъ сразу сталъ на сторону крестьянъ, защищая ихъ интересы отъ крѣпостниковъ помѣщиковъ, скрѣпя сердце выполнявшихъ монаршую волю и старавшихся всячески обдѣлить отходящихъ отъ нихъ даровыхъ работниковъ. Конечно, этимъ самымъ онъ вызвалъ противъ себя цѣлую бурю негодованія, посыпались на него доносы, и его служебное положеніе стало настолько труднымъ, что, прослуживъ около года, онъ долженъ былъ выйти въ отставку. Тогда онъ всей душой отдается школьному дѣлу.

Въ это время, т. е. въ томъ же 1861 году, съ нимъ происходитъ печальный эпизодъ—крупная ссора съ Тургеневымъ. Ихъ общій другъ Фетъ въ воспоминаніяхъ подробно и обстоятельно разсказываетъ объ этомъ эпизодѣ. Ссора произошла у него въ имѣніи, куда Тургеневъ и Толстой пріѣхали къ нему погостить. Ничтожность повода, по которому вспыхнула эта ссора, — разговоръ о воспитаніи дочери Тургенева,—показываетъ намъ, что эта ссора была только взрывомъ давно таившагося взаимнаго неудовлетворенія. Благородство характера этихъ двухъ великихъ людей не довело этой ссоры до рокового конца. Хотя и послѣдовалъ вызовъ на дуэль, но дуэль эта не состоялась, и въ разлукѣ, на дальнемъ разстояніи эта чувствительная рана ихъ отношеній понемногу зажила.

Глава VI.

Педагогическая дѣятельность Л. Н-ча. Женитьба.

Педагогическая дѣятельность Л. Н-ча составляетъ эпоху въ его жизни, и значеніе этой эпохи для всего дѣла народнаго образованія въ Россіи еще мало оцѣнено.

Занятіе школой давно уже привлекало къ себѣ Л. Н-ча. Еще въ 1849 году, когда онъ только что вернулся изъ Казани, онъ уже открылъ у себя школу. Но, конечно, за его отъѣздомъ на Кавказъ и за весь бурный періодъ его жизни, она мало-по-малу

заглохла. Л. Н-чъ возобновилъ школу зимою 1858—9 года, послѣ своей первой заграничной поѣздки. Но дѣло все какъ то не ладилось, и вотъ онъ рѣшается посвятить всѣ свои силы во время второй заграничной поѣздки на изученіе этого дѣла въ Западной Европѣ, и уже вооруженный знаніемъ и опытомъ въ третій разъ берется за это и совершаетъ великое дѣло обновленія русской школы.

Онъ устраиваетъ у себя въ Ясной Полянѣ цѣлую педагогическую лабораторію. Онъ группируетъ вокругъ себя нѣсколькихъ молодыхъ учителей, между ними былъ одинъ, привезенный имъ изъ Германіи—нѣмецъ, Келлеръ. Л. Н-чъ открываетъ цѣлый рядъ школъ, издаетъ педагогическій журналъ «Ясная Поляна», гдѣ пишетъ самъ, излагая свои теоріи, даетъ отчеты о своей практической дѣятельности въ своей школѣ въ качествѣ народнаго учителя и привлекаетъ къ сотрудничеству въ журналѣ сосѣднихъ учителей, помѣщаетъ тамъ ихъ сочиненія и отчеты; въ видѣ приложенія къ журналу даетъ образцовыя народныя книжки для чтенія, подъ общимъ названіемъ: «Изъ Ясной Поляны», представляющія цѣлый рядъ художественныхъ и популярныхъ историческихъ, географическихъ, біографическихъ и беллетристическихъ очерковъ, составленныхъ учителями и даже учениками подъ его общей редакціей.

Сущность педагогическихъ теорій, развиваемыхъ Л. Н-чемъ въ его журналѣ, выражена имъ главнымъ образомъ въ 4-хъ статьяхъ, напечатанныхъ въ его журналѣ «Ясная Поляна».

Въ первой изъ этихъ статей, «О народномъ образованіи», Л. Н-чъ выясняетъ, что главнымъ тормазомъ развитія народнаго образованія служитъ нѣкоторая предвзятость его теорій и навязываніе ихъ народу, безъ достаточнаго изученія его потребностей и безъ достаточной приспособленности къ этимъ потребностямъ. Въ заключеніе своихъ разсужденій онъ приходитъ къ выводу, что единственнымъ педагогическимъ методомъ долженъ быть опытъ, чуждый всякой предвзятости, и единственный критеріумъ долженъ быть свобода, потому что безъ свободы нельзя произвести и достовѣрнаго опыта.

Вотъ этому то свободному опыту онъ и посвящаетъ свои силы, и для практическаго осуществленія предоставляетъ свою Яснополянскую школу и сосѣднія школы, созданныя подъ его руководствомъ, а для теоретической разработки данныхъ, полученныхъ изъ этого опыта, долженъ былъ служить журналъ «Ясная Поляна». Хотя этотъ журналъ и просуществовалъ только

одинъ годъ, но представляетъ изъ себя дѣйствительно интереснѣйшій сводъ опытовъ, произведенныхъ Л. Н-чемъ.

Въ слѣдующей статьѣ: «О методахъ обученія грамотѣ» Л. Н-чъ говоритъ, что грамотность не есть первая, а потому и не самая важная ступень образованія. Есть много людей, обладающихъ многими житейскими знаніями, опытомъ, даже той или другой техникой и здравымъ смысломъ и при томъ неграмотныхъ, и, наоборотъ, есть грамотные, не обладающіе ни однимъ изъ перечисленныхъ качествъ. Низшія школы, насажденныя интеллигенціей и правительствомъ, возникли не изъ непосредственной потребности народной жизни и не приспособлены къ ней, низшая школа возникла, какъ учрежденіе, подготовляющее контингентъ учащихся для средней школы, а эта послѣдняя имѣетъ въ виду подготовленіе въ высшія школы, возникшія еще раньше, чѣмъ низшія и среднія. Высшая школа выродилась изъ монастырскихъ школъ, назначеніе которыхъ было служить церковно-государственнымъ цѣлямъ. Освободившись теперь отъ церковнаго назначенія (а у насъ только раздѣлившись на церковную и свѣтскую), высшая, средняя и низшая школа продолжаетъ служить цѣлямъ государственнымъ, но не народнымъ.

Относительно методовъ обученія грамотѣ, Л. Н-чъ считаетъ тотъ методъ хорошимъ, которымъ можно обучить грамотѣ съ меньшимъ усиліемъ для ученика, но больше всего значенія въ дѣлѣ обученія имѣютъ искусство и талантъ учителя. Такъ какъ обученіе грамотѣ есть искусство, то оконченность и совершенство въ этомъ дѣлѣ не достижимы, а развитіе и совершенствованіе—безконечны.

Въ третьей статьѣ «Воспитаніе и образованіе» Л. Н-чъ пытается положить рѣзкое различіе между двумя понятіями: воспитанія, какъ дѣятельности болѣе или менѣе насильственной, и образованія, какъ дѣятельности болѣе или менѣе свободной. Для перваго рода дѣятельности онъ не находитъ достаточнаго оправданія. «Право воспитанія не существуетъ. Я не признаю его», говоритъ Толстой: «не признаетъ, не признавало и не будетъ признавать его все воспитываемое молодое поколѣніе, всегда и вездѣ возмущающееся противъ насилія воспитанія».

Если еще можно до нѣкоторой степени оправдать насиліе семейное или объяснить себѣ насиліе религіозное, то уже для насилія общественнаго Л. Н-чъ не находитъ никакихъ оправданій и приходитъ къ такому знаменательному заключенію, отвѣчая себѣ на вопросъ, отчего происходитъ это общественное насиліе:

«Я думаю, говоритъ Толстой, только оттого, что мы не слышимъ голоса того, кто нападаетъ на насъ, не слышимъ потому, что онъ говоритъ не въ печати и не съ каѳедры. А это могучій голосъ народа,—надо прислушиваться къ нему».

И съ этой точки зрѣнія онъ подвергаетъ строгой и безпощадной критикѣ организацію нашихъ учебныхъ заведеній. Хотя эта критика написана почти полвѣка тому назадъ, но многія мѣткія оцѣнки ея вполнѣ примѣнимы и къ настоящему времени.

Конечно, на его рѣзкія статьи не замедлили появиться и отвѣтныя критики въ другихъ журналахъ. На одну изъ такихъ статей, именно Евгенія Маркова, Л. Н-чъ отвѣтилъ новой, сильной защитой своихъ взглядовъ въ статьѣ: «Прогрессъ и образованіе». Видя, что главнымъ основаніемъ къ защитѣ современной системы воспитанія служитъ вѣра въ «прогрессъ», Л. Н-чъ старается разрушить эту вѣру, подвергая ее анализу и доказывая ничтожность и условность самаго понятія «прогрессъ». При этомъ онъ указываетъ на большую половину рода человѣческаго, на сотни милліоновъ восточныхъ народовъ, вовсе не имѣющихъ этого понятія.

Въ своемъ журналѣ «Ясная Поляна» Л. Н-чъ подвергъ также рѣзкой критикѣ появившійся въ то время министерскій проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ, доказывая его несостоятельность, такъ какъ въ основу этого положенія легла американская система школьной подати, непримѣнимая у насъ. Вообще весь проектъ Л. Н-чъ находилъ неприспособленнымъ къ потребностямъ народа, и, наконецъ, по его мнѣнію, регламентація народнаго образованія, утверждаемая этимъ проэктомъ, послужитъ тормазомъ уже существующаго и распространяющагося свободнаго народнаго образованія.

Эти то педагогическіе взгляды съ энергіей генія проводились Л. Н-чемъ въ его Ясно-полянской школѣ. Вотъ описаніе самой школы, сдѣланное Л. Н-чемъ въ одной изъ его статей, помѣщенныхъ въ журналѣ «Ясная Поляна».

«Школа помѣщается въ двухъ-этажномъ каменномъ домѣ. Двѣ комнаты заняты школой, одна—кабинетомъ, двѣ—учителями. На крыльцѣ, подъ навѣсомъ виситъ колокольчикъ съ привѣшенною за язычокъ веревочкою, въ сѣняхъ внизу стоятъ бары и рекъ (гимнастика), наверху—въ сѣняхъ—верстакъ. Лѣстница и сѣни истоптаны снѣгомъ или грязью; тутъ же виситъ расписаніе. Порядокъ ученія слѣдующій: часовъ въ восемь учитель, живущій въ школѣ, любитель внѣшняго порядка и администраторъ шко-

лы, посылаетъ одного изъ мальчиковъ, которые почти всегда ночуютъ у него, звонить.

На деревнѣ встаютъ съ огнемъ. Уже давно виднѣются изъ школы огни въ окнахъ, и черезъ полчаса послѣ звонка, въ туманѣ, въ дождѣ или въ косыхъ лучахъ осенняго солнца, появляются на буграхъ (деревня отдѣлена отъ школы оврагомъ) темныя фигурки по двѣ и по одиночкѣ. Табунное чувство уже давно исчезло въ ученикахъ. Уже нѣтъ необходимости ему дожидаться и кричать: «Эй, ребята, въ училищу». Онъ уже знаетъ, что училище средняго рода, многое кое-что другое знаетъ и, странно, вслѣдствіе этого не нуждается въ толпѣ. Съ собой никто ничего не несетъ—ни книгъ, ни тетрадокъ. Уроковъ на домъ не задаютъ.

Мало того, что въ рукахъ ничего не несутъ, имъ нечего и въ головѣ нести. Никакого урока, ничего, сдѣланнаго вчера, онъ не обязанъ помнить нынче. Его не мучаетъ мысль о предстоящемъ урокѣ. Онъ несетъ только себя, свою воспріимчивую натуру и увѣренность въ томъ, что въ школѣ нынче будетъ весело такъ же, какъ вчера. Онъ не думаетъ о классѣ до тѣхъ поръ, пока классъ не начался. Никогда никому не дѣлаютъ выговоровъ за опозданіе и никогда не опаздываютъ, нешто старшіе, которыхъ отцы другой разъ задержатъ дома какой-нибудь работой. И тогда этотъ большой, рысью, запыхавшись, прибѣгаетъ въ школу».

Таково внѣшнее устройство этой школы; но внутренняя жизнь этой школы, отношеніе Л. Н-ча къ ученикамъ, зачатки развитія художественнаго творчества, критика дѣтскаго здраваго смысла на современные способы преподаванія — все это представляетъ еще несравненно большій интересъ и подробно описано Л. Н-чемъ въ нѣсколькихъ художественныхъ очеркахъ, помѣщенныхъ также въ этомъ журналѣ [1]).

Весною 1862 года Л. Н-чъ почувствовалъ себя сильно утомленнымъ педагогической, издательской, посреднической и многими другими родами дѣятельности, которыми всегда кипѣла его сильная натура. Такъ какъ утомленіе скоро перешло въ нездоровье и сопровождалось кашлемъ, то врачи посовѣтовали Л. Н-чу предпринять поѣздку на кумысъ. Въ маѣ онъ отправился туда въ сопровожденіи двухъ школьниковъ, и скоро пер-

---

[1]) Всѣ важнѣйшія педагогическія статьи Л. Н-ча впослѣдствіи составили 4-й томъ полнаго собранія его сочиненій.

вобытная степная природа и возстановляющій силы напитокъ-кумысъ поправили его здоровье.

Но въ его отсутствіе въ Ясной Полянѣ произошло чудовищное, по своей нелѣпости, событіе. По доносу какого то полуграмотного сыщика былъ произведенъ обыскъ въ Ясной Полянѣ. Къ той нелѣпости, которая лежала въ самомъ основаніи этого обыска, власти, производившія его, прибавили свойственную имъ грубость и произвели большое волненіе, не прошедшее даромъ для мирныхъ обитателей Ясной Поляны, тетушки и сестры Л. Н-ча. Конечно, обыскъ не далъ никакихъ результатовъ, но это потрясеніе такъ разстроило всю организацію, что она съ трудомъ и уже не надолго могла возстановиться. Прекращенію школьныхъ занятій способствовала также важная перемѣна, происшедшая въ образѣ жизни Л. Н-ча. Въ сентябрѣ 1862 года онъ женился.

Несмотря на кажущуюся поглощенность педагогическими занятіями, и эта область дѣятельности не вполнѣ удовлетворяла его. Онъ искалъ правды, высшей правды и не находилъ ея. И временами это исканіе достигало болѣзненнаго напряженія.

Вотъ какъ изображаетъ Л. Н-чъ душевное состояніе того времени въ своей Исповѣди:

«Я въ годъ освобожденія крестьянъ вернулся въ Россію и, занявъ мѣсто посредника, сталъ учить и необразованный народъ въ школахъ и образованныхъ людей въ журналѣ, который я началъ издавать. Дѣло, казалось, шло хорошо, но я чувствовалъ, что я не совсѣмъ умственно здоровъ и долго это не можетъ продолжаться. И я бы тогда, можетъ быть, пришелъ къ тому отчаянію, къ которому я пришелъ черезъ пятнадцать лѣтъ, если-бы у меня не было еще одной стороны жизни, неизвѣданной еще мною и обѣщавшей мнѣ спасеніе — это была семейная жизнь.

Въ продолженіе года я занимался посредничествомъ, школой и журналомъ и такъ измучился, отъ того особенно, что запутался, такъ мнѣ тяжела стала борьба по посредничеству, такъ смутно проявлялась моя дѣятельность въ школахъ, такъ противно стало мое вилляніе въ журналѣ, состоящее все въ одномъ и томъ же — въ желаніи учить всѣхъ и скрыть то, что я не знаю, чему учить, что я заболѣлъ духовно болѣе, чѣмъ физически,—бросилъ все и поѣхалъ въ степь къ башкирамъ—дышать воздухомъ, пить кумысъ и жить животною жизнью.

Вернувшись оттуда, я женился».

Женитьба Л. Н-ча произошла при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Л. Н-чъ давно былъ знакомъ съ семьей придворнаго доктора Берса, жившаго въ Московскомъ Кремлѣ. Свою будущую жену и сестеръ ея онъ зналъ еще дѣвочками, и онѣ выросли у него на глазахъ.

Страстно влюбленный въ младшую изъ нихъ, Софью Андреевну, онъ, какъ бы боясь своего уже зрѣлаго возраста, страшно торопилъ свадьбу. 17 сентября онъ сдѣлалъ формальное предложеніе, а 23 уже была назначена свадьба.

Послѣ вѣнчанія молодые уѣхали въ Ясную Поляну, гдѣ ихъ встрѣтила любимая тетушка и братъ Сергѣй. И съ той поры начинается для Л. Н-ча новый, серьезный періодъ его жизни. Ему было тогда 34 года, а молодой женѣ его 18 лѣтъ.

ЧАСТЬ II.

Глава VII.

Первое время семейной жизни. Война и Миръ.

Первое время своей женатой жизни Л. Н-чъ былъ вполнѣ увлеченъ и, какъ казалось, удовлетворенъ своимъ «семейнымъ счастьемъ». По крайней мѣрѣ такъ онъ пишетъ своему другу Фету: «Я двѣ недѣли женатъ и счастливъ, и новый, совсѣмъ новый человѣкъ». Это увлеченіе и удовлетвореніе не мѣшаетъ ему продолжать свои литературные труды. Такъ, онъ заканчиваетъ печатаніе 1-й части своей повѣсти «Казаки», къ сожалѣнію, такъ и не оконченной имъ. Затѣмъ печатаетъ разсказъ «Поликушка».

Въ письмѣ къ Фету того времени Л. Н-чъ такъ говоритъ объ этихъ своихъ работахъ:

«Я живу въ мірѣ, столь далекомъ отъ литературы и критики, что, получая такое письмо, какъ ваше, первое чувство мое— удивленіе. Да кто же написалъ «Казаки» и «Поликушку?» Да и что разсуждать о нихъ? Бумага все терпитъ, а редакторъ за все платитъ и печатаетъ. Но это только такъ первое впечатлѣніе, а потомъ вникнешь въ смыслъ рѣчей, покопаешься въ головѣ и найдешь тамъ гдѣ-нибудь въ углу, между старымъ забытымъ хламомъ, найдешь что то такое неопредѣленное, подъ названіемъ художественное. И, сличая съ тѣмъ, что вы говорите, согласишься, что вы правы, и даже удовольствіе найдешь

покопаться въ этомъ старомъ хламѣ и въ этомъ когда то любимомъ запахѣ. И даже писать захочется. Вы правы, разумѣется. Да вѣдь такихъ читателей, какъ вы, мало. «Поликушка»—болтовня на первую попавшуюся тему человѣка, который «и владѣетъ перомъ», а «Казаки» съ сукровицей, хотя и плохо. Теперь я пишу исторію пѣгаго мерина, къ осени, я думаю, напечатаю».

Но вотъ его охватываетъ новая творческая энергія, и онъ задумываетъ гигантскую работу.

Сначала вниманіе его привлекла историческая эпоха «Декабристовъ», и онъ захотѣлъ изобразить ее въ художественной формѣ. Результатомъ этой предварительной работы явилось нѣсколько отрывковъ, вошедшихъ въ полное собраніе сочиненій. Но, изучая эту эпоху, онъ углубился въ источникъ тѣхъ явленій, которыя онъ задумалъ описывать, и вотъ передъ нимъ раскрылась эпоха войнъ Наполеона, которая и увлекла его. Онъ отдался этому дѣлу со всей своей страстностью и положилъ на исполненіе задуманнаго всю силу своего генія.

Великое произведеніе, Война и Миръ, создалось не вдругъ. На пути созданія его встрѣчались разнаго рода трудности и препятствія, но онѣ какъ то стихійно побѣждались, потому что самая работа велась какою то могучею, стихійною силою.

Вотъ главнѣйшіе этапы этой работы по письмамъ Л. Н-ча къ его друзьямъ:

«Я тоскую и ничего не пишу, а работаю мучительно. Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ трудна эта предварительная работа глубокой пахоты того поля, на которомъ я принужденъ сѣять. Обдумать и передумать все, что можетъ случиться со всѣми будущими людьми предстоящаго сочиненія, очень большого, и обдумать милліоны возможныхъ сочетаній для того, чтобы выбрать изъ нихъ $^1/_{1000000}$, ужасно трудно. И этимъ я занятъ».

Черезъ нѣсколько времени онъ писалъ Фету:

«Я довольно много написалъ нынѣшнюю осень своего романа. Ars longa, vita brevis, думаю я всякій день. Коли можно бы было успѣть $^1/_{100}$ долю исполнить того, что понимаешь, но выходитъ только $^1/_{1000000}$ часть. Все-таки это сознаніе, что могу, составляетъ счастье нашего брата. Вы знаете это чувство. Я нынѣшній годъ съ особенной силой его испытываю».

Поѣхавъ разъ на охоту, въ самый разгаръ своего писанья, Л. Н-чъ упалъ съ лошади и вывихнулъ себѣ руку. Отъ боли

онъ лишился сознанія. Лошадь его убѣжала, а онъ, очнувшись, со страшной болью подползъ къ большой дорогѣ и легъ въ канаву. Тамъ его замѣтилъ прохожій, который остановилъ первую попавшуюся подводу, и на этой подводѣ Л. Н-ча доставилъ домой.

Трудно представить себѣ эту трагическую картину: будущаго творца «Войны и Мира», лежащаго безпомощно въ канавѣ у большой дороги съ вывихнутой рукой, въ ожиданіи, что кто-нибудь изъ проѣзжихъ подобралъ его. Какими непонятными путями шелъ онъ къ всемірной славѣ!

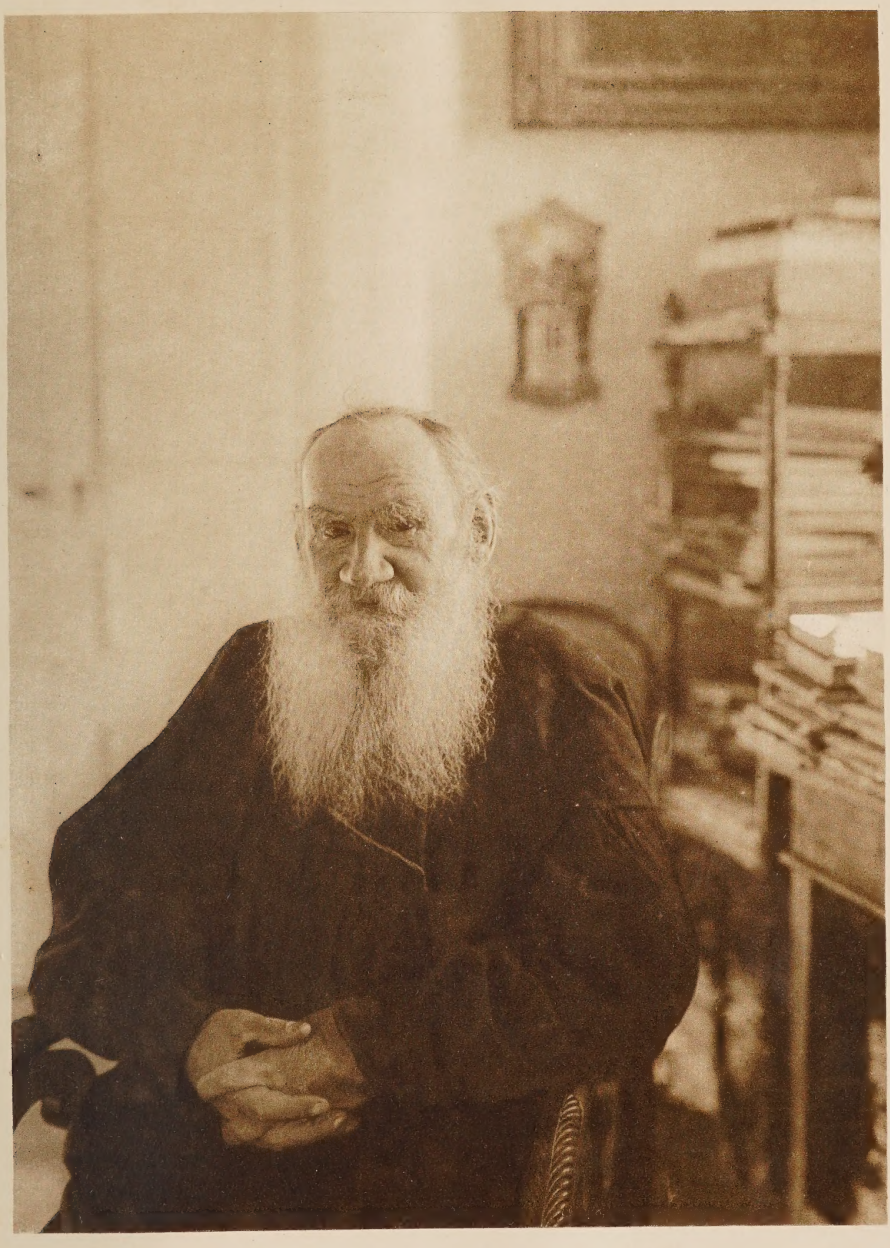
Лишенный возможности владѣть правой рукой, онъ продолжаетъ писать «Войну и Миръ», диктуя цѣлыя главы своей свояченицѣ. Ему пришлось разлучиться на время со своей семьей, такъ какъ ему нужно было дѣлать серьезную операцію вправленія вывихнутой руки, и для этого онъ долженъ былъ провести нѣсколько недѣль въ Москвѣ.

Черезъ мѣсяцъ онъ уже въ шутливомъ тонѣ вспоминаетъ объ этомъ въ письмѣ къ Фету:

«А знаете, какой я вамъ про себя скажу сюрпризъ: какъ меня стукнула объ землю лошадь и сломала руку, когда я послѣ дурмана очнулся и сказалъ себѣ, что я литераторъ. И я литераторъ, но уединенный, потихонечку литераторъ. На-дняхъ выйдетъ первая половина первой части 1805 года. Пожалуйста, подробнѣе напишите свое мнѣніе. Ваше мнѣніе да еще мнѣніе человѣка, котораго я люблю тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе я вырастаю большой, мнѣ дорого, — Тургенева. Онъ пойметъ. Печатанное мною прежде я считаю только пробой пера; печатанное теперь мнѣ хотя и нравится болѣе прежняго, но слабо кажется, безъ чего не можетъ быть вступленія. Но что дальше будетъ — бѣда....»

По этому письму видно, какъ сквозь свойственную генію скромность выступаетъ его непреодолимая творческая сила и какъ расширяются его планы.

«1805 годъ», о которомъ говорится въ письмѣ, это первоначальное названіе начала «Войны и Мира». Изучая описываемую эпоху, Л. Н-чъ роется въ историческихъ и военныхъ архивахъ, разспрашиваетъ еще живыхъ современниковъ, ѣдетъ осматривать Бородинское поле и самъ приходитъ въ восторгъ отъ создаваемой его воображеніемъ картины. «Только бы Богъ далъ здоровья и спокойствія, пишетъ онъ своей женѣ, а я напишу такое Бородинское сраженіе, какого еще не было».



Л. Н. Толстой въ кабинетѣ въ Ясной Полянѣ.

(Съ фотографіи 1910 г.)

Его писанье до такой степени было его жизнью, что когда ему особенно удачно писалось, онъ говорилъ своимъ семейнымъ: «сегодня я кусочекъ жизни своей оставилъ въ чернильницѣ».

Это великое произведеніе, занявшее шесть лѣтъ жизни Л. Н-ча (съ 1863 по 1869), конечно, не сразу было оцѣнено критиками. Оно ошеломило ихъ. Часть либеральныхъ критиковъ, вовсе не понявшихъ смысла этого произведенія и не почувствовавшихъ его художественныхъ красотъ, обвинила Л. Н-ча въ ретроградствѣ, въ «философіи застоя» и т. д. Критики консервативнаго лагеря видѣли въ описаніяхъ сраженій патріотическія тенденціи. И даже литературные друзья Л. Н-ча, какъ Тургеневъ, Боткинъ и др., были не сразу побѣждены «Войной и Миромъ». Но если эта побѣда досталась Л. Н-чу не сразу, то тѣмъ сильнѣе и полнѣе она была, и вліяніе его шло, прогрессивно возрастая, по мѣрѣ развитія самаго романа.

Считая «Войну и Миръ» самымъ значительнымъ моментомъ въ развитіи художественнаго творчества Л. Н-ча Толстого, мы позволимъ себѣ нѣсколько болѣе подробно остановиться на этомъ произведеніи.

Отъ всего этого произведенія, какъ мы уже сказали, вѣетъ стихійностью, художникъ въ немъ какъ бы перешелъ предѣлы человѣческаго могущества. Картины природы, движенія народныхъ массъ, тонкія душевныя движенія, все это сплетается въ какой то непостижимой гармоніи, въ какомъ то міровомъ равновѣсіи.

Арміи въ ихъ страшныхъ столкновеніяхъ, улицы шумнаго города; помѣщичьи усадьбы съ прилегающими деревнями; великосвѣтскій салонъ и дѣтская счастливой матери; романическія интриги влюбленной молодежи и казни военно-плѣнныхъ; психологія толпы и тончайшіе изгибы страдающей души героя; снѣжныя равнины Россіи и тихое поле Аустерлица, покрытое трупами убитыхъ и не подобранными ранеными съ опрокинутымъ надъ нимъ всепрощающимъ звѣзднымъ небомъ — все это изображено съ такой простотой и правдивостью, которой врядъ ли достигали творцы, ему предшествовавшіе, и, вѣроятно, не достигнутъ и послѣдующіе.

Два героя этого романа, князь Андрей и Пьеръ Безуховъ, особенно достойны вниманія. Они представляютъ изъ себя какъ бы два полюса души Л. Н-ча, столь склоннаго къ анализу и скептицизму. Въ то время, когда онъ писалъ «Войну и Миръ», онъ еще не пришелъ къ тому великому синтезу Разума и Любви,

которые одухотворяютъ теперь его произведенія, и вотъ два любимые имъ героя воплощаютъ двѣ силы, борющіяся въ немъ самомъ,—холодную разсудочность и вѣчное стремленіе къ идеалу. Истина лежала какъ бы на далекомъ пересѣченіи этихъ линій, тамъ, гдѣ разсудокъ возвышался до высшаго Разума и стремленіе къ идеалу воплощалось въ Любовь.

Въ художественную часть романа вплетена самостоятельная идея философіи исторіи, сущность которой состоитъ въ слѣдующемъ. Л. Н-чъ самъ резюмируетъ эту сущность въ своей статьѣ: «Нѣсколько словъ по поводу В. и М» въ такихъ выраженіяхъ:

«Наконецъ важнѣйшее для меня соображеніе касается того малаго значенія, которое, по моимъ понятіямъ, имѣютъ такъ называемые великіе люди въ историческихъ событіяхъ. Изучая эпоху столь трагическую, столь богатую громадностью событій и столь близкую къ намъ, о которой живо столько разнороднѣйшихъ преданій, я пришелъ къ очевидности того, что нашему уму недоступны причины совершающихся историческихъ событій».

«Такое событіе, гдѣ милліоны людей убивали другъ друга и убили половину милліона, не можетъ имѣть причиной волю одного человѣка: какъ одинъ человѣкъ не можетъ подкопать гору, такъ не можетъ одинъ человѣкъ заставить умирать 500 тысячъ».

Законы человѣческой жизни уподобляются Л. Н-чемъ трафаретамъ, а людскія желанія, стремленія, дѣйствія—той краскѣ, которую мы безпорядочно накладываемъ на трафаретъ. Благодаря трафарету, изъ безпорядочной мазни выходитъ неожиданная, правильная картина, но краска на бумагѣ ложится совсѣмъ не тамъ, гдѣ мы мажемъ, а тамъ, гдѣ пропускаетъ ее вырѣзъ трафарета. Такимъ образомъ изъ тысячи нашихъ безпорядочныхъ намѣреній воплощаются въ явленія жизни лишь тѣ, которыя соотвѣтствуютъ свободнымъ мѣстамъ какого то великаго жизненнаго трафарета.

Въ эти шестидесятые года жизнь ключомъ била изъ сильной природы Л. Н-ча. Кромѣ этой гигантской творческой работы, Л. Н-чъ предавался охотѣ, занимался хозяйствомъ, отдавалъ часть времени семьѣ и не чуждался общественныхъ дѣлъ. Такъ, въ 1866 году ему пришлось выступить въ качествѣ защитника рядового Шибунина, ударившаго офицера и приговореннаго воен-

нымъ судомъ къ разстрѣлу. Защита Л. Н-ча была неудачна, спасти Шибунина ему не удалось, и онъ былъ разстрѣлянъ. Но это событіе, по свидѣтельству самого Л. Н-ча, не прошло безслѣдно.

«Я смутно чувствовалъ еще тогда, говорилъ Л. Н-чъ въ своемъ недавнемъ письмѣ, что смертная казнь, сознательно разчитанное, преднамѣренное убійство, есть дѣло прямо противоположное тому закону христіанскому, который мы будто бы исповѣдуемъ, и дѣло, явно нарушающее возможность и разумной жизни и какой бы то ни было нравственности, потому что ясно, что если одинъ человѣкъ или собраніе людей можетъ рѣшить, что необходимо убить одного или многихъ людей, то нѣтъ никакой причины, по какой другой человѣкъ или другіе люди не найдутъ той же необходимости для убійства другихъ людей». И далѣе, анализируя церковное и научное оправданіе смертной казни, Л. Н-чъ такъ заключаетъ свое письмо:

«Да, случай этотъ имѣлъ на меня огромное, благодѣтельное вліяніе. На этомъ случаѣ я въ первый разъ почувствовалъ, первое, то, что каждое насиліе для своего исполненія предполагаетъ убійство или угрозу его, и что поэтому всякое насиліе неизбѣжно связано съ убійствомъ; второе—то, что государственное устройство, немыслимое безъ убійства, несовмѣстимо съ христіанствомъ»

Нѣкоторые современные социальные взгляды Л. Н-ча также зарождались въ эту богатую эпоху. Такъ мы находимъ въ его записной книжкѣ 1865 года слѣдующую знаменательную запись:

«Всемірно-историческая задача Россіи состоитъ въ томъ, чтобы ввести въ міръ идею общественнаго устройства поземельной собственности.

«La propriété c'est le vol» останется больше истиной, чѣмъ истина англійской конституціи, до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать родъ людской. Эта истина абсолютная, но есть и вытекающія изъ нея истины относительныя—приложенія. Первая изъ этихъ относительныхъ истинъ есть воззрѣніе русскаго народа на собственность. Русскій народъ отрицаетъ собственность самую прочную, самую независимую отъ труда, и собственность, болѣе всякой другой стѣсняющую право пріобрѣтенія собственности другими людьми, собственность поземельную. Это не есть мечта—она фактъ, выразившійся въ общинахъ крестьянъ, въ общинахъ казаковъ. Эту истину понимаетъ одинаково ученый русскій и мужикъ, который говоритъ: пусть запишутъ насъ въ казаки, и земля будетъ вольная. Эта идея имѣетъ будущность.

Русская революція только на ней и можетъ быть основана. Революція не будетъ противъ царя и деспотизма, а противъ поземельной собственности, она скажетъ: съ меня, съ человѣка бери и дери, что хочешь, а землю оставь намъ всю. Самодержавіе не мѣшаетъ, а способствуетъ этому порядку вещей».

Вотъ когда зарождались мысли, выраженныя Л. Н-чемъ съ такой силой въ его послѣднихъ произведеніяхъ, касающихся аграрнаго вопроса. Здѣсь еще можно видѣть и основаніе симпатій Л. Н-ча къ идеѣ націонализаціи земли, при помощи введенія единаго налога по системѣ Генри Джоржа, развиваемой Л. Н-чемъ въ настоящее время.

Глава VIII.

Второй педагогическій періодъ. Анна Каренина. Самарскій голодъ.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, по мѣрѣ того, какъ Л. Н-чъ освобождался отъ В. и М., въ немъ зарождались уже новые планы возобновленія прерванной въ 62 году педагогической дѣятельности и, какъ только онъ покончилъ съ изданіемъ В. и М., онъ отдается этой дѣятельности со всей свойственной ему неудержимой энергіей, онъ создаетъ знаменитую азбуку, вновь собираетъ учителей, устраиваетъ образцовую школу, выступаетъ въ московскомъ комитетѣ грамотности и, наконецъ, печатаетъ въ Отечественныхъ Запискахъ свою статью «О народномъ образованіи», поднявшую цѣлую бурю въ средѣ педагоговъ и литераторовъ.

Въ этой статьѣ своей Л. Н-чъ, подвергнувъ рѣзкой и безпощадной критикѣ существующія системы народнаго образованія, повторяетъ съ новою силой тѣ доводы въ пользу свободной школы, которые онъ высказывалъ въ своемъ журналѣ «Ясная Поляна». Всѣ эти взгляды горячо обсуждались въ тогдашней періодической печати и во многихъ педагогическихъ кружкахъ. Горячимъ сторонникомъ Л. Н-ча на этихъ преніяхъ выступилъ извѣстный педагогъ А. Н. Страннолюбскій, а въ печати открытымъ защитникомъ педагогическихъ взглядовъ Л. Н-ча явился Н. К. Михайловскій, посвятившій этому вопросу цѣлый рядъ статей въ Отечественныхъ Запискахъ.

Конечно, Л. Н-чу, несмотря на силу его убѣжденія, не удалось и въ этотъ разъ сдвинуть съ мѣста рутину педагогическихъ пріемовъ, проводимыхъ въ жизнь, какъ онъ выражался, «земско-

министерскимъ вѣдомствомъ». Но его проповѣдь снова дала могучій толчокъ русской педагогической мысли, разбудила совѣсть педагоговъ и указала имъ новые жизненные идеалы, и мы полагаемъ, не будетъ слишкомъ смѣлымъ сказать, что русская школа своей большей свободой, по сравненію со школами Запада, во многомъ обязана Л. Н-чу Толстому.

Проработавъ нѣсколько лѣтъ въ области педагогіи, Л. Н-чъ въ заключеніе издалъ свою Новую Азбуку и книги для чтенія, хорошо извѣстныя всей грамотной Россіи, такъ какъ, несмотря на неодобреніе ихъ министерствомъ, онѣ разошлись во многихъ милліонахъ экземпляровъ и вызвали многочисленныя подражанія.

За это время педагогической работы Л. Н-чъ, можно сказать, снова накопилъ въ себѣ творческую энергію и взялся за художественную работу.

Сначала опытъ его былъ неудаченъ. Онъ взялся за эпоху Петра Великаго и очень увлекся ею.

Въ декабрѣ 1872 года онъ писалъ Н. Н. Страхову:

«До сихъ поръ не работаю. Обложился книгами о Петрѣ I и его времени, читаю, отмѣчаю, порываюсь писать и не могу. Но что за эпоха для художника! На что ни взглянешь, все задача, загадка, разгадка которой только и возможна поэзіей. Весь узелъ русской жизни сидитъ тутъ. Мнѣ даже кажется, что ничего не выйдетъ изъ моихъ приготовленій. Слишкомъ ужъ долго я примѣриваюсь и слишкомъ волнуюсь».

Но чѣмъ дальше онъ изучалъ эту эпоху, тѣмъ больше препятствій встрѣчалъ онъ для ея воспроизведенія, и, наконецъ, лѣтомъ 1873 года онъ совсѣмъ прекратилъ это изученіе.

По словамъ С. А. Берса, причина этому была слѣдующая:

«Онъ говорилъ, что мнѣніе его о личности Петра діаметрально противоположно общему, и вся эта эпоха сдѣлалась ему несимпатична. Онъ утверждалъ, что личность и дѣятельность Петра I не только не заключаютъ въ себѣ ничего великаго, а, напротивъ того, всѣ качества его были дурныя. Всѣ такъ называемыя реформы его отнюдь не преслѣдовали государственной пользы, а клонились къ личнымъ его выгодамъ. Вслѣдствіе нерасположенія къ нему сословія бояръ за его нововведенія, онъ основалъ городъ Петербургъ только для того, чтобы удалиться и быть свободнѣе въ своей безнравственной жизни. Сословіе бояръ имѣло тогда большое значеніе и, слѣдовательно, было для него опасно. Нововведенія и реформы почерпались изъ Саксоніи, гдѣ законы были самые жестокіе того времени, а свобода

нравовъ процвѣтала въ высшей степени, что особенно нравилось Петру I. Этимъ объяснялъ Левъ Николаевичъ и дружбу Петра I съ курфюрстомъ саксонскимъ, принадлежавшимъ къ самымъ безнравственнымъ личностямъ изъ числа коронованныхъ особъ того времени. Близость съ пирожникомъ Меншиковымъ и бѣглымъ швейцарцемъ Лефортомъ онъ объяснялъ презрительнымъ отвращеніемъ къ Петру I всѣхъ бояръ, среди которыхъ онъ не могъ найти себѣ друзей и товарищей для разгульной жизни. Но болѣе всего онъ возмущался гибелью царевича Алексѣя».

Наконецъ, творческія силы его нашли достойное приложеніе.

Новое произведеніе было начато по сравнительно ничтожному поводу. Прочтя вслухъ начало одного разсказа Пушкина, а именно фразу: «Гости съѣхались на дачу», Л. Н-чъ сказалъ присутствовавшимъ: «Вотъ какъ надо начинать. Пушкинъ нашъ учитель. Это сразу вводитъ читателя въ интересъ самаго дѣйствія. Другой бы сталъ описывать гостей, комнаты, а Пушкинъ прямо приступаетъ къ дѣлу».

И удалившись въ свой кабинетъ, Л. Н-чъ набросалъ первыя страницы новаго романа, сюжетъ котораго, конечно, уже давно складывался въ его головѣ.

Темой для романа послужило самоубійство одной женщины, бросившейся подъ поѣздъ близъ станціи Ясенки. Л. Н-чъ зналъ эту женщину и ходилъ смотрѣть, какъ судебныя власти производили вскрытіе ея трупа. Причина самоубійства была романическаго характера.

Задумавъ написать романъ свѣтской женщины, измѣнившей своему мужу, Л. Н-чъ выбралъ эпиграфомъ романа библейское изреченіе: «Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ», желая выразить этимъ основную идею романа о томъ, что люди не имѣютъ права судить другихъ людей, высшій судъ принадлежитъ тому, кто установилъ законы бытія человѣческаго. Для людскихъ же отношеній существуетъ одинъ законъ—милосердія. Такъ понялъ Анну Каренину изъ литературныхъ критиковъ одинъ только Ѳ. М. Достоевскій, написавшій о ней прекрасную статью въ «Дневникѣ писателя». Вотъ существенная часть этой статьи.

«Есть Тотъ, Который говоритъ: «Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ». Ему одному лишь извѣстна вся тайна міра сего и окончательная судьба человѣка. Человѣкъ же пока не можетъ браться рѣшать ничего съ гордостью своей непогрѣшимости, не пришли еще времена и сроки. Самъ судья человѣческій долженъ знать

о себѣ, что онъ грѣшенъ самъ, что вѣсы и мѣра въ рукахъ его будутъ нелѣпостью, если самъ онъ, держа въ рукахъ мѣры и вѣсы, не преклонится передъ закономъ неразрѣшимой еще тайны и не прибѣгнетъ къ единственному выходу—къ Милосердію и любви. А чтобы не погибнуть въ отчаяніи отъ непониманія путей и судебъ своихъ, отъ усѣжденія въ таинственной и роковой неизбѣжности зла, человѣку именно указанъ выходъ. Онъ геніально намѣченъ поэтому въ геніальной сценѣ романа, въ предпослѣдней части его, въ сценѣ смертельной болѣзни героини романа, когда преступники и враги преображаются въ существа высшія, въ братьевъ, все простившихъ другъ другу, въ существа, которыя сами взаимнымъ всепрощеніемъ сняли съ себя ложь, вину и преступность и тѣмъ разомъ сами оправдали себя съ полнымъ сознаніемъ, что получили право на это».

Къ сожалѣнію, Достоевскій разошелся со Л. Н-чемъ по поводу конца романа, гдѣ Левинъ, главный положительный типъ, относится отрицательно къ добровольческому движенію въ Сербіи. Но въ этомъ несогласіи уже говорили славянофильскія тенденціи Достоевскаго, отъ которыхъ онъ не имѣлъ силъ освободиться.

Въ противоположность роману падшей женщины, въ «Аннѣ Карениной» проведенъ романъ безупречнаго семейнаго счастья, въ которомъ мы найдемъ много автобіографическихъ чертъ изъ семейной жизни самого Л. Н-ча. Третьимъ элементомъ романа служитъ исторія души главнаго героя — Левина, который изъ скептика эгоиста постепенно становится христіаниномъ, пріобрѣтая вѣру отъ своего наивнаго работника; сущность этой вѣры кратко выражается формулой: жить для Бога, для души.

Эта религіозная нота, прозвучавшая въ художественномъ произведеніи, была отраженіемъ происходившаго въ то время во Л. Н-чѣ религіознаго процесса; она снова оттолкнула отъ него многихъ либеральныхъ критиковъ, а консервативные, не разобравъ, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, поспѣшили причислить Л. Н-ча «къ своимъ». А онъ все также стоялъ особнякомъ, не склоняясь ни въ ту, ни въ другую сторону, прокладывая свои собственные пути.

Писаніе Анны Карениной совпало съ весьма значительнымъ событіемъ въ жизни русскаго народа, въ которомъ Л. Н-чу пришлось принять дѣятельное участіе, заслужившее ему благодарность многихъ сердецъ.

Въ 1873 году Л. Н-чъ проводилъ лѣто со своей семьей въ Самарской губерніи, во вновь купленномъ тамъ имѣніи. Наблю-

дая жизнь окружающаго тамъ народа, Л. Н-чъ пришелъ къ убѣжденію, что ему предстоитъ страшное бѣдствіе голода, если общество, государство и земство не придутъ ему на помощь. И вотъ онъ произвелъ обслѣдованіе нѣкоторыхъ сосѣднихъ деревень и, приведя статистическія данныя, написалъ воззваніе о помощи и напечаталъ его въ Московскихъ Вѣдомостяхъ въ августѣ того же года.

Кромѣ этого Л. Н-чъ сумѣлъ заинтересовать въ этомъ дѣлѣ высшія и придворныя сферы, и пожертвованія потекли широкой рѣкой и бѣдствіе было значительно смягчено. Всего поступило на самарскихъ голодающихъ около двухъ милліоновъ рублей деньгами и хлѣбомъ.

Слѣдующій годъ былъ урожайнымъ, и потому помощь въ предшествующій, голодный годъ оказалась особенно кстати, такъ какъ она позволила населенію безъ особыхъ страданій пережить трудное время и потомъ снова оправиться.

Вся эта напряженная дѣятельность Л. Н-ча въ 70-хъ годахъ, связанная еще со сложными семейными заботами воспитанія и обученія своихъ дѣтей, вся эта успѣшная литературная карьера, плодотворная общественная дѣятельность, не давали Л. Н-чу полнаго душевнаго удовлетворенія, и къ концу 70-хъ годовъ онъ приходитъ къ тѣмъ же сомнѣніямъ о смыслѣ жизни, къ которымъ приходилъ въ началѣ 60-хъ годовъ, послѣ смерти брата и къ концу своей холостой жизни. Какъ мы уже упоминали, тогда, по свидѣтельству самого Л. Н-ча, эти сомнѣнія были заглушены вступленіемъ его въ новую, неизвѣданную для него и привлекательную область семейной жизни, теперь же, къ концу 70-хъ годовъ, такой новой области уже не предстояло, и потому возникшія съ новой силой стремленія должны были обостриться и привести его къ жизненному кризису.

Глава IX.

Кризисъ.

Съ дѣтства носившій въ себѣ зародышъ неудовлетвореннаго религіознаго чувства, сначала заглушаемый традиціонными внѣшними обрядами религіи, потомъ затемненный сильными животными страстями, бурной жизнью, литературной славой, философскими теоріями—и, наконецъ, семейной жизнью—этотъ нѣжный ростокъ религіознаго сознанія, тѣмъ не менѣе, прозябалъ въ тишинѣ и время отъ времени давалъ себя знать. И когда была

исчерпана послѣдняя иллюзія самообмана, эта могучая сила вырвалась наружу и неудержимымъ потокомъ разрушила всѣ наваленныя на нее преграды.

Сущность религіи, какъ всегда смутно сознавалъ Л. Н-чъ, было отношеніе человѣка къ тому, что онъ считалъ основой міра, началомъ его: эта связь съ міровымъ началомъ, сліяніе съ нимъ, давала увѣренность въ неуничтожаемости, вѣру въ безсмертіе, въ вѣчную жизнь. Безъ этого жизнь, съ постояннымъ нугаломъ смерти, дѣлалась ужасной нелѣпостью, чѣмъ то болѣе тяжелымъ, чѣмъ само уничтоженіе. Условія, дававшія эту вѣру въ безсмертіе, были любовь, самоотверженіе, служеніе не себѣ, а людямъ, міру, Богу, вообще выходъ изъ своего личнаго *я* и отдача себя на служеніе міру

Все это онъ сознавалъ въ лучшія минуты своей жизни: первая сознательная формула этой религіи у него явилась на Кавказѣ, гдѣ отъ общенія съ нетронутой цивилизаціей природой онъ воспрянулъ духомъ, и двери вѣчности въ первый разъ открылись ему и освѣтили его душу блескомъ великаго свѣта.

Но онъ не готовъ былъ къ воспріятію этого свѣта. Нужны были долгіе годы страданія «въ мірѣ печали и слезъ», чтобы сознаніе тщеты служенія животной личности изъ мгновенныхъ, быстро исчезающихъ проблесковъ стало неперестающимъ твердымъ убѣжденіемъ. Нужно было полное развитіе этой животной личности, шедшее параллельно съ подспуднымъ духовнымъ развитіемъ. Нуженъ былъ сильный неотразимый конфликтъ между этою животной личностью и религіознымъ сознаніемъ, для того, чтобы можно было разъ навсегда рѣшить, кому изъ нихъ быть, кому руководить жизнью. И въ этомъ поединкѣ побѣда осталась за религіознымъ сознаніемъ, и сила животной личности была сломлена разъ навсегда.

Никакія иллюзіи болѣе не могли уже возстановить для Л. Н-ча престижъ животной личности. Въ такой борьбѣ часто погибаютъ люди, и духовная смерть бываетъ, конечно, самымъ страшнымъ исходомъ.

И если Л. Н-чъ не погибъ, то онъ все-таки потерялъ много силы въ борьбѣ, и когда онъ вышелъ изъ нея побѣдителемъ, онъ, какъ новорожденный, едва сознавалъ все величіе новаго бытія.

Всѣ перепитіи этого процесса разсказаны Л. Н-чемъ съ неподражаемой искренностью въ его Исповѣди.

Вотъ какъ онъ описываетъ душевное состояніе человѣка, уже изрѣвшагося въ мірскую жизнь, но еще не нашед-

шаго иной точки опоры. Онъ разсказываетъ это въ образахъ старинной восточной басни:

«Спасаясь отъ звѣря, путникъ вскакиваетъ въ безводный колодецъ, но на днѣ колодца видитъ дракона, разинувшаго пасть, чтобы пожрать его. И несчастный, не смѣя вылѣзть, чтобы не быть пожраннымъ дракономъ, ухватывается за вѣтки растущаго въ расщелинѣ колодца дикаго куста и держится на немъ. Руки его ослабѣваютъ, и онъ чувствуетъ, что скоро долженъ будетъ отдаться погибели, съ обѣихъ сторонъ ждущей его; но онъ держится и видитъ, что двѣ мыши, одна черная, другая бѣлая, равномѣрно обходя стволину куста, на которомъ онъ виситъ, подтачиваютъ ее. Вотъ-вотъ самъ собой обрушится и оборвется кустъ, и онъ упадетъ въ пасть дракону. Путникъ видитъ это и знаетъ, что онъ неминуемо погибнетъ; но пока онъ виситъ, онъ ищетъ вокругъ себя и находитъ на листьяхъ куста капли меда, достаетъ ихъ языкомъ и лижетъ ихъ. Такъ и я держусь за вѣтви жизни, зная, что неминуемо ждетъ драконъ смерти, готовый растерзать меня, и я не могу понять, зачѣмъ я попалъ на это мученіе. И я пытаюсь сосать тотъ медъ, который прежде утѣшалъ меня, но этотъ медъ уже не радуетъ меня, а бѣлая и черная мыши день и ночь подтачиваютъ вѣтку, за которую я держусь. Я ясно вижу дракона и мышей,—и не могу отвратить отъ нихъ взора. И это не басня, а это истинная, неоспоримая и всякому понятная правда».

Всѣ мудрецы міра, къ которымъ онъ обращался за разрѣшеніемъ вопроса о смыслѣ жизни, отвѣтили ему, что жизнь есть зло и безсмыслица, и онъ рѣшилъ уйти изъ жизни и былъ близокъ къ самоубійству.

Любовь къ народу, вниманіе къ жизни массы рабочихъ людей, признававшихъ какой то смыслъ жизни спасли его.

Онъ задался вопросомъ: не потому ли жизнь зло и безсмыслица, что я плохо живу, т. е. что моя жизнь зло и безсмыслица, моя и всѣхъ тѣхъ людей моего круга, которые, какъ и я, не видятъ въ жизни никакого смысла?

Итакъ, искренно поставленный вопросъ привелъ его къ спасенію. И отвѣтъ былъ только одинъ: рабочій народъ, отдающій себя на служеніе людямъ, знаетъ смыслъ жизни, любитъ жизнь и не боится смерти. И этотъ смыслъ жизни облекается имъ въ форму религіи. И Л. Н-чъ присталъ къ этой народной религіи, желая слиться съ народомъ въ его Богопочитаніи. Но въ немъ самомъ еще не былъ законченъ процессъ перерожденія. Какъ

онъ разсказываетъ самъ про это время, онъ періодически то оживалъ, то умиралъ душою.

«Что же такое эти оживленія и умиранія? Вѣдь я не живу, когда теряю вѣру въ существованіе Бога; вѣдь я бы уже давно убилъ себя, еслибы у меня не было смутной надежды найти Его. Вѣдь я живу только тогда, когда чувствую Его и ищу Его. Такъ чего же я ищу еще? воскликнулъ во мнѣ голосъ. Такъ вотъ онъ... Онъ есть то, безъ чего нельзя жить. Знать Бога и жить одно и то же. Богъ есть жизнь».

И онъ спасся отъ отчаянія, жизнь вернулась къ нему, та самая сила жизни, которая влекла его на первыхъ порахъ его жизни, только теперь она въ немъ стала сознательной, онъ нашелъ Бога и повѣрилъ въ Него. И вѣра эта совпала въ его пониманіи съ вѣрой рабочаго народа.

Вотъ какъ онъ пишетъ объ этомъ событіи, заключившемъ его исканія и сомнѣнія:

«Я отрекся отъ жизни нашего круга, признавъ, что это не есть жизнь, а только подобіе жизни, что условія избытка, въ которыхъ мы живемъ, лишаютъ насъ возможности понимать жизнь, и что для того, чтобы понять жизнь, я долженъ понять жизнь не исключеній, не насъ, паразитовъ жизни, а жизнь простого трудового народа,—того, который дѣлаетъ жизнь и тотъ смыслъ, который онъ придаетъ ей. Простой трудовой народъ вокругъ меня былъ русскій народъ, и я обратился къ нему и къ тому смыслу, который онъ придаетъ жизни. Смыслъ этотъ былъ слѣдующій. Всякій человѣкъ произошелъ на этотъ свѣтъ по волѣ Бога. И Богъ такъ сотворилъ человѣка, что всякій человѣкъ можетъ погубить свою душу или спасти ее. Задача человѣка въ жизни—спасти свою душу. Чтобы спасти свою душу, нужно жить по-Божьи, а чтобы жить по-Божьи, нужно отрекаться отъ всѣхъ утѣхъ жизни, трудиться, смиряться, терпѣть и быть милостивымъ. Смыслъ этотъ народъ черпаетъ изъ своего вѣроученія, передаваемаго ему пастырями, и преданіями, живущими въ народѣ. Смыслъ этотъ мнѣ ясенъ и близокъ моему сердцу».

Но и эта тихая пристань оказалась только этапомъ на пути его религіознаго развитія.

Форма проявленія народной религіи была православная, церковная вѣра. И принятіе ее приводило Л. Н-ча въ непосредственное столкновеніе съ господствующей Церковью.

Для Л. Н-ча вѣра была спасеніемъ отъ смерти. Церковная же вѣра служила въ лучшемъ случаѣ потребностямъ государства,

И Л. Н-чъ вскорѣ увидѣлъ, что его закаленная разумомъ вѣра и церковная вѣра не имѣютъ между собой ничего общаго, кромѣ извѣстныхъ религіозныхъ терминовъ. Но чтобы быть въ состояніи сознательно сказать это, онъ подвергнулъ строгой и систематической критикѣ догматическое ученіе Церкви. Результатъ этой работы онъ изложилъ въ своей книгѣ: Критика Православнаго догматическаго Богословія.

Но, разрушивъ въ себѣ церковную вѣру, онъ былъ приведенъ въ необходимость подвергнуть критикѣ вообще христіанскія вѣроученія, основанныя на священномъ писаніи и, стало быть и самое священное писаніе. Онъ это и сдѣлалъ въ обширномъ трудѣ: Соединеніе и переводъ четырехъ Евангелій.

Въ этомъ трудѣ Л. Н-чъ шагъ за шагомъ разбираетъ Евангельскіе тексты, откладываетъ въ сторону все неясное или не относящееся къ главному смыслу христіанскаго ученія, а тексты, ясно выражающіе этотъ смыслъ, онъ передаетъ въ связной, удобопонятной формѣ и все ученіе получаетъ цѣльный, гармоничный и общедоступный характеръ.

Добравшись такимъ образомъ до самыхъ основъ христіанства, Л. Н-чъ принялся за новую работу, за изложеніе своего пониманія христіанства и написалъ книгу: «Въ чемъ моя вѣра». Можно сказать, что эта книга завершила циклъ его религіознаго развитія.

Глава X.

Личная и частная жизнь Л. Н-ча въ 80 годахъ.

Въ своей книгѣ «Въ чемъ моя вѣра» Л. Н-чъ говоритъ:

«Пять лѣтъ тому назадъ я повѣрилъ въ ученіе Христа, и жизнь моя вдругъ перемѣнилась; мнѣ перестало хотѣться того, что прежде хотѣлось, и стало хотѣться того, чего прежде не хотѣлось. То, что прежде казалось мнѣ хорошо, показалось дурно, и то, что прежде казалось дурно, показалось хорошо. Со мной случилось то, что случается съ человѣкомъ, который вышелъ за дѣломъ и вдругъ дорогой рѣшилъ, что дѣло это ему совсѣмъ не нужно—и повернулъ домой. И все, что было справа, стало слѣва, и все, что было слѣва—стало справа: прежнее желаніе—быть какъ можно дальше отъ дома — перемѣнилось на желаніе быть какъ можно ближе отъ него. Направленіе моей жизни—желанія мои, стали другія; и доброе и злое перемѣнилось мѣстами.

Все это произошло отъ того, что я понялъ ученіе Христа не такъ, какъ я понималъ его прежде».

Такимъ образомъ въ немъ совершилась переоцѣнка всѣхъ окружающихъ явленій, всего его поведенія. А между тѣмъ жизнь вокругъ него шла все тѣмъ же порядкомъ, и его новое отношеніе къ ней создало цѣлый рядъ столкновеній.

Этихъ столкновеній онъ не избѣгнулъ и въ своей, до того времени дружной семейной жизни, и среди своихъ друзей литераторовъ, и среди знакомыхъ высшаго круга, къ которому онъ принадлежалъ. Наконецъ, эти столкновенія его новаго міросозерцанія съ окружающею дѣйствительностью коснулись и государственной жизни.

Въ это время событія русской жизни требовали къ себѣ особаго вниманія. Началась коренная ломка стараго строя, и первый громовой ударъ послѣдовалъ 1-го марта 1881 года. Исполнительный комитетъ приговорилъ къ смерти Императора Александра II и привелъ этотъ приговоръ въ исполненіе. Событіе это всколыхнуло русское общество и на Л. Н-ча произвело глубокое впечатлѣніе. Для него это было, съ одной стороны, подтвержденіе его убѣжденія о потерѣ нашимъ обществомъ и государствомъ основъ христіанской нравственности, и, съ другой стороны, оба враждующіе лагеря возбуждали въ немъ крайнюю жалость, такъ какъ онъ видѣлъ ихъ глубокое заблужденіе.

И вотъ онъ обращается съ длиннымъ письмомъ къ Государю Александру III. Въ этомъ письмѣ онъ убѣждаетъ Государя простить преступниковъ во имя ученія Христа, считая, что слѣдованіе ученію Христа есть единственный путь спасенія Россіи. Другіе два пути—путь жестокихъ репрессивныхъ мѣръ и путь либеральныхъ реформъ, оба уже испробованы и не привели ни къ чему. На это письмо не послѣдовало отвѣта, и цареубійцы были казнены. И все это событіе оставило на себѣ глубокій слѣдъ въ душѣ Л. Н-ча.

Въ это время важная перемѣна совершалась въ его внѣшней жизни. Со всей семьей своей на зиму онъ переѣхалъ въ городъ.

Городъ былъ для Л. Н-ча новымъ испытаніемъ. Рѣзкій контрастъ между городской нищетой и безумной роскошью богачей; голодные нищіе съ протянутой рукой на углахъ улицъ и обжирающіеся сластолюбцы во многочисленныхъ ярко освѣщенныхъ ресторанахъ; кучера, мерзнущіе на козлахъ, пока господа ихъ наслаждаются музыкой, театромъ или церковной службой—все это отзывалось болью въ сердцѣ Л. Н-ча, уже просвѣтлен-

наго христіанскимъ сознаніемъ и искавшаго проявленія его вокругъ себя.

Въ это время, т. е. зимой 1882 года, была назначена всеобщая перепись жителей Москвы. Л. Н-чу пришла мысль воспользоваться этой переписью, чтобы проникнуть въ самые глухіе притоны городской нищеты, изучить ее и постараться придти къ ней на помощь.

Л. Н-чъ обратился съ воззваніемъ къ московскому обществу, предлагая, воспользовавшись тѣмъ подробнымъ осмотромъ городского населенія, который предстоитъ сдѣлать во время переписи, не прекращать потомъ знакомства съ бѣдными людьми и братски, по-христіански придти къ нимъ на помощь.

Средства, которыя на это понадобились бы, предполагалось собрать подпиской, устройствомъ благотворительныхъ вечеровъ и, наконецъ, просто обращеніемъ за помощью и сочувствіемъ къ богатымъ людямъ.

Л. Н-чъ предложилъ городской думѣ свои услуги по переписи, и его назначили, по его просьбѣ, завѣдовать переписнымъ участкомъ одной изъ самыхъ бѣдныхъ частей Москвы, гдѣ находятся ночлежные дома Ржанова.

Во время этой переписи Л. Н-чъ дѣйствительно окунулся въ самую пучину городской нищеты. Но всѣ его усилія организовать какую-либо помощь не привели ни къ чему. Съ нимъ повторилось нѣчто подобное тому опыту благотворительности, который онъ продѣлалъ надъ своими крѣпостными крестьянами въ 40-хъ годахъ, описанному имъ въ разсказѣ «Утро помѣщика». Какъ тогда, такъ и теперь онъ увидалъ, что бѣдность и нищета этихъ людей есть слѣдствіе его барской роскошной жизни, и что, оставаясь въ ней, нельзя помочь тѣмъ, чьи страданія прямо питаются и плодятся его праздной жизнью, и что настоящей помощи, основанной на нравственномъ, братскомъ чувствѣ, не можетъ быть по отношенію къ этимъ людямъ, съ недовѣріемъ и озлобленіемъ смотрящимъ на него.

Этотъ неудачный опытъ благотворительности Л. Н-чъ описалъ въ своей книгѣ: «Такъ что же намъ дѣлать?» Въ ней онъ подробно и тщательно анализируетъ состояніе города, раздѣленіе въ немъ людей на богатыхъ и бѣдныхъ, праздныхъ и рабочихъ и приходитъ къ выводу, что только коренное измѣненіе всего общественнаго строя можетъ уничтожить ту страшную озлобленную, дикую нищету, которая поддерживается роскошною, праздною жизнью привилегированнаго класса.

Однимъ изъ главныхъ золъ современнаго строя Л. Н-чъ считаетъ деньги, такъ какъ онѣ представляютъ изъ себя, такъ сказать, концентрированное насиліе или право на него, легко передаваемое кому угодно. Ложное устройство міра поддерживается также ложной наукой, строящей сложныя теоріи оправданія существующаго зла.

Такъ что же дѣлать? снова восклицаетъ Л. Н-чъ, тонкимъ и безпощаднымъ анализомъ вскрывъ всѣ язвы современнаго общества. И отвѣтъ тотъ, который давалъ Іоаннъ Креститель на подобный же вопросъ приходившимъ къ нему людямъ того времени: Покаяться, обновиться, отдать неимущимъ не копейки и рубли отъ тысячъ и милліоновъ, а одну изъ двухъ рубашекъ, т. е. раздѣлить съ бѣднякомъ его трудную суровую рабочую жизнь.

И вотъ Л. Н-чъ начинаетъ перестраивать собственную жизнь, отказывается отъ всякихъ излишествъ, вина, табаку, мяса и старается проводить время въ производительномъ трудѣ на общее благо. Онъ раздѣляетъ свой день на 4 упряжки и посвящаетъ первую умственному труду, вторую—усиленному физическому, третью—ремеслу-рукодѣлью и четвертую — общенію съ людьми. Кромѣ того, онъ старается сдерживать гнѣвъ и раздраженіе, быть обходительнымъ со всѣми, смиряетъ гордость свою и продолжаетъ борьбу съ дурными страстями и привычками.

Жизнь въ городѣ становится ему очень тяжела, и онъ при первой возможности уѣзжаетъ въ деревню, въ Ясную Поляну, иногда проходитъ этотъ 20-тиверстный путь пѣшкомъ и тамъ впрягается въ серьезную крестьянскую работу пахоты, покоса, рубки лѣса, постройки избы и помогаетъ этимъ трудомъ вдовамъ и сиротамъ.

Распространеніе его новыхъ взглядовъ, его новый образъ жизни вскорѣ начинаютъ привлекать къ нему тѣхъ людей, въ которыхъ искрились тѣ же мысли и чувства и которые ждали могучаго почина, чтобы двинуться съ мѣста и вступить съ нимъ вмѣстѣ на новый путь. Нѣкоторые люди приходятъ къ нему, другихъ онъ разыскиваетъ самъ, и вотъ вокругъ него образуется кружокъ новыхъ людей, совсѣмъ непохожихъ на прежній кругъ его знакомыхъ, съ которыми онъ хотя и не порываетъ формально, но которые сами отпадаютъ отъ него, не чувствуя себя въ силахъ слѣдовать за нимъ. Замѣчательный человѣкъ крестьянинъ Сютаевъ, художникъ Н. Н. Ге, учитель Орловъ, библіотекарь Румянцевскаго музея Ѳедоровъ, ссыльный въ Сибири, крестья-

нинъ Бондыревъ, вотъ кругъ его новыхъ друзей. Наконецъ, являются и представители его прежняго круга, такъ какъ и туда проникаетъ свѣтъ исповѣдуемой имъ истины, съ нимъ знакомится В. Г. Чертковъ, а черезъ него и пишущій эти строки. И въ головѣ Л. Н-ча созидается планъ новой помощи народу, такой, на которую можно бы было производительно истратить все наслѣдіе многихъ вѣковъ культуры, искусства, науки, выбравъ оттуда то, что всего нужнѣе, понятнѣе и что ведетъ къ добру и единенію между людьми.

И вотъ возникаетъ издательскій кружокъ «Посредника». И Л. Н-чъ вступаетъ въ новую область—проведенія въ жизнь своихъ установившихся уже къ тому времени взглядовъ. Это было въ половинѣ 80-хъ годовъ.

Глава XI.

Народная литература.

Л. Н-чъ, будучи въ Москвѣ, нерѣдко заходилъ на Никольскій рынокъ и къ Ильинскимъ воротамъ, гдѣ въ 80-хъ годахъ еще процвѣталъ торгъ «лубочной» литературой, т. е. книжекъ и картинъ, разносимыхъ въ лубкахъ или коробахъ деревенскими разносчиками. Л. Н-чу уже давно хотѣлось влить въ этотъ широкій книжный потокъ струю воды живой. Лубочная литература представляла изъ себя тогда странную смѣсь житій святыхъ, патріотическихъ военныхъ разсказовъ и романическихъ приключеній, написанныхъ безграмотно, въ самой грубой формѣ, иногда безъ начала или конца и, вообще, представляла очень скудную и неудобоваримую духовную пищу. А между тѣмъ русская литература блестѣла тогда лучшими именами, и отъ нея не перепадали даже крохи въ народныя души. Вотъ это то несправедливое, жестокое пренебреженіе свѣтилъ науки, искусства и литературы къ нашему меньшому брату, рабочему народу, и захотѣлъ Л. Н-чъ если не уничтожить, то, по крайней мѣрѣ, уменьшить, насколько возможно.

Онъ сдѣлалъ первый починъ и далъ цѣлый рядъ художественныхъ разсказовъ для изданія ихъ подъ видомъ лубочной литературы, но съ грамотной корректурой, съ изящными картинками и, конечно, съ содержаніемъ, настолько высоко художественнымъ и глубоко нравственнымъ, насколько былъ способенъ великій писатель русской земли. При этомъ форма изложенія, слогъ, языкъ до такой степени были просты, что къ нимъ

Домъ Л. Н. Толстого въ Ясной Полянѣ.

нельзя было ни прибавить, ни убавить ни одного слова, а понять эти разсказы и насладиться ихъ содержаніемъ могли всѣ, отъ едва лепечущаго ребенка до сѣдовласаго старца.

Осуществилъ эту великую мысль Л. Н-ча его новый другъ Влад. Григ. Чертковъ, отдавшій на это дѣло много душевныхъ силъ и матеріальныхъ средствъ. Практическимъ исполнителемъ задуманнаго плана явился московскій издатель, тогда еще скромный торговецъ лубочныхъ изданій Иванъ Дмитріевичъ Сытинъ, теперь стоящій во главѣ обширнаго книгоиздательства «Т-во И. Д. Сытина». Успѣхъ дѣла «Посредника» многимъ обязанъ его энергіи, знанію дѣла и искренней преданности ему. Пишущему эти строки пришлось также на первыхъ порахъ принять скромное участіе въ этомъ дѣлѣ. Чтобы хотя нѣсколько дать понять о томъ успѣхѣ, который сопутствовалъ нашему начинанію, я приведу нѣкоторыя цыфры выпущенныхъ изданій. Изданіе каждой «листовки», особенно съ разсказомъ Л. Н-ча, рѣдко выпускалось въ количествѣ меньшемъ 24000; такихъ изданій въ годъ бывало до 5 и больше. Но такъ какъ число названій у насъ быстро прибывало, то вскорѣ мы начали считать наши книжки уже не тысячами, а милліонами. Къ концу 4-го года былъ сдѣланъ первый приблизительный подсчетъ выпущенныхъ изданій, и этотъ подсчетъ далъ цыфру въ 12.000.000 экземпляровъ, т. е. около 3.000.000 въ годъ. Такъ какъ никто изъ участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ не предъявлялъ правъ литературной собственности, то многіе другіе издатели стали переиздавать эти книжки; число выпущенныхъ ими экземпляровъ неизвѣстно, но должно быть очень велико. Точнаго подсчета сдѣлать невозможно. При огромномъ дѣлѣ лубочнаго издательства не было возможности даже книжной инспекціи вести правильный контроль, и иногда сотни тысячъ ускользали изъ-подъ ихъ бдительнаго ока.

Эта цыфра отъ 3 до 4 милліоновъ въ годъ держалась довольно долго. Въ подсчетѣ, сдѣланномъ московскимъ комитетомъ грамотности въ срединѣ 90-хъ годовъ, показана цыфра годового выпуска изданій Посредника также въ 3.500.000.

И вотъ душою этого огромнаго дѣла былъ Л. Н-чъ, потратившій на него не мало своихъ творческихъ силъ. Первыми были изданы его разсказы изъ «Азбуки», «Кавказскій плѣнникъ» и «Богъ правду видитъ». Потомъ «Чѣмъ люди живы», и затѣмъ слѣдовала цѣлая серія разсказовъ: Упустишь огонь, не потушишь. Гдѣ любовь, тамъ и Богъ. Два старика. Свѣчка. Иванъ

Дуракъ. Скоро примѣру Л. Н-ча послѣдовалъ цѣлый рядъ лучшихъ русскихъ писателей, и «Посредникъ» издалъ въ видѣ лубочныхъ изданій произведенія Лѣскова, Гаршина, Эртеля, Потѣхина, Островскаго, Савихина, Оболенскаго, Вагнера, Немировича-Данченко, Мамина-Сибиряка и многихъ другихъ. Кромѣ того, была выпущена цѣлая серія лубочныхъ картинъ, исполненная Рѣпинымъ, Кившенко, Савицкимъ, Сологубомъ, а также и копіи съ произведеній иностранныхъ художниковъ. Къ этимъ картинамъ тексты составлялъ и редактировалъ Л. Н-чъ.

Служа такимъ образомъ народу своимъ писательскимъ трудомъ, Л. Н-чъ не упускалъ случая и непосредственно служить народу физическимъ трудомъ, участвуя въ его работѣ. Когда ему приходилось жить въ Москвѣ, онъ кололъ дрова, возилъ воду, ходилъ пилить дрова за Моску-рѣку на Воробьевы горы. Научился шить сапоги и носилъ обувь своей работы.

Ранней весной онъ отправлялся въ Ясную Поляну, нерѣдко пѣшкомъ, съ котомкой за плечами и, поселясь въ Ясной, впрягался въ крестьянское тягло: поднималъ и засѣвалъ яровую пашню, возилъ навозъ, косилъ съ артелью, сѣялъ озимь и убиралъ хлѣбъ. Осенью и зимою его можно было часто видѣть съ топоромъ въ рукѣ и съ пилой, если попадался подручный, рубившимъ и пилившимъ подстойныя деревья для раздачи ихъ на постройку или топливо сиротамъ. Такова была полная энергіи и всесторонней дѣятельности жизнь Л. Н-ча въ это время.

Иногда за увлеченіе и неосмотрительность въ крестьянской работѣ ему приходилось дорого расплачиваться. Такъ, лѣтомъ 1886 года, работая на покосѣ, Л. Н-чъ, влѣзая на телѣгу, ушибъ себѣ голень ноги о грядку. Перетерпѣвъ первое чувство боли, Л. Н-чъ забылъ объ этомъ ушибѣ; но на его мѣстѣ образовался струпъ, потомъ язва и, наконецъ, воспаленіе надкостницы, заставившее Л. Н-ча пролежать съ мѣсяцъ въ кровати и потребовавшее серьезной хирургической операціи, которою едва успѣли остановить общее зараженіе крови.

Л. Н-чъ терпѣливо переносилъ болѣзнь, и въ бесѣдѣ съ посѣтителями, когда еще благополучный исходъ не былъ обезпеченъ, онъ просто и серьезно говорилъ, что умираетъ отъ ноги и радуется тому, что болѣзнь дала ему неизбѣжные часы досуга, которые онъ посвящалъ размышленіямъ о жизни и смерти.

Начавъ выздоравливать отъ этой болѣзни, Л. Н-чъ, еще долго не выходившій изъ дому, задумался надъ составленіемъ народной драмы и въ эту же осень написалъ «Власть Тьмы»,

такъ что и болѣзнь его и досугъ выздоровленія прошли не даромъ. Извѣстна странная судьба этой драмы, судьба, которая можетъ постигнуть драматическое произведеніе только въ Россіи. Разрѣшенная въ печати съ небольшими урѣзками, она была разучена для постановки на сцену Императорскихъ театровъ. И когда она была совершенно готова къ постановкѣ, піеса срепетирована, костюмы и декораціи готовы, ее сняли съ репертуара и запретили играть на частныхъ публичныхъ сценахъ. И только черезъ много лѣтъ спустя она появилась на сценѣ.

ЧАСТЬ III.

Глава XII.

Распространеніе вліянія Л. Н-ча въ Россіи и за границей.

Распространеніе новыхъ религіозно-философскихъ произведеній Л. Н-ча, несмотря на ихъ запрещеніе въ Россіи, шло своимъ порядкомъ. Въ Россіи они распространялись въ многочисленныхъ копіяхъ, рукописяхъ, лито-и гектографированныхъ.

За границей они печатались по-русски въ Женевѣ, Лондонѣ и Берлинѣ, и стали появляться переводы этихъ произведеній. Переводъ на французскій языкъ основного произведенія Л. Н-ча «Въ чемъ моя вѣра» былъ сдѣланъ другомъ Л. Н-ча княземъ Леонидомъ Дмитріевичемъ Урусовымъ, искренно сочувствовавшимъ взглядамъ Л. Н-ча, выраженнымъ въ этой книгѣ. На англійскомъ языкѣ былъ выпущенъ нѣсколько сокращенный переводъ «Въ чемъ моя вѣра», сдѣланный В. Г. Чертковымъ, вмѣстѣ съ «Исповѣдью» и краткимъ изложеніемъ Евангелія. Вскорѣ потомъ появился и нѣмецкій переводъ «Въ чемъ моя вѣра, Исповѣди и Евангелія». Эти переводы оповѣстили всему міру о новыхъ взглядахъ Л. Н-ча, и эти произведенія несомнѣнно больше послужили извѣстности Л. Н-ча, чѣмъ его романы, хотя и оцѣненные, но большею частью не понятые западными читателями, благодаря очень посредственнымъ переводамъ.

И вотъ съ распространеніемъ этихъ произведеній, ко Л. Н-чу начинаютъ стекаться, во-первыхъ, книги и рукописи отъ людей, болѣе или менѣе близко раздѣляющихъ его взгляды, а потомъ начинаютъ стекаться и многочисленные посѣтители изъ ближнихъ и дальнихъ странъ, и Л. Н-чъ дѣлается въ нѣкоторомъ родѣ міровымъ центромъ идейной жизни извѣстнаго направленія.

Однимъ изъ первыхъ идейныхъ знакомствъ Л. Н-ча было его сближеніе съ сектантомъ Сютаевымъ. Это былъ самобытный религіозный русскій умъ. Основываясь на Евангеліи, онъ проповѣдывалъ согласованіе жизни съ внутреннимъ голосомъ совѣсти, а во внѣшней жизни проповѣдывалъ братство и общину. Л. Н-чъ посѣтилъ Сютаева въ его деревнѣ Шавелино, Тверской губерніи, и Сютаевъ отдалъ ему визитъ, посѣтивъ Л. Н-ча въ Москвѣ. Потомъ они еще разъ видѣлись въ Ясной Полянѣ. Свиданія съ Сютаевымъ всегда оставляли во Л. Н-чѣ самое отрадное впечатлѣніе. Будучи въ Москвѣ, Сютаевъ, по словамъ Л. Н-ча, много способствовалъ ему въ разъясненіи его взгляда на благотворительность. Сютаевъ поразилъ Л. Н-ча смѣлою мыслью — проектомъ уничтоженія нищеты: разобрать бѣдныхъ по домамъ всѣмъ достаточнымъ людямъ и вести съ ними дѣловую рабочую жизнь.

Другимъ замѣчательнымъ русскимъ человѣкомъ, произведшимъ сильное впечатлѣніе на Л. Н-ча, былъ также русскій самородокъ, крестьянинъ Тимофей Михайловичъ Бондаревъ. Сосланный въ Сибирь съ цѣлой группой крестьянъ, его сообщниковъ, за распространеніе секты Субботниковъ, Бондаревъ поселился близъ Минусинска, гдѣ онъ съ единомышленниками образовалъ общину; но пытливый умъ его продолжалъ работать и въ ссылкѣ. Онъ задумывался надъ причинами экономическаго неравенства. Онъ своеобразно рѣшилъ этотъ вопросъ, облекши это рѣшеніе въ библейскіе образы. «Первая заповѣдь, — говорилъ Бондаревъ, данная Богомъ человѣку, была: «мужчинѣ—въ потѣ лица снѣси хлѣбъ свой, женщинѣ—въ болѣзняхъ родити чада». Женщины еще въ большинствѣ случаевъ исполняютъ эту заповѣдь, даже царица родитъ въ болѣзняхъ дѣтей, потому что купить ребенка нельзя, онъ будетъ чужой. Мужчины стараются всячески освободить себя отъ исполненія заповѣди, и весь образованный классъ уже не родитъ себѣ трудомъ своего хлѣба, а покупаетъ чужой. Отъ этого произошло все зло, вносимое въ міръ привилегированнымъ классомъ; вся праздность, роскошь и развратъ его и сопутствующія имъ нищета, темнота и убожество. И никакія проповѣди любви не помогутъ этому злу. Заповѣдь любви есть заповѣдь позднѣйшая, и люди прикрываются ею. Но, не исполнивъ первой заповѣди о трудѣ, нельзя исполнить и послѣдней о любви. И вся проповѣдь любви является пустымъ лицемѣріемъ.

Всѣ эти взгляды изложены Бондаревымъ въ обширномъ трудѣ, озаглавленномъ имъ «Трудолюбіе, или торжество земледѣль-

ца». Рукопись эта была прислана Л. Н-чу. Увидавъ совпаденіе этихъ взгзядовъ во многихъ пунктахъ со своими, Л. Н-чъ вступилъ въ переписку съ Бондаревымъ, и они обмѣнялись нѣсколькими дружескими письмами. Л. Н-чъ пожелалъ издать произведеніе Бондарева, написанное сильнымъ, оригинальнымъ языкомъ, проредактировалъ его и написалъ предисловіе. Сначала цензура запрещала печатать его, но теперь это произведеніе издано «Посредникомъ».

Взгляды Л. Н-ча стали проникать и въ русскую интеллигенцію.

Въ 80-хъ годахъ, послѣ 1-го марта, ряды революціонно-настроенной молодежи значительно порѣдѣли. Исканіе идеаловъ, планы перестройки общественныхъ формъ обратились въ другую сторону, и душевному состоянію многихъ молодыхъ людей пришлись по мѣркѣ новые взгляды Л. Н-ча. Они вызвали среди молодежи серьезное религіозно-нравственное движеніе, съ потребностями коренной реформы общественнаго строя.

Движеніе это выразилось въ устройствѣ интеллигентныхъ общинъ, трудовыхъ земледѣльческихъ колоній, затѣмъ въ цѣломъ рядѣ единичныхъ опрощеній и переходовъ къ трудовой жизни среди рабочаго класса, и наконецъ, въ отказахъ отъ присяги и отъ воинской повинности. Однимъ изъ первыхъ былъ отказъ отъ воинской повинности въ 1886 году Алексѣя Петровича Залюбовскаго, пробывшаго за этотъ отказъ 2 года въ дисциплинарномъ батальонѣ въ Асхабадѣ и много претерпѣвшаго всякихъ невзгодъ во время его пересылки по этапамъ въ среднюю Азію. Послѣ него эти отказы стали повторяться все чаще и чаще въ Россіи и за границей, и теперь безъ нихъ не проходитъ ни одинъ наборъ.

Когда новыя произведенія Л. Н-ча стали распространяться въ Западной Европѣ и Америкѣ, онъ сталъ получать оттуда много сочувственныхъ писемъ, книгъ и статей и узналъ о существованіи цѣлыхъ обществъ людей, исповѣдующихъ сущность взглядовъ Л. Н-ча на христіанское ученіе, какъ на несовмѣстимое ни съ какого рода насиліемъ, какъ личнымъ, такъ и государственнымъ. Изъ Англіи одними изъ первыхъ откликнулись квакеры, изъ Америки шэкеры и члены общества непротивленія, основаннаго Гаррисономъ и Баллу; въ Австріи нашлись сектанты Назарены, которые регулярно каждый годъ отказываются отъ солдатчины и томятся въ австрійскихъ тюрьмахъ. О русскихъ духоборахъ мы будемъ говорить впослѣдствіи.

Въ 1885 году Л. Н-ча посѣтилъ русскій эмигрантъ, уже много лѣтъ прожившій въ Америкѣ, Вильямъ Фрей, послѣдователь

Огюста Конта и проповѣдникъ его религіи человѣчества. Несмотря на нѣкоторыя странности его проповѣди, его обаятельная личность произвела сильное и отрадное впечатлѣніе на Л. Н-ча. Фрей задался цѣлью привлечь Л. Н-ча къ проповѣди религіи человѣчества. Хотя этого ему и не удалось, но ему удалось привлечь къ себѣ самому Л. Н-ча и заставить его горячо полюбить себя.

Въ это время Л. Н-чъ познакомился со взглядами американца Генри Джоржа и съ его теоріей единаго налога, всецѣло принятой Львомъ Николаевичемъ. Какъ извѣстно, теорія эта состоитъ въ уничтоженіи всѣхъ налоговъ и установленіи одного налога на землю, пропорціонально рентѣ ея, чѣмъ достигаются націонализація земли и уничтоженіе крупной земельной собственности безъ всякаго насилія и безъ отниманія собственности у ея владѣльцевъ. Взгляды эти изложены въ многочисленныхъ произведеніяхъ Генри Джоржа, почти полностью изданныхъ теперь по-русски, но главнымъ образомъ въ двухъ сочиненіяхъ: «Прогрессъ и бѣдность» и «Общественныя задачи».

Еще одинъ американецъ, извѣстный путешественникъ по Сибири, Кеннанъ, посѣтилъ Л. Н-ча въ 1887 году, но съ нимъ они не сошлись во взглядахъ. Кеннану казалось дикимъ отрицаніе всякаго насилія борьбы, даже насилія борьбы и самозащиты, и, несмотря на все уваженіе Толстого къ заслугамъ Кеннана, раскрывшаго язвы русской ссылки и тюремъ Сибири, посѣщеніе это не оставило во Л. Н-чѣ чувства удовлетворенія.

Чешскій профессоръ, докторъ философіи Массарикъ, напротивъ, произвелъ самое отрадное впечатлѣніе своею простотою и яснымъ пониманіемъ высшихъ духовныхъ интересовъ.

Какимъ то страннымъ, легкомысленнымъ недоразумѣніемъ былъ пріѣздъ французскаго политическаго дѣятеля Поля Дерулэда. Увлеченный ненавистью къ нѣмцамъ и агитировавшій во Франціи за войну съ Германіей для реванша, онъ надѣялся возбудить общественное мнѣніе Россіи противъ Германіи и вовлечь ее въ войну, произведя нападеніе на Германію съ фронта и тыла. И вотъ онъ явился къ Толстому, какъ къ руководителю общественнаго мнѣнія. Л. Н-чъ въ комическомъ разсказѣ описалъ старанія Дерулэда объяснить яснополянскимъ крестьянамъ, какъ надо сжать нѣмца съ двухъ сторонъ, на что крестьяне отвѣчали, что лучше пригласить нѣмца работать вмѣстѣ. Миссія Дерулэда оказалась совсѣмъ неудачна.

Благодаря книжкамъ «Посредника» и иными путями взгляды Л. Н-ча стали распространяться въ народѣ. И вотъ въ 1887 году онъ получаетъ отъ общины южно-русскихъ штундистовъ катехизисъ, въ которомъ евангельскіе тексты уже приводятся въ редакціи Л. Н-ча, и все ученіе изложено на основаніи его пониманія христіанства.

Такимъ образомъ, свѣтъ, зажженный Л. Н-чемъ, уже началъ свѣтить на весь міръ, жаждущій любви и правды. Къ этому времени, т. е. къ концу 80-хъ годовъ, рѣзкія столкновенія Л. Н-ча со своими семейными и съ окружающими его людьми, особенно изъ его прежняго высшаго круга—понемногу смягчаются, и въ его душевномъ состояніи наступаетъ замѣтное успокоеніе.

23 сентября 1887 года Л. Н-чъ мирно отпраздновалъ въ кругу своей обширной семьи свою серебряную свадьбу.

Возрастающая извѣстность Л. Н-ча обратила на него вниманіе и русскихъ художниковъ-живописцевъ. Первый живописный портретъ съ него былъ написанъ Крамскимъ въ 1873 году, и этотъ портретъ едва ли не лучшій изъ всѣхъ изображеній Л. Н-ча по силѣ экспрессіи и по уловленному сходству и самымъ характернымъ чертамъ.

Въ 1882 году ко Л. Н-чу пріѣхалъ ставшій потомъ его другомъ и единомышленникомъ художникъ Ге. Этотъ горячій, впечатлительный, дѣтски наивный человѣкъ всѣмъ существомъ своимъ привязался ко Л. Н-чу и остался вѣренъ ему до конца дней своихъ. Со времени этого перваго знакомства сношенія ихъ не прерывались. Л. Н-чъ ѣздилъ къ Н. Н-чу на его хуторъ въ Черниговскую губернію а Н. Н-чъ часто гостилъ у Л. Н-ча. И между ними шла оживленная переписка. Въ 1884 году Н. Н. Ге написалъ портретъ Л. Н-ча въ позѣ пишущаго, съ опущенной головой. Къ сожалѣнію, на этомъ портретѣ нѣтъ глазъ Л. Н-ча, но онъ написанъ съ такою любовью, и нѣсколько характерныхъ чертъ такъ мѣтко схвачены на немъ, что онъ сдѣлался дорогъ для всѣхъ любящихъ Л. Н-ча.

Наконецъ, въ 1887 году Л. Н-ча посѣтилъ Илья Ефимовичъ Рѣпинъ. Онъ написалъ удивительную по силѣ содержанія картину—Толстой-пахарь. Картина эта помимо ея техническихъ и художественныхъ достоинствъ является эмблемою единенія величайшаго русскаго генія съ народомъ, землей. Картина эта уже теперь получила огромное распространеніе въ многочисленныхъ копіяхъ, фотографіяхъ, открыткахъ и даже въ подражаніяхъ. Она составляетъ эпоху въ исторіи русской живописи.

Впослѣдствіи въ 90-хъ годахъ лучшіе русскіе скульпторы: Гинзбургъ, Аронсонъ и Трубецкой увѣковѣчили Л. Н-ча въ своихъ скульптурныхъ произведеніяхъ.

Бесѣдуя со многими своими посѣтителями о новомъ пониманіи христіанства и о тѣхъ перемѣнахъ въ отношеніяхъ людей другъ къ другу, которыя оно вызываетъ, Л. Н-чъ замѣчалъ, что его слова не становятся убѣдительны для его собесѣдниковъ, потому что они расходятся въ самыхъ основахъ пониманія жизни и другихъ руководящихъ принциповъ. Это заставило Л. Н-ча призадуматься надъ систематическимъ изложеніемъ своихъ философскихъ взглядовъ, что онъ и сдѣлалъ въ своей книгѣ «О жизни», появившейся въ концѣ 80-хъ годовъ.

Глава XIII.

Дальнѣйшая литературная и общественная дѣятельность Л. Н-ча.

Въ книгѣ «О жизни» Л. Н-чъ опредѣляетъ условія, при которыхъ начинается въ человѣкѣ рожденіе къ новой жизни. Человѣкъ, живущій сознательной жизнью, долженъ замѣтить, что, достигая своего личнаго счастья, онъ находится въ непрестанной борьбѣ со всѣми окружающими его и борющимися за то же личное счастье, отнимающими его другъ отъ друга, и эта борьба не даетъ ему спокойствія и отравляетъ ему его стремленіе къ благу. Кромѣ того, если человѣку и удается въ этой борьбѣ ухватить себѣ частицу блага, это благо скоро перестаетъ удовлетворять его, такъ какъ человѣкъ сознаетъ его иллюзіи, и чѣмъ чаще онъ испытываетъ удовлетвореніе отъ достиженія личнаго блага, тѣмъ сильнѣе сознается имъ и его призрачность, и это сознаніе не даетъ ему насладиться достигнутыми благами своей личности. Но, кромѣ того, какъ бы ни казалось прочнымъ и полнымъ достигнутое благо животной личности, сознательный человѣкъ не можетъ не видѣть впереди себя чудище смерти, готовое поглотить его всякую минуту и разрушить всѣ его мечты о наслажденіи достигнутымъ благомъ.

Исхода нѣтъ, и жизнь должна остановиться. Остатка ея, инерціи жизни, должно только хватить на то, чтобы прекратить это нелѣпое противорѣчіе жизни.

Есть только одно спасеніе—отказаться отъ блага животной личности, родиться къ новой жизни и принять за основу жизни любовь. Любовь не какъ предпочтеніе однихъ людей другимъ

въ угоду своей животной личности, а любовь, какъ предпочтеніе благу животной личности блага всѣхъ живущихъ, любовное служеніе имъ.

Любовь, какъ основа жизни человѣка, отказавшагося отъ блага животной личности, рожденнаго къ новой жизни, разрѣшаетъ всѣ три противорѣчія жизни. Любовь уничтожаетъ борьбу, замѣняя ее взаимной уступчивостью и братской помощью. Область дѣятельности любви безконечна, и на этомъ пути не можетъ быть иллюзіи, пресыщенія, такъ какъ благо находится внѣ нашей животной личности. Любовь не боится смерти, такъ какъ дѣло любви, служенія людямъ вѣчно и не можетъ быть остановлено выходомъ изъ рядовъ одного изъ ея служителей. Любовь по существу своему есть пріобщеніе человѣка къ вѣчности.

Все сказанное нами здѣсь Л. Н-чъ развиваетъ съ глубокимъ психологическимъ анализомъ, и доказывая призрачность пугала смерти, заключаетъ свою книгу такъ: «то, что нужно человѣку, то и дано ему—жизнь, не могущую быть смертью, и благо, не могущее быть зломъ».

Русская цензура того времени ухитрилась и эту книгу признать вредной, и первое изданіе ея было сожжено. Теперь она свободно продается въ многочисленныхъ перепечаткахъ, полныхъ и сокращенныхъ.

Около этого же времени Л. Н-чъ обращаетъ свои силы на борьбу съ людскими излишествами: куреньемъ, пьянствомъ, ѣденіемъ мяса и половою распущенностью. По всѣмъ этимъ вопросамъ Л. Н-чъ даетъ цѣлый рядъ статей. О куреніи и пьянствѣ онъ говоритъ въ статьѣ: «Для чего люди одурманиваются», написанной въ видѣ предисловія къ книгѣ доктора Алексѣева. Свои мысли о вегетарьянствѣ, т. е. о растительномъ или вѣрнѣе безубойномъ питаніи Л. Н-чъ изложилъ въ статьѣ «Первая ступень», написанной тоже какъ предисловіе къ книгѣ «Этика пищи», переведенной подъ его редакціей. Не ограничиваясь этими статьями, Л. Н-чъ пишетъ мелкія популярныя статьи по тѣмъ же предметамъ и даже облекаетъ эти мысли въ художественную форму. Онъ создаетъ общество трезвости подъ названіемъ: «согласіе противъ пьянства». Желавшіе вступить въ члены этого общества должны были подписать слѣдующую формулу:

«Сознавая страшное зло и грѣхъ пьянства, мы, нижеподписавшіеся, порѣшили, во-первыхъ, самимъ никогда ничего не пить пьянаго, ни водки, ни вина, ни пива; во-вторыхъ, не покупать и не угащивать ничѣмъ пьянымъ другихъ людей; въ-третьихъ,

по мѣрѣ силъ внушать другимъ и особенно молодымъ и дѣтямъ о вредѣ пьянства и преимуществахъ трезвой жизни и привлекать людей въ наше согласіе. Просимъ всѣхъ согласныхъ съ нами заводить себѣ такой же листъ, вписывать въ него новыхъ членовъ и сообщать намъ. Просимъ тѣхъ, которые почему-либо измѣнятъ своему согласію, сообщать намъ объ этомъ».

Листки эти стали быстро распространяться и покрываться подписями. Къ концу перваго года уже насчитывали болѣе тысячи членовъ. Нечего и говорить, что Л. Н-чъ самъ подавалъ этому примѣръ, пересталъ курить и ѣсть мясо, и вино совсѣмъ сошло съ его обѣденнаго стола.

Больше всего художественныхъ силъ Л. Н-чъ посвятилъ борьбѣ съ половою распущенностью. Вопросъ этотъ въ общей формѣ былъ имъ уже затронутъ въ драмѣ «Власть тьмы», гдѣ страшное преступленіе совершается не дурнымъ по природѣ человѣкомъ, но запутавшимся въ прелюбодѣяніи. Но съ особенною силой изобразилъ онъ ужасныя послѣдствія дурныхъ отношеній между мужчиной и женщиной въ своей повѣсти «Крейцерова соната».

Передъ читателемъ пробѣгаютъ три момента этихъ отношеній: порядокъ домостроя, т. е. полной подчиненности женщины мужчинѣ, отдававшей ее во власть чувственности мужчины и требовавшей съ ея стороны соблюденія чистоты. Затѣмъ, какъ реакція этого, либеральная половая распущенность, признавшая за женщиной такое же право на грѣхъ, какъ и за мужчиной. И наконецъ та свѣтски приличная, полупатріархальная, но въ сущности лицемѣрная семейная нравственность, которая практикуется большинствомъ супруговъ средняго круга и въ основѣ которой лежитъ все-таки не духовное единеніе между мужчиной и женщиной, а грубая чувственность, вогнанная въ рамки свѣтскихъ приличій. Чувственность эта начинаетъ проявляться уже съ юныхъ лѣтъ и отравляетъ чистоту отношеній мужчины къ женщинѣ. Отсюда всѣ припадки ревности, измѣны и часто драмы и трагедіи.

Спасеніе отъ этого одно—полное цѣломудріе, которое могущій вмѣстить да вмѣститъ, и максимумъ того, что можетъ себѣ позволить христіанинъ—это единобрачіе.

Внѣшняя художественная форма этой повѣсти въ видѣ діалога и разсказа отъ перваго лица ввела въ заблужденіе многихъ читателей, принявшихъ ее за автобіографическій разсказъ. Это совершенно невѣрно, такъ какъ семейная жизнь Толстыхъ не омрачалась ничѣмъ подобнымъ

Въ концѣ 1889 года Л. Н-чъ окончилъ свою комедію, которая сначала называлась «Исхитрилась», а потомъ получила названіе «Плоды просвѣщенія». Въ комедіи этой осмѣяна все та же праздность высшихъ классовъ нашего общества, та, якобы научная, важность, въ которую они облекаютъ свои никому ненужныя прихоти.

Послѣдняя отдѣлка этой піесы была произведена Л. Н-чемъ по просьбѣ дочери, пожелавшей поставить ее въ Ясной Полянѣ на домашнемъ спектаклѣ. Л. Н-чъ увлекся этой работой, участвовалъ на репетиціяхъ и давалъ актерамъ совѣты въ игрѣ. Но когда онъ оставался одинъ-на-одинъ съ собою, то его охватывала тоска отъ той праздности и роскоши, при которой совершалась эта постановка. Въ домѣ Л. Н-ча стоялъ дымъ коромысломъ отъ наплыва гостей, театра и всяческаго веселья собравшейся молодежи. А Левъ Николаевичъ писалъ въ эти дни въ своемъ дневникѣ: «Мнѣ стыдно, стыдно за эту затрату среди нищеты».

Художникъ Николай Николаевичъ Ге, все ближе и глубже проникавшійся идеями новаго пониманія христіанства, задумалъ и въ живописи воплотить эти идеи. Первая картина, въ которой онъ съ ясностью высказалъ свое міросозерцаніе, была «Что есть истина?» или «Христосъ и Пилатъ». На этой картинѣ, очень цѣнимой Л. Н-чемъ, была выражена та мысль, что слова Пилата: «Что есть истина» не есть вопросъ, обращенный ко Христу, а есть ироническое замѣчаніе Пилата, что объ Истинѣ, о которой упомянулъ Христосъ, не стоитъ и говорить. И дѣйствительно, если внимательно смотрѣть на картину, на упитанную, самодовольную фигуру римскаго патриція и на измождённую ночнымъ допросомъ и пыткой фигуру Христа, съ лихорадочно-блестящими глазами, полными глубокой мысли, становится ясно, что для Христа истина—все, а для Пилата—она ничто.

Такъ проходила жизнь Л. Н-ча среди новыхъ сложныхъ и радостныхъ отношеній, созидавшихъ новую жизнь. Но вотъ подкрались незамѣтно грозные голодные года и призвали Л. Н-ча къ особой практической дѣятельности.

Глава XV.

Голодные года. „Царство Божіе внутри васъ".

Лѣтомъ 1891 года половину Россіи постигъ полный неурожай яровыхъ и озимыхъ хлѣбовъ. И къ концу лѣта уже стали ходить тревожные слухи о предстоящемъ голодѣ.

И снова, какъ 18 лѣтъ тому назадъ, Л. Н-чъ сталъ во главѣ движенія помощи голодающимъ.

Осенью 1891 года Л. Н-чъ объѣзжалъ нѣкоторые уѣзды Тульской губерніи и съ безпокойствомъ смотрѣлъ на пустыя крестьянскія поля. Ему было ясно, что населеніе не въ состояніи будетъ прокормиться до новаго урожая безъ посторонней помощи. Врагъ всякихъ сложныхъ, искусственныхъ организацій, Л. Н-чъ рѣшилъ начать дѣло помощи личнымъ примѣромъ, безъ всякихъ плановъ на будущее.

Въ концѣ октября онъ съ двумя старшими дочерьми и племянницей и съ 500 р. денегъ поѣхалъ въ имѣніе своего друга Ив. Ив. Раевскаго, въ Данковскій уѣздъ Рязанской губ., на границѣ Епифановскаго уѣзда Тульской губ., и поселился тамъ съ цѣлью, какъ онъ писалъ намъ: «дѣлать тамъ, что Богъ велитъ—кормить, раздавать, если будетъ что». Мѣстность эта была одна изъ самыхъ голодныхъ, и вотъ черезъ недѣлю послѣ пріѣзда туда онъ писалъ: «всѣ заняты, и хорошо. Столовыя для самыхъ бѣдныхъ, у дѣвочекъ еще школа и желаніе и попытки помощи во всѣхъ родахъ. Я очень радъ за нихъ. Время очень интересное, положеніе напряженное и опасное».

Такъ началъ скромно работать Л. Н-чъ со своей семьей. Но, такъ какъ «не можетъ укрыться городъ, стоящій на верху горы», то и эта дѣятельность Л. Н-ча скоро стала извѣстна всѣмъ.

Кромѣ этой личной, такъ сказать, физической помощи, Л. Н-чъ написалъ статью: «О средствахъ помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая», въ которой, высказавъ свой критическій взглядъ на практикуемую правительствомъ помощь посредствомъ выдачи муки или зерна на бѣдныхъ, помощь, которую онъ считалъ недостигающей цѣли, Л. Н-чъ такъ опредѣляетъ задачи помощи: «Помощь населенію, пострадавшему отъ неурожая, можетъ имѣть двѣ цѣли: поддержаніе крестьянскаго хозяйства и избавленіе людей отъ опасностей заболѣванія и даже смерти отъ недостатка и даже недоброкачественности пищи».

И вотъ къ какимъ заключеніямъ приводитъ его изслѣдованіе о способахъ достиженія этихъ двухъ цѣлей.

«Для достиженія цѣли, если не поддержки крестьянскаго хозяйства, то хотя задержанія его разоренія, есть, по моему мнѣнію, только одно средство, это средство устройства работъ.

«Для достиженія же второй цѣли—спасенія людей отъ заболѣваній вслѣдствіе дурной пищи и недостатка ея—по моему мнѣнію, единственное несомнѣнное средство есть устройство въ

каждой деревнѣ даровой столовой, въ которой каждый человѣкъ могъ бы насытиться, если онъ голоденъ». Вотъ этими то двумя дѣлами занялся Л. Н-чъ. Слухъ объ этомъ вскорѣ распространился по всей Россіи и за предѣлами ея. Софья Андреевна Толстая, супруга Л. Н., напечатала въ газетахъ воззваніе о помощи голодающимъ съ указаніемъ на то, что Л. Н-чъ уже живетъ на мѣстѣ и работаетъ въ этомъ дѣлѣ. И вотъ стали поступать пожертвованія. Средства, находившіяся въ рукахъ Л. Н-ча, стали быстро расти, а вмѣстѣ съ ними естественно росла и усложнялась его организація. Къ концу 1891 года ужъ было 72 столовыхъ, открытыхъ Л. Н-чемъ или его помощниками и помощницами, которые также стали стекаться къ нему.

Въ апрѣльскомъ отчетѣ Л. Н-ча уже показано 187, а въ іюльскомъ 246 столовыхъ, а число кормящихся въ нихъ до 13 тысячъ человѣкъ. Кромѣ того, было устроено 124 такъ наз. дѣтскихъ пріютовъ, въ которыхъ кормилось до 3-хъ тысячъ маленькихъ дѣтей молочной кашей.

Кромѣ этой пищевой помощи, раздавались дрова, оказывалась помощь кормомъ скоту и лошадямъ, раздавался для работы ленъ и лыко; весной раздавались сѣмена на посѣвъ яровыхъ: овса, картофеля, конопли, проса. Покупались и раздавались лошади безлошаднымъ. Пекли и продавали по дешевой цѣнѣ печеный хлѣбъ и рожь зерномъ; кромѣ того, приходилось оказывать всякаго рода и мелкую, случайную помощь, какъ, напр., на постройку избы, на похороны, покупались и раздавались книжки и т. д.

И все это было въ районѣ 4-хъ уѣздовъ: 2-хъ—Рязанской губерніи, Данковскаго и Скопинскаго, и 2-хъ смежныхъ съ ними Тульской губерніи—Епифанскаго и Ефремовскаго, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого Л. Н-ча.

Но у него явилось много подражателей, и всѣ неурожайныя губерніи покрылись подобными организаціями.

Въ Самарской губерніи, въ Бузулукскомъ и Николаевскомъ уѣздахъ подобной организаціей завѣдовалъ сынъ Л. Н-ча Левъ Львовичъ, и часть пожертвованій, получаемыхъ Л. Н-чемъ, отсылалась туда.

Слѣдующая зима 1892/3 года была не менѣе тяжелая. И помощь голодающимъ продолжалась, хотя Л. Н-чъ не велъ ее непосредственно, и она была не такъ интенсивна.

Отчеты Л. Н-ча о его дѣятельности среди голодающихъ періодически помѣщались имъ въ газетахъ и представляли интересныя и поучительныя литературныя произведенія.

Несмотря на поглощеніе большей части времени этой организаторской дѣятельностью, Л. Н-чъ въ то же время работалъ надъ большимъ литературнымъ трудомъ. Въ этомъ трудѣ Л. Н-чъ съ новою силою, подобно тому, какъ десять лѣтъ назадъ во «Въ чемъ моя вѣра», излагая сущность своего пониманія христіанства, высказываетъ рѣзкій критическій взглядъ на современный языческій строй, указываетъ на тѣ безпощадныя противорѣчія, въ которыхъ живутъ люди, не признающіе ученія Христа, и, наконецъ, указываетъ средства, какими можно выйти изъ этихъ противорѣчій. Это свое сочиненіе Л. Н-чъ назвалъ: «Царство Божіе внутри васъ, или христіанство не какъ мистическое ученіе, а какъ новое жизнепониманіе».

Конечно, книга эта была запрещена цензурой и распространялась въ рукописныхъ, литографическихъ и гектографическихъ копіяхъ и въ заграничныхъ изданіяхъ. Вскорѣ она была переведена на всѣ языки. Такъ какъ въ этой книгѣ Л. Н-чъ касается современнаго государственнаго строя и относится къ нему весьма отрицательно, то именно эта книга и послужила первымъ поводомъ къ причисленію Л. Н-ча къ анархистамъ, что съ извѣстными оговорками должно признать справедливымъ... Но дѣло въ томъ, что анархизмъ Л. Н-ча, т. е. отрицаніе насильственнаго устройства и власти основано на томъ положеніи, что человѣкъ, духовно возродившійся, усвоившій себѣ христіанское ученіе, носитъ въ самомъ себѣ ненарушимый божественный законъ любви и правды, который уже не нуждается въ подкрѣпленіи человѣческими законами. И потому анархизмъ Л. Н-ча ведетъ не къ безпорядку и распущенности, а къ высшему нравственному порядку и къ праведной жизни.

За этой большой работой слѣдовало нѣсколько мелкихъ: «Христіанство и патріотизмъ», въ которой Л. Н-чъ освѣщалъ христіанскимъ свѣтомъ трагикомедію франко-русскаго союза. Затѣмъ статья «Недѣланіе», написанная по поводу рѣчи Золя, проповѣдывавшаго «трудъ», не давая смысла жизни и цѣли труда, и письма Дюма, въ которомъ онъ утверждаетъ о необходимости религіознаго сознанія идеала братства и любви между всѣми людьми. Въ этой статьѣ Л. Н-чъ указываетъ на то, что трудъ не можетъ быть цѣлью, что онъ есть только неизбѣжное условіе жизни. Если же человѣкъ не знаетъ истиннаго смысла жизни, не знаетъ, куда ему идти и что дѣлать, то ему лучше, находясь въ «недѣланіи», обдумать свою жизнь, отыскать смыслъ ея, и тогда всякій трудъ его будетъ производителенъ и святъ.

Затѣмъ Л. Н-чъ занимается переводами изъ Мопасана, Бернарденъ де-Сенъ Пьера, Амьеля, Мадзини и другихъ писателей для изданій Посредника. Наконецъ, въ 1895 году появляется новое художественное произведеніе Л. Н-ча, его разсказъ «Хозяинъ и работникъ», въ которомъ своеобразно, но по-христіански рѣшается вопросъ объ отношеніи хозяина къ работнику. Чтобы спасти, помочь работнику, хозяинъ долженъ пожертвовать своею жизнью; работникъ всю свою жизнь истрачиваетъ на хозяина, и потому равенство, высшая справедливость можетъ быть возстановлена только въ томъ случаѣ, если хозяинъ отдастъ свою жизнь за работника.

1895 годъ ознаменовался важнымъ историческимъ событіемъ, въ которомъ Л. Н-чу пришлось принять живое участіе. Въ этомъ году особенно ярко выразилось новое духоборческое движеніе на Кавказѣ.

Глава XVI.

Духоборцы. Свободное слово. Воскресеніе.

Въ ночь съ 28 на 29 іюня 1895 г. въ трехъ мѣстахъ Закавказья группы духоборцевъ, сложивъ въ кучи свое оружіе и обливъ керосиномъ, сожгла его при пѣніи духовныхъ псалмовъ. Когда намъ пришлось познакомиться ближе съ мотивами этого замѣчательнаго событія, мы были поражены той духовною и идейною близостью, которая открылась между нами и руководителями духоборческаго движенія. Эта близость ввела въ заблужденіе какъ администрацію, такъ и нѣкоторыхъ объективныхъ изслѣдователей, приписавшихъ все духоборческое движеніе прямому слѣдствію пропаганды между духоборцами толстовскихъ идей. На самомъ дѣлѣ это явленіе было гораздо сложнѣе. Ученіе духоборцевъ, существующее уже болѣе ста лѣтъ, всегда было въ главнѣйшихъ своихъ пунктахъ—въ отрицаніи всякаго насилія и убійства, а также внѣшней церковности—близко къ тому пониманію христіанства, которое было выражено Л. Н-чемъ. И положительная сторона ихъ ученія, любовная, братская, трудовая жизнь, конечно, также близка къ нравственнымъ идеаламъ Л. Н-ча. Вотъ почему знакомство духоборческихъ руководителей, хотя и очень слабое, съ сочиненіями Л. Н-ча обрадовало ихъ и заставило признать во Л. Н-чѣ большой духовный авторитетъ. Такимъ образомъ, дѣйствительно, Л. Н-чъ, по духовной близости своей къ духоборческому движенію и по силѣ своего генія, сталъ помимо воли своей до нѣкоторой степени руководителемъ этого

движенія. Сочувствуя истинно-христіанскимъ поступкамъ духоборцевъ, выразившимся въ смиренномъ, терпѣливомъ перенесеніи жестокихъ мученій, въ кроткихъ и твердыхъ отвѣтахъ своимъ мучителямъ, во взаимной помощи и поддержкѣ, Л. Н-чъ и самъ старался помогать имъ и оказывать нравственную и матеріальную поддержку: ходатайствовалъ за нихъ передъ сильными міра, направлялъ туда друзей, желавшихъ личною помощью служить имъ, когда они были въ тяжеломъ положеніи, разселенные по горнымъ ауламъ и разобщенные суровой административной ссылкой. Онъ пересылалъ имъ поступавшія на его имя пожертвованія и ободрялъ ихъ трогательными сердечными письмами. Когда положеніе духоборцевъ въ ссылкѣ стало критическимъ и потребовало экстренныхъ мѣръ помощи, нѣсколько друзей духоборцевъ обратились къ русскому обществу съ воззваніемъ о помощи имъ, чтобы насколько возможно парализовать жестокія мѣры администраціи; Л. Н-чъ присоединился къ этому воззванію, написавъ сильное и строгое послѣсловіе. Подписавшіе воззваніе и принимавшіе близкое участіе въ помощи духоборцамъ были вскорѣ частью сосланы въ прибалтійскія губерніи, частью высланы за границу, и тогда все руководство помощью сосредоточилось у Л. Н-ча. Наконецъ, удалось получить разрѣшеніе правительства на выселеніе духоборцевъ, отказавшихся отъ участія въ правительственномъ насиліи, за границу. Духоборцы стали собираться, но разоренные продолжительной ссылкой и всякаго рода преслѣдованіями, они не могли подняться, и тѣмъ, которые больше всего нуждались въ скорѣйшемъ выселеніи, не на что было нанять парохода, который бы могъ ихъ доставить въ Канаду, гдѣ уже было получено обѣщаніе на принятіе русскихъ переселенцевъ. Нужна была большая сумма денегъ. Собрать ее въ Россіи было чрезвычайно трудно, и на помощь имъ пришелъ Л. Н-чъ своимъ писательскимъ трудомъ. Онъ принялся за обработку давно начатой повѣсти и предложилъ ее крупному издателю Марксу съ тѣмъ, чтобы гонораръ, который можетъ заплатить издатель, пошелъ бы на помощь по переселенію духоборцевъ. На это пожертвованіе откликнулись англійскіе квакеры и другіе друзья духоборцевъ, необходимая сумма была собрана, и переселеніе благополучно состоялось. Такимъ образомъ, благодаря щедрой помощи Л. Н-ча духоборцамъ, весь образованный міръ получилъ еще большую духовную помощь въ видѣ романа Л. Н-ча «Воскресеніе».

Мы не станемъ здѣсь излагать содержанія этого столь извѣстнаго и столь памятнаго всѣмъ произведенія. Скажемъ только, что въ

Л. Н. Толстой въ своемъ кабинетѣ.

немъ исторія паденія и возрожденія души человѣческой доведена до послѣдней степени глубины и правдивости. Кромѣ того, черезъ весь романъ проходитъ критика государственныхъ, церковныхъ, общественныхъ учрежденій и частныхъ людскихъ отношеній. Эта критическая часть романа сдѣлала его недоступнымъ русской публикѣ въ полномъ видѣ. Но къ этому времени, также благодаря духоборческому движенію, высланнымъ изъ Россіи другомъ Л. Н-ча В. Г. Чертковымъ было основано издательство «Свободное слово» въ Англіи, которое въ теченіе 8 лѣтъ печатало первыя изданія всѣхъ сочиненій Л. Н-ча, написанныхъ имъ за это время. Тамъ вышло въ полномъ видѣ и «Воскресеніе», печатавшееся одновременно на всѣхъ европейскихъ языкахъ.

Связь Л. Н-ча съ духоборцами съ тѣхъ поръ не прерывалась, и до сихъ поръ они сообщаютъ ему регулярно свѣдѣнія о жизни ихъ многотысячной общины въ Канадѣ.

Духоборческое движеніе имѣло міровое значеніе. Участіе въ немъ Л. Н-ча, конечно, еще болѣе возвышало это значеніе. Свѣдѣнія о немъ печатались во всѣхъ культурныхъ странахъ, и примѣры христіанскаго самоотверженія стали вызывать подражаніе во Франціи, въ Англіи, въ Голландіи, въ Германіи, въ Швейцаріи; образовались болѣе или менѣе значительныя группы людей, задавшихся цѣлью примѣнять къ жизни дѣйствительное ученіе Іисусово. Во многихъ странахъ начались отказы отъ военной службы, вездѣ жестоко караемые, стали образовываться общины и земледѣльческія колоніи, появился рядъ спеціальныхъ органовъ печати, посвященныхъ разработкѣ религіозныхъ христіанскихъ вопросовъ. Усилилось вегетарьянское движеніе.

За это время, т. е. въ концѣ 90-хъ годовъ, Л. Н-чемъ былъ написанъ еще цѣлый рядъ статей. Укажемъ на главнѣйшія. Во-первыхъ, обширный трактатъ «Что такое искусство?», въ которомъ Л. Н-чъ, подвергая рѣзкой критикѣ современное искусство, даетъ основаніе новаго христіанскаго искусства, ставя для него требованія доступности народу, искренности и серьезности содержанія и, если возможно, высокой техники.

Онъ разрѣшаетъ напечатать въ изданіяхъ «Свободнаго слова» не вполнѣ законченное имъ сочиненіе: «Христіанское ученіе» и затѣмъ пишетъ цѣлый рядъ статей, затрагивающихъ современные вопросы и освѣщающихъ явленія русской и международной жизни.

Глава XVI.

Отлученіе. Болѣзнь. Война.

Въ это время вліяніе Л. Н-ча возросло до небывалыхъ размѣровъ. Лучшіе русскіе люди изъ общества и народа, въ которыхъ уже проснулось сознаніе полной неудовлетворенности современными формами жизни, прислушиваются къ его голосу и ищутъ его поддержки въ своихъ начинаніяхъ.

Но государственная церковь, встревоженная этимъ вліяніемъ, пробуетъ парализовать его вліяніе. 20 февраля 1901 года Синодъ издаетъ указъ, которымъ Л. Н-чъ, за его лжеученіе и нераскаянность, отлучается отъ православной церкви, лишается ея покровительства, молитвъ и церковнаго погребенія въ случаѣ смерти. Мѣра эта повлекла за собой самые неожиданные результаты.

Въ день объявленія указа объ отлученіи, 21 февраля, въ Москвѣ разыгрались крупныя волненія среди студентовъ, къ которымъ присоединились и рабочіе. Возбужденныя толпы ходили и собирались на главныхъ улицахъ и площадяхъ. Л. Н-чъ вышелъ днемъ на свою обычную прогулку и попалъ въ самую густую толпу на Лубянской площади. Какъ только его замѣтили, толпа окружила, его и ему посыпались всевозможныя привѣтствія. Льву Николаевичу едва удалось выбраться изъ толпы и уѣхать домой. А дома уже ждали депутаціи; привѣтствія продолжались весь день. Л. Н-чъ получалъ цвѣты, подарки, всякаго рода выраженія сочувствія, такъ что, по собственному выраженію Л. Н-ча, онъ чувствовалъ себя въ этотъ день именинникомъ.

И эти привѣтствія долго еще приходили со всѣхъ концовъ Россіи, пока вѣсть объ этомъ указѣ не дошла до самыхъ глухихъ уголковъ.

На это отлученіе Л. Н-чъ отвѣчалъ сжатымъ, но сильнымъ изложеніемъ своего христіанскаго міропониманія, въ которомъ выразилъ ту замѣчательную мысль, что онъ не только не желаетъ считать себя православнымъ, но опасается назвать себя христіаниномъ, чтобы эта послѣдняя перегородка не заслонила отъ него истину, которая ему дороже всего, и отъ этой истины никакая сила его отлучить не можетъ.

Вскорѣ послѣ этого Л. Н-чъ тяжко заболѣлъ. Временное улучшеніе его болѣзни заставило его семейныхъ задуматься о томъ, гдѣ Л. Н-чу съ его ослабленными силами провести предстоящую зиму. По совѣту докторовъ и съ его согласія выбрали Крымъ, куда онъ переѣхалъ со всей семьей въ сентябрѣ 1901 г.

и поселился въ Гаспрѣ, на дачѣ графини Паниной, любезно предложившей Л. Н-чу свой роскошный домъ.

По дорогѣ въ Крымъ, на мѣстахъ большихъ остановокъ, особенно въ Харьковѣ, Л. Н-ча встрѣчала толпа народа и восторженно привѣтствовала его.

Первое время поселенія въ Крыму, подъ вліяніемъ мягкаго и теплаго климата, Л. Н-чъ началъ быстро поправляться; но потомъ ему пришлось перенести двѣ тяжелыя болѣзни,—тифъ и ползучее воспаленіе въ легкихъ. За время этихъ болѣзней, страшно ослабившихъ его, Л. Н-чъ былъ нѣсколько времени между жизнью и смертью, и всѣ окружающіе его ждали съ часа на часъ его кончины. Но крѣпкій организмъ вынесъ и эти удары, и Л. Н-чъ снова ободрился и принялся за работу.

За этотъ періодъ болѣзней, пользуясь промежутками относительной бодрости, Л. Н-чъ пишетъ цѣлый рядъ статей: «Письмо къ царю и его помощникамъ», въ которомъ Л. Н-чъ, ярко выставляя настоящее бѣдственное положеніе русскаго народа, проектируетъ цѣлый рядъ освободительныхъ мѣръ, изъ которыхъ небольшая часть была осуществлена манифестомъ 17 октября. Затѣмъ онъ пишетъ рядъ обращеній къ людямъ разныхъ профессій: къ рабочимъ, къ духовенству, къ политическимъ дѣятелямъ, къ солдатамъ и офицерамъ, еще другое письмо къ царю, и во всѣхъ этихъ обращеніяхъ Л. Н-чъ старается указать истинный путь жизни по ученію Христа.

Продолжительная болѣзнь, давъ ему много часовъ досуга, посвященнаго размышленіямъ, приблизивъ его вплотную къ моменту перехода въ вѣчность, возвысила его этимъ самымъ на новую духовную высоту.

Вотъ что онъ писалъ намъ въ одномъ изъ писемъ того времени:

«Одно могу сказать, что моя болѣзнь мнѣ много помогла. Много дури соскочило, когда я всерьезъ поставилъ себя передъ лицомъ Бога или Всего, чего я часть измѣняющаяся. Многое я увидалъ въ себѣ дрянного, чего не видалъ прежде. И на много легче стало. Вообще надо говорить любимымъ людямъ: не желаю Вамъ быть здоровымъ, а желаю быть больнымъ».

Какъ всегда, парадоксальный языкъ Л. Н-ча ясно указываетъ на его тогдашнее настроеніе.

Осенью 1902 года Л. Н-чъ возвратился въ Ясную Поляну и здоровье его стало быстро возстановляться и къ нему явилась его прежняя бодрость.

Но вскорѣ его любящему сердцу пришлось раздѣлить всеобщее горе и нравственныя страданія, которыя доставила всѣмъ неозвѣ-

рѣвшимъ людямъ Русско-Японская война, и Л. Н-чъ, возмущенный ею до глубины души, пишетъ свое строгое «Опомнитесь».

Но жизнь идетъ по какимъ то своимъ невѣдомымъ законамъ, и мы отступаемъ передъ совершившимися событіями. Миновала Японская война, и то напряженіе физическихъ и нравственныхъ силъ, которое оно вызвало, стало искать себѣ выхода въ общественныхъ волненіяхъ.

Л. Н-чъ продолжаетъ работать на избранномъ имъ пути и, признавая, что для людей самое важное выясненіе смысла жизни, собираетъ и издаетъ сборникъ мыслей мудрыхъ людей. Въ этомъ сборникѣ въ первый разъ на русскомъ языкѣ объединились во всемірной мудрости мысли великихъ руководителей человѣчества: Христа, Сократа, Руссо, Паскаля, Будды, Лаодзе и многихъ другихъ.

А волна общественнаго и политическаго движенія подымалась все выше и становилась шире и захватывала въ свой водоворотъ все большія и большія массы людей.

Наконецъ, наступило роковое 9 января съ его кровавой гапоновской бойней, и вся Россія дрогнула отъ тѣхъ залповъ, которые раздались на улицахъ Петербурга.

Заволновались всѣ слои русскихъ людей, появились политическія партіи, забастовки, вооруженныя возстанія, экспропріаціи, аграрныя волненія и грабежи. За манифестомъ 17 октября слѣдовали погромы, за первой Думой—выборгское воззваніе и потомъ ссылки, тюрьмы, усмиренія, казни...

Трудно было разобраться во всемъ этомъ, и трудно было удержаться, чтобы не примкнуть къ которой-нибудь изъ многихъ борющихся партій. Но Л. Н-чъ устоялъ. Ему пришлось пережить и упреки и угрозы и униженія и справа и слѣва, отъ него временно какъ бы отшатнулись люди, увлеченные политикой, потому что онъ не могъ раздѣлять взгляды ни одной изъ политическихъ партій. Но онъ, чистый и твердый, какъ кристаллъ, писалъ всѣмъ враждующимъ людямъ любовно обличительныя слова, проповѣдуя единое средство спасенія—подчиненіе волѣ Отца жизни, поведеніе, основанное на разумѣ и любви.

Глава XVII.

Кругъ чтенія. Юбилей. Заключеніе.

Извѣстность Л. Н-ча растетъ съ каждымъ днемъ и охватываетъ уже весь цивилизованный міръ. Изъ Америки по телеграфу спрашиваютъ его мнѣнія о русскомъ политическомъ движеніи, завязываются сношенія съ Австраліей, Индіей, Японіей,

съ Китаемъ, съ магометанскимъ міромъ. И всѣ эти разнообразные народы, съ разными языками, обычаями и вѣрованіями, признаютъ въ немъ учителя человѣчества. И какъ бы отвѣчая на это всеобщее признаніе, Л. Н-чъ начинаетъ трудъ, который несомнѣнно дастъ основы всемірной религіи.

Онъ начинаетъ разрабатывать свой сборникъ мыслей мудрыхъ людей, и ужъ вмѣсто нѣсколькихъ афоризмовъ на каждый день, даетъ цѣлые систематическіе трактаты по всѣмъ основнымъ вопросамъ религіи, мудрости и нравственности и называетъ эту книгу: «Кругъ Чтенія». Серьезныя философскія мысли смѣняются у него художественными страницами «недѣльныхъ чтеній» и съ этою цѣлью онъ пишетъ вновь и кончаетъ прежде начатыя, цѣлый рядъ разсказовъ, какъ напр. «Божеское и человѣческое», Ягоды, Молитва, За что? Карней Васильевъ и т. д.

По выходѣ перваго изданія «Круга для чтенія» Л. Н-чъ снова берется за переработку его, за упрощеніе, выясненія и новую систематизацію мыслей мудрецовъ человѣчества, и этой работой онъ занятъ до сихъ поръ.

Попутно онъ пишетъ и печатаетъ цѣлый рядъ статей. Въ обширной статьѣ онъ развѣнчиваетъ Шекспира. Излагаетъ Евангельское ученіе для дѣтей, съ новою силою говоритъ «о единомъ налогѣ» и, наконецъ, сводитъ свои мысли въ новый трактатъ подъ названіемъ «Законъ насилія и законъ любви».

Тяжелымъ кошмаромъ въ послѣднее время легли на русскія души безконечныя смертныя казни. Не могъ стерпѣть этого ужаса и Левъ Николаевичъ. И его громкій возгласъ: «Не могу молчать» пронесся по всему міру.

Такъ дожилъ Л. Н-чъ до своего 80-лѣтія. Русское общество заранѣе готовилось праздновать столь дорогую для него 80-лѣтнюю годовщину жизни великаго старца. Но темныя силы и тутъ заволокли черной тучей этотъ свѣтлый день. Еще задолго до юбилея стали появляться статьи въ газетахъ извѣстнаго направленія о неумѣстности чествованія злого еретика. Невоздержанные пастыри церкви произносили ругательныя проповѣди, оскверняя свои храмы площадною бранью.

Администрація разослала циркуляры, запрещающіе чествовать Толстого, какъ учителя жизни. Разрѣшалось говорить о немъ только какъ о литераторѣ. И въ иныхъ мѣстахъ администраторы поняли этотъ циркуляръ такъ, что лучше въ этотъ день совсѣмъ не говорить о немъ, и дѣйствительно въ нѣкоторыхъ городахъ въ день юбилея, публично, не было произнесено о Толстомъ ни слова.

Но все-таки сдержать общаго чувства было нельзя. Въ этотъ день всѣ газеты русскія и много иностранныхъ были посвящены Л. Н-чу и заполнены статьями о немъ, воспоминаніями, портретами и рисунками, и въ Ясную Поляну стали стекаться поздравленія, приношенія и депутаціи. Однѣхъ телеграммъ было получено около 2000. По всей Россіи и за границей, гдѣ было можно, устраивались вечера, собранія, спектакли въ честь Л. Н-ча. Видно было, какимъ единодушіемъ была объята вся мыслящая Россія въ выраженіи своихъ чувствъ любимому старцу, уже много лѣтъ представляющему изъ себя совѣсть человѣчества.

Въ Петербургѣ образовался комитетъ по чествованію Л. Н-ча Толстого. Но, уступая желанію самого Л. Н-ча, желавшаго, чтобы этотъ день его юбилея прошелъ какъ можно скромнѣе, этотъ комитетъ прекратилъ свою дѣятельность, и на мѣсто его образовалось общество музея имени Л. Н-ча Толстого. Этимъ обществомъ, весной 1909 года, была организована интересная выставка всего, что было тогда извѣстно о Толстомъ. Были собраны его рукописи, письма, портреты, бюсты, иллюстраціи, открытки, карикатуры; всѣ его сочиненія отъ перваго до послѣдняго на русскомъ и всѣхъ европейскихъ языкахъ. Обширная литература о Толстомъ русская и иностранная и нѣсколько коллекцій фотографій Л. Н-ча. Такого количества фотографій несомнѣнно еще не было снято ни съ одного человѣка. Тогда же было положено основаніе музея имени Л. Н-ча, гдѣ многія изъ этихъ коллекцій всегда могли бы быть доступны для обозрѣнія.

Недавно Л. Н-чъ проѣзжалъ черезъ Москву. Утромъ въ газетахъ появилось извѣстіе, что Л. Н-чъ въ 1 часъ дня поѣдетъ съ Курскаго вокзала въ Ясную Поляну. Къ 12 часамъ дня у вокзала уже собралась многочисленная толпа, которая проводила дорогого и рѣдкаго гостя Москвы искренними криками восторга.

Духовный обликъ Л. Н-ча уже давно перешелъ въ вѣчность и умереть не можетъ. Но современное совершенство техники сумѣло навсегда запечатлѣть намъ и его внѣшній видъ, его движенія и его живыя, проникновенныя слова, такъ что Левъ Николаевичъ Толстой всегда будетъ жить съ нами. Намъ остается только употребить всѣ силы, чтобы стать достойными его великихъ завѣтовъ.

Кострома.
18 января 1910 г.

П. Бирюковъ.

О Л. Н. Толстомъ.

Н. И. Тимковскаго.

I.

Начало моего знакомства съ Л. Н. относится къ 80-мъ годамъ. Какими страшно далекими представляются мнѣ они! Сколько съ тѣхъ поръ пережили мы исканій, настроеній, разочарованій!.. Въ жизни русскаго общества это было, по истинѣ, глухонѣмое время: всѣ звуки какъ будто замерли, и пустыня оглашалась одними зловѣщими криками шакаловъ. Въ воздухѣ повисла какая то оторопѣлость, на лицахъ лежала печать унылаго недоумѣнія. Жизнь словно остановилась... Отовсюду пахло кладбищемъ.

Но живыя силы, намѣренно погруженныя властной рукой въ летаргію, продолжали бродить въ глубокихъ нѣдрахъ общества и народа, перегоряя безплодно въ душевномъ подпольѣ и судорожно порываясь наружу.

Однимъ изъ просвѣтовъ былъ въ то время домъ Толстого въ Хамовникахъ. Сюда и ринулась часть общества изъ мрачнаго склепа оцѣпенѣлой дѣйствительности.

Тогда ужъ дѣйствовала фирма Посредника, были выпущены въ милліонахъ экземпляровъ разсказы Л. Н.: «Чѣмъ люди живы», «Богъ правду видитъ»... и другіе. Тогда же Сытинъ, подъ вліяніемъ гр. Толстого, принялся за очистку своихъ Авгіевыхъ конюшенъ: передѣлывались «Милорды» и «Гуаки», издавались брошюры въ духѣ Л. Н. Толстого.

Къ этой работѣ были привлечены многіе, въ томъ числѣ и я. Съ тѣхъ поръ мои отношенія съ Л. Н. не прерывались до того времени, когда онъ окончательно переселился изъ Москвы въ Ясную Поляну.

Оглядываясь теперь на личность и дѣятельность Л. Н. за эти годы, я поражаюсь ея удивительной многогранностью. Не было, кажется, ни одной стороны жизни, ни одного вопроса, къ которымъ Л. Н. не приложилъ бы рукъ. Я не буду говорить о его

дѣятельности въ голодовку 1891—2 гг. и о той горячей поддержкѣ, какую онъ оказывалъ сектантамъ, въ частности — духоборамъ: все это слишкомъ извѣстно и памятно.

Остановлюсь здѣсь на менѣе замѣтныхъ проявленіяхъ его всесторонней отзывчивости.

Въ Москвѣ былъ въ то время кружокъ, поставившій себѣ задачей — знакомиться съ литературой для народа и снабжать сельскія школы безплатными библіотеками. Кружокъ этотъ вошелъ потомъ въ обветшалый комитетъ грамотности и содѣйствовалъ его возрожденію. Л. Н. участливо слѣдилъ за дѣятельностью кружка, поддерживалъ его своимъ сочувствіемъ, самъ читалъ книги, давалъ отзывы, выбиралъ, рекомендовалъ, что хорошо бы перевести, передѣлать, издать, и самъ порой хлопоталъ объ изданіи.

Съ самымъ трогательнымъ уваженіемъ относился онъ къ безкорыстнымъ общественнымъ работникамъ: «Какъ это хорошо, что они дѣлаютъ незамѣтно свое скромное дѣло, не гоняясь за популярностью! Вотъ такъ и надо жить и дѣйствовать».

Случалось, что онъ дѣятельно участвовалъ въ рѣшеніи спорныхъ вопросовъ. Когда брошюра Посредника: «Гоголь, какъ учитель жизни» возбудила среди интеллигенціи жаркіе дебаты, онъ горячо принялъ подъ свою защиту Гоголя, разыскалъ и передалъ мнѣ свою статью о «Перепискѣ Гоголя», не законченную потому, что Льву Н., по его собственнымъ словамъ, «не хотѣлось вступать въ полемику съ Бѣлинскимъ».

Много времени уходило у него и на возню съ самоучками, нахлынувшими къ нему во множествѣ, иногда очень издалека. Онъ именно «возился» съ ними: читалъ и перечитывалъ по нѣскольку разъ ихъ рукописи, пристраивалъ, училъ авторовъ, какъ надо писать, заботился объ ихъ образованіи. Несмотря на высказанное имъ скептическое отношеніе къ художественной литературѣ и поэзіи, онъ начиналъ просвѣщеніе самоучекъ съ нашихъ классическихъ авторовъ.

— Вотъ далъ ему для почина Пушкина,—говорилъ онъ мнѣ какъ то про одного крестьянина.—Потомъ дамъ ему еще кой-кого изъ нашихъ... Себя то я подожду давать.

Высоко цѣнилъ въ самоучкахъ (преимущественно изъ крестьянъ) то, что они «не сочиняютъ», а даютъ настоящую жизненную правду; но это не мѣшало ему жаловаться на нихъ: «Не хотятъ работать надъ своими произведеніями. Думаютъ: какъ написалось, такъ и ладно. А вѣдь надо безъ конца перерабатывать

и брать каждое слово съ бою»... И при этомъ любилъ приводить слова Рѣпина: «Талантливый человѣкъ никогда не кончаетъ»...

Вниманіе общества того времени было устремлено на моральные и особенно — на философскіе вопросы. Л. Н. тоже очень живо интересовался ими и штудировалъ цѣлыя горы книгъ. Покойный профессоръ Гротъ, ставшій близкимъ въ домѣ Толстого, нерѣдко велъ съ нимъ философскіе споры и удивлялся обстоятельности, съ какой Л. Н. изучилъ предметъ.

Работая надъ книгой объ искусствѣ, онъ перечиталъ цѣлую библіотеку, все передумалъ, провѣрилъ тщательно,—словомъ, поступилъ такъ, какъ поступаетъ добросовѣстный ученый, работая надъ диссертаціей. Корректуры онъ переправлялъ по семи и болѣе разъ—и все-таки оставался неудовлетвореннымъ, все хотѣлъ еще провѣрить, еще исправить, еще усовершенствовать...

Среди всевозможныхъ работъ и широкаго общенія съ людьми, Л. Н. успѣвалъ слѣдить за новостями литературы и науки, читалъ на нѣсколькихъ языкахъ и изумительно хорошо понималъ прочитанное. Рядомъ съ этимъ, отъ его вниманія не ускользало ни одно общественное событіе или движеніе: комитетъ грамотности, научный съѣздъ, засѣданія психологическаго общества... даже балаганы на Дѣвичьемъ полѣ, для которыхъ ему все хотѣлось написать что-нибудь «путное»... «Этимъ положительно стоитъ заняться».

При изумительной разносторонности, Л. Н. за всякое дѣло брался не какъ баринъ-диллетантъ, а какъ настоящій труженикъ. Стремленіе дѣлать все, какъ слѣдуетъ, составляетъ, на мой взглядъ, его органическую потребность: и учиться, и работать и жить, *какъ слѣдуетъ!*

Эта необычайная многогранность и рѣдкая работоспособность, серьезное отношеніе ко всякому дѣлу, даже незначительному, проходитъ красной нитью по всей жизни и дѣятельности Л. Н. за тѣ годы, когда я часто видѣлъ и слышалъ его.

II.

Была еще черта, поражавшая меня въ Л. Н., да и не меня одного. Мнѣ приходилось нерѣдко слышать отъ лицъ, знакомыхъ съ нимъ, самые противорѣчивые отзывы. Одни, напримѣръ, находили, что Л. Н.—прежде всего аристократъ; другіе утверждали, что онъ любитъ поклоненіе и не выноситъ, чтобы при немъ кто-нибудь могъ «смѣть свое сужденіе имѣть»; третьи восторгались привѣтливостью и сердечностью Л. Н. Одни утверждали,

что у Толстого прямо волчьи глаза, другіе находили въ нихъ ангельскую кротость...

Скажу больше: у одного и того же лица получались отъ него впечатлѣнія, которыхъ, повидимому, невозможно примирить между собой. И самъ я иногда на протяженіи одного вечера видѣлъ передъ собой двухъ, трехъ и больше Львовъ Николаевичей, не имѣющихъ какъ будто другъ съ другомъ ничего общаго: то это—человѣкъ, съ которымъ нельзя разговаривать, а надо лишь сидѣть и трепетно внимать его проповѣдямъ, какъ Моисей внималъ гласу Божьему на Синаѣ; то это—великій человѣколюбецъ, глубоко и ласково смотрящій въ вашу душу; то—любознательный ученикъ, который жадно разспрашиваетъ обо всемъ и удивляетъ своей почти дѣтской впечатлительностью.

Иныя странности, рѣзкости, головокружительные парадоксы, которые ставили въ счетъ Л. Н., объяснялись его страшной впечатлительностью. Иногда какая-нибудь мелкая житейская подробность въ разсказѣ посѣтителя такъ поражала Л. Н., что онъ приходилъ въ непонятное для окружающихъ волненіе: вдругъ вспыхивалъ гнѣвомъ или готовъ былъ заплакать. Очевидно, онъ въ одно мгновеніе ока рисовалъ себѣ цѣлую потрясающую картину жизни, и она всецѣло захватывала его.

Мнѣ думается, что этою же впечатлительностью объяснялись нѣкоторыя крутыя перемѣны въ его взглядахъ: весьма возможно, что здѣсь играли роль впечатлѣнія, запавшія когда то глубоко въ душу Л. Н.

Для объясненія многихъ странностей и противорѣчій, приписываемыхъ ему, необходимо также принять во вниманіе, помимо сложной и, вмѣстѣ, стихійной натуры Льва Н., помимо страшнаго броженія, какое онъ переживалъ въ описываемые годы, еще и своеобразную обстановку, въ которой приходилось ему жить и работать.

Вспоминаю теперь домъ Толстого, и передо мной вырисовывается какой то невѣроятный калейдоскопъ. Самые разнообразные люди приходятъ, уходятъ, соединяются наверху у Л. Н. или внизу, въ столовой, въ гостиной въ чрезвычайно прихотливыя группы.

Тутъ—всѣ, начиная съ знатнаго иностранца, пріѣхавшаго въ щегольскомъ ландо, и кончая самоучкой-поэтомъ, который пришелъ пѣшкомъ за полтораста верстъ, чтобы показать Л. Н. свои «Пѣсни и думы».

Въ тѣ годы популярность Л. Н. росла съ каждымъ днемъ. Казалось, имъ полна была не только Москва, но и вся Россія. Паломники тянулись со всѣхъ концовъ въ Хамовническій переулокъ...

Всѣ обращаются къ нему, какъ къ оракулу. Городская учительница отдаетъ на рѣшеніе Л. Н. вопросъ: «выходить ли ей замужъ за простого мужика?», издатель покорнѣйше проситъ написать ему предисловіе къ книгѣ, гимназистъ приходитъ побесѣдовать о половой жизни и исповѣдываться передъ Л. Н., революціонеръ является поспорить о «непротивленіи»... Да всего не перечислишь!

Какъ сейчасъ вижу передъ собой его низенькую комнату на антресоляхъ, уставленную старинной кожаной мебелью... Такъ и рисуется классная комната, описанная въ «Дѣтствѣ и Отрочествѣ»...

Собрались посѣтители. Самъ Л. Н. сидитъ за столомъ среди комнаты, накинувъ пледъ, потому что изъ окна поддуваетъ. Загородившись отъ стоячей лампы ладонью, Л. Н. смотритъ изъподъ щитка своими проницательными глазами на собесѣдника, предводителя дворянства, пріѣхавшаго откуда то издалека. Рядомъ съ нимъ—студентъ, который, идя къ Гроту, надѣваетъ манишку и сюртукъ, а, отправляясь отъ него къ Толстому, считаетъ долгомъ переодѣться въ блузу и высокіе сапоги. Вдоль стѣнки размѣстились земскіе врачи изъ Сибири, одинъ московскій ученый, еще кто то, похожій съ виду на послушника, но отнюдь не послушникъ... Въ углу сидитъ пожилой купецъ изъ «раскаявшихся», цитирующій теперь Льва Николаевича, какъ прежде цитировалъ свящ. писаніе.

Входитъ старый знакомый Льва Н-ча, начинаются обычныя фразы о здоровьѣ и новостяхъ... «Ну, мы поиграли съ вами разговорнымъ мячикомъ,—говоритъ Л. Н.,—а теперь давайте о дѣлѣ»... И онъ тотчасъ же заговариваетъ о томъ, что его въ данный моментъ всего больше волнуетъ. Разговоръ мало-по-малу становится общимъ...

Врачи сообщаютъ о громадномъ впечатлѣніи, какое производятъ на народнаго читателя книжки Толстого: «Это громче всякихъ барабановъ, сильнѣе всякихъ пушекъ!» Бесѣда идетъ мирно, дружно... Но вотъ одинъ изъ врачей замѣчаетъ: «Только зачѣмъ вы, Левъ Николаевичъ, вывели ангела въ «Чѣмъ люди живы?» Безъ него еще лучше было бы... А то вѣдь это—мистицизмъ».—«Еслибы я могъ безъ помощи ангела выразить свою идею, я бы сдѣлалъ это,—возражаетъ благодушно Л. Н.,—но я не знаю, какъ это сдѣлать, не умѣю. Напишите мнѣ то же самое безъ ангела, и я приду къ вамъ учиться»... Но собесѣдникъ не унимается: онъ начинаетъ доказывать, что не слѣдуетъ поддерживать въ народѣ мистическихъ суевѣрій, что надо прививать

ему научное міросозерцаніе... Тутъ Л. Н. не выдерживаетъ: вскакиваетъ съ мѣста и, почти бѣгая по небольшой комнатѣ, начинаетъ громить и науку, и медицину, и врачей, не щадя сильныхъ выраженій... «Вы разрѣжете кусокъ мяса—и думаете, что познали и душу, и весь міръ. И страсть, какъ довольны собою: точно ребенокъ, разломавшій игрушку!» Теперь онъ — уже не философъ, глядящій на все съ высоты птичьяго полета, а неукротимый боецъ, готовый ринуться въ самую свалку.

Но являются новые посѣтители, все съ новыми и все съ неотложными дѣлами, и Л. Н. радушно проситъ всѣхъ внизъ въ столовую пить чай.

А тамъ тоже сидятъ люди, въ ожиданіи Л. Н., и готовятъ для него новыя дѣла, новые вопросы...

Помню вечера, когда домъ Толстого становился буквально какимъ то кинематографомъ: безпрестанно мелькали знакомыя и незнакомыя лица, смѣнялись посѣтители, дѣла, вопросы, разговоры... Въ глазахъ пестрѣло...

Л. Н. былъ положительно мученикомъ своей популярности... Даже въ Преображенской больницѣ среди сумасшедшихъ шли бесѣды о немъ, и на Льва Н. возлагались особенныя надежды.

Одинъ мой знакомый, кліентъ Преображенской больницы, страдавшій буйнымъ помѣшательствомъ, даже писалъ оттуда Толстому, прося его убѣдить врачей, что онъ—вовсе не помѣшанный, тогда какъ они то вотъ проявляютъ всѣ признаки умственнаго разстройства...

Другой мой знакомый, пьяница-босякъ, помню, говаривалъ въ свѣтлыя минуты: «Уже не знаю, право, что дѣлать? Или покончить съ презрѣннымъ существованіемъ, или сходить къ Льву Николаевичу? Послѣдняя надежда!..»

Въ виду такой популярности, не удивительно, что вокругъ Л. Н. создавалась порой неестественная атмосфера, въ которой онъ не могъ не испытывать неловкости, несмотря на весь свой умъ, тактъ и привычку быть среди людей.

Представьте, напримѣръ, такую картину. Гостиная полна народу...

Пріѣхалъ Фетъ, старый пріятель Л. Н. Онъ разсказываетъ легкомысленные анекдоты, напоминаетъ Толстому про общія старинныя проказы («какъ, бывало, шампанское то пили! Помните?») Л. Н. невольно морщится,—не изъ лицемѣрія, а потому что это идетъ совсѣмъ въ разрѣзъ его настроенію, глубоко-вдумчивому и сурово-серьезному.

Тутъ же—дама южнаго типа, появляющаяся всегда съ колоссальнымъ ридикюлемъ, набитымъ рукописями. Она читаетъ въ упоръ Л. Н. свою новую хвалебную статью о немъ, полную самыхъ необузданныхъ эпитетовъ въ честь Толстого. А раскаявшійся купецъ, сидя скромненько въ углу, гудитъ оттуда все время кстати и не кстати: «Главное дѣло — по-божески надо... чтобы, значитъ, все — по совѣсти, по правдѣ... Творить волю пославшаго».

Видно, что Л. Н. чувствуетъ себя не совсѣмъ ловко: ему жаль обидѣть и Фета, и восторженную даму, и этого добродѣтельнаго дятла, выстукивающаго свое однотонное: «твори волю пославшаго... твори волю»,—а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ощущаетъ во всемъ этомъ что то неладное, приторное.

Но вотъ дама кончила чтеніе и требуетъ отъ Л. Н. отзыва. Онъ смущенъ: въ статьѣ превозносятся любимыя идеи Толстого, но еще больше превознесенъ, захваленъ «до неприличія» онъ самъ. Это его коробитъ, но не хочется обидѣть дамы... Онъ обращается ко мнѣ, какъ «къ свѣжему» человѣку... Я говорю, что читатель почувствуетъ въ статьѣ пристрастіе автора къ Толстому, и это помѣшаетъ ему отнестись довѣрчиво къ самой статьѣ. Л. Н. облегченно переводитъ духъ:

— Вотъ, вотъ! Именно—пристрастіе! Въ самомъ дѣлѣ, это какъ то неловко... Это ужъ—лишнее...

Людей, толпившихся вокругъ Л. Н., было очень много. Тутъ были, во-первыхъ, старые знакомые Толстыхъ. Можетъ быть, иные изъ нихъ и сочувствовали новому ученію Л. Н., но въ глубинѣ души, думается мнѣ, оставались органически далекими отъ всей его внутренней ломки и религіозно-моральной революціи.

— «Ахъ, измучилъ меня этотъ старикъ!» признался мнѣ какъ то Л. Н., разсказывая про одного стариннаго знакомаго: «онъ говоритъ, о чемъ угодно, и всему поддакиваетъ... и все это—для того только, чтобы посидѣть мирно за самоваромъ. У меня отъ него голова разболѣлась». Другая категорія людей изъ свиты Л. Н. принадлежала къ числу любопытствующихъ, которые поставили себѣ цѣлью осматривать всѣ достопримѣчательности: въ Москвѣ—Толстого, въ Петербургѣ—Іоанна Кронштадтскаго. Пріѣдутъ—и стараются высосать поскорѣе изъ Льва Николаевича какое-нибудь новое изреченіе, чтобы потомъ передавать его во всѣ стороны. Не спорятъ, даже не разговариваютъ, а спѣшатъ согласиться и записать знаменательныя слова въ своей памяти. Этихъ интервьюеровъ, равнодушныхъ ко всему на свѣтѣ, кромѣ диковинокъ, Л. Н. очень

не долюбливалъ, но, не желая обижать, бывалъ терпѣливъ... впрочемъ, не всегда.

Нерѣдко возбуждали въ немъ досаду безчисленныя просьбы дать свою фотографическую карточку или автографъ:—«Ну, какъ не совѣстно жить такими пустяками?..»

Другой лагерь, и не малочисленный, составляли поклонники и послѣдователи, правовѣрные толстовцы, не употреблявшіе даже чаю, убогіе, безкровные, лишенные страстей и воображенія. Они то, на мой взглядъ, и вносили всего болѣе фальши въ атмосферу, окружавшую Толстого, хотя и силились быть простыми и искренними. Они тоже не спорили, а подхватывали мысль Л. Н., старательно развивали ее и утрировали.

Толстой благоволилъ къ нимъ не потому, что они на него молились, а потому, что были послѣдовательны до конца—вѣдь это встрѣчается въ жизни не часто. Иные изъ нихъ не блистали умомъ и воображеніемъ, но зато обладали недюжинной волей, не останавливались ни передъ лишеніями, трудами и жертвами, ни передъ самыми крайними выводами, благодаря которымъ многіе пріобрѣтаютъ репутацію свободныхъ мыслителей. Л. Н. всегда уважалъ послѣдовательность, цѣльность, согласіе между словомъ и дѣломъ.

И всякій скажетъ, что эти черты достойны самаго глубокаго уваженія: быть послѣдовательнымъ, доходить до конца—не такъ то легко и просто. Одинъ, напримѣръ, не только совѣтовалъ мнѣ питаться сухимъ толокномъ, но—что важнѣе всего,—и самъ питался. Другой, вѣрный принципу, что не должно посягать на чужой трудъ, таскалъ черезъ всю Москву на собственной спинѣ страшные мѣшки... Это—сила!

Но послѣдовательность, доходившая до подвижничества, не мѣшала имъ приносить съ собой въ домъ Толстого тотъ самый кладбищенскій духъ, отъ котораго изнывала вся Россія. Ярые враги Побѣдоносцева, они, сами того не замѣчая, клали въ основу жизни все ту же мертвечину.

Какъ и Л. Н., они проповѣдовали разумное сознаніе, самосовершенствованіе, носили, какъ и онъ, блузы, не ѣли мяса и вообще походили во многомъ на своего учителя, но то, что выросло у Л. Н. послѣ упорной внутренней борьбы и было окрашено кровью сердца, у нихъ нерѣдко оказывалось простой формулой, принятой на вѣру. И чѣмъ правовѣрнѣе былъ толстовецъ, тѣмъ мертвѣе была его вѣра, тѣмъ анемичнѣе—вся его личность и жизнь. Это—все равно, какъ еслибы человѣкъ учился быть религіознымъ по катехизису Филарета...

Помню, какъ отъ цѣлаго вечера, проведеннаго въ кругу толстовцевъ, у меня въ головѣ осталась одна только фраза, еще долго и назойливо звучавшая въ ушахъ: «Навозъ надо возить; Навозъ! Навозъ!»...

Непомѣрно суживая жизнь, эта толпа прямолинейныхъ, сильныхъ своей послѣдовательностью людей заставляла и Л. Н. суживаться. Когда я видѣлъ Толстого среди толстовцевъ, я не могъ отдѣлаться отъ мысли, что Л. Н. надѣлъ на себя какія то вериги или колодки. Правовѣрные отбрасывали на своего учителя мертвенный отблескъ, и онъ казался въ эти минуты суховатымъ, безжизненнымъ.

Въ такіе моменты душа человѣческая приносилась въ жертву отвлеченной схемѣ, живая индивидуальность стиралась, и на ея мѣстѣ начертывалась какая то сухопарая формула, иногда—схоластическая по духу и ничтожная по содержанію. И тогда представлялось, что вся «воля пославшаго» заключается въ двухъ заповѣдяхъ: «не кури» и «ѣшь сухое толокно»... И становилось холодно, скучно, досадно, точно тебя сослали въ монастырь для исправленія...

Но я живо помню, какъ Л. Н. въ этихъ случаяхъ, не выдержавъ, прорывался. Толстовцы никогда не прорывались, а Толстой прорывался... Среди безконечныхъ хитросплетеній о «разумномъ сознаніи» вдругъ попроситъ кого-нибудь сыграть ему изъ Шопена, или, наслушавшись кроткихъ рѣчей на тему о непротивленіи, разразится бранью противъ Побѣдоносцева, синода и предержащихъ властей. «Да вѣдь это же совершенный мерзавецъ!» вдругъ выдѣляется его голосъ.

Однажды, когда толстовцы рѣшали роковой вопросъ: «позволительно ли, съ точки зрѣнія разумнаго сознанія, пить чай, въ виду его возбуждающихъ свойствъ», Л. Н. въ разгаръ спора вдругъ обратился ко мнѣ: «А нѣтъ ли у васъ папиросы?»—и потомъ виновато прибавилъ: «Бросилъ курить... а все, знаете, тянетъ»...

III.

Подобнаго рода непослѣдовательность, противорѣчіе себѣ, рѣзкости и странности, удивлявшія многихъ, были, въ сущности, показателями того, что Л. Н.—не машина, движущаяся по пути самосовершенствованія, а живой человѣкъ, съ плотью, кровью, со страстями, способный горячо увлекаться.

Онъ всегда былъ неутомимымъ искателемъ истины, но по временамъ становился рабомъ собственнаго ученія, такимъ же дог-

матикомъ, какъ его правовѣрные послѣдователи, и тогда происходило оригинальное совмѣщеніе въ одномъ и томъ же лицѣ Толстого и толстовца.

Первый былъ вѣчно живымъ, подвижнымъ, вѣчно ищущимъ и, какъ мнѣ кажется, одинокимъ среди окружавшей толпы, непонятымъ въ своихъ глубочайшихъ переживаніяхъ; второй— только холодной тѣнью перваго, мертвымъ слѣпкомъ съ него. Толстовецъ былъ вѣчно неизмѣненъ, серьезенъ, равнодушенъ къ краскамъ жизни и одушевлялся лишь при разговорахъ о разумномъ сознаніи и разумномъ житіи. Толстой же, живой, настоящій Толстой, всегда органически тянулся къ живой жизни, къ страстной борьбѣ за нее.

Это толстовецъ, а не Толстой написалъ книгу «О жизни», такую костлявую, голую, мертворожденную, напоминающую древніе схоластическіе трактаты. И многое изъ его позднѣйшихъ произведеній носитъ на себѣ отпечатокъ не самого Толстого, а типичнаго толстовства.

И въ жизни—также.

Толстой, въ качествѣ толстовца, поворачивается иной разъ спиной къ интеллигенту, измученному нуждой, лишеніями и чисто интеллигентскими язвами, какъ было съ однимъ моимъ знакомымъ, душевную муку котораго Толстой принялъ за барскую избалованность... Въ качествѣ того же толстовца, онъ чуть не выгоняетъ отъ себя дѣвочекъ, кончившихъ городскую школу,— за то только, что имъ хочется поступить въ гимназію...

А какъ настоящій, неподдѣльный Толстой, Л. Н. убивается, силясь помочь людямъ, чѣмъ только можетъ: утѣшаетъ, ободряетъ, ищетъ для нихъ заработка, пристраиваетъ, хлопочетъ за политическихъ, пуская для этого въ ходъ свои связи, хотя это для него иногда очень тягостно. Даже когда ему самому нездоровилось, онъ, случалось, бѣгалъ навѣщать больныхъ, провожать ссыльныхъ, выручать кого-нибудь изъ бѣды.

Одинъ мой знакомый, честный и добрый человѣкъ, доведенный обстоятельствами до изступленія, сталъ убійцей... Л. Н., узнавъ отъ меня про условія, въ которыхъ все произошло, тотчасъ же вступился и написалъ предсѣдателю суда горячее, убѣдительное письмо, быть можетъ, избавившее невольнаго убійцу отъ каторги.

Таковъ былъ настоящій Л. Н., всегда выпиравшій изъ деревянныхъ рамокъ догматическаго толстовства.

Трудно встрѣтить болѣе честное отношеніе къ людямъ: чтобы выполнить данное обѣщаніе, Левъ Николаевичъ заброситъ дѣла,

Л. Н. Толстой за сохой.

(Съ картины Рѣпина).

не позволяетъ себѣ отдохнуть—и свято сдержитъ слово. Не находя времени днемъ, читаетъ по ночамъ рукописи начинающихъ авторовъ... Утомленный, задерганный, заставляетъ себя принимать посѣтителей, разъ у нихъ—неотложное дѣло.

Я хорошо понимаю чувство одного молодого человѣка, нервнаго, болѣзненнаго, самолюбиваго, мнительнаго. Шелъ къ Л. Н. съ трепетомъ: «Раздавитъ онъ меня своимъ величіемъ!» А вернувшись отъ него, радостно заявилъ:

— Знаете: это—первый человѣкъ, который ничѣмъ, ничѣмъ не обидѣлъ меня!

IV.

Мнѣ постоянно приходилось наблюдать въ личности Л. Н. черты указанной двойственности. Въ то время, какъ толстовецъ серьезничалъ по поводу самой невинной шутки, Л. Н. острилъ, каламбурилъ, представлялъ, какъ лаетъ мужицкая собака и какъ—господская, разсказывалъ анекдоты—больше изъ простонародной жизни.

Въ противоположность всегда строгому стилю тогдашнихъ фанатическихъ толстовцевъ, Л. Н. обожалъ добрый смѣхъ, восхищался юмористическими шедеврами Чехова, вспоминалъ его «Налима» и жалѣлъ, что въ литературѣ такъ мало неподдѣльнаго юмора и здороваго, наивнаго комизма.

Какъ и толстовцы, онъ относился къ стихамъ отрицательно: «Хорошо написано, только жаль, что—стихами. Это все равно, какъ еслибы человѣкъ, желая пойти куда-нибудь, предварительно связалъ себѣ ноги»... Но когда одинъ изъ его знакомыхъ попросилъ Л. Н. просмотрѣть стихотворенія Тютчева и высказать о нихъ свое мнѣніе, онъ основательно проштудировалъ книгу и испещрилъ ее своими замѣчаніями: «Тонко... глубоко... поэтично... чутье къ природѣ... просто и изящно»... и проч. въ этомъ родѣ, ясно указывающее на то, что Л. Н. наслаждался поэтомъ, прочувствовалъ Тютчева, быть можетъ, острѣе и полнѣе, чѣмъ любой профессіональный критикъ.

Толстовцы священнодѣйствовали даже тамъ, гдѣ надо было смѣяться, а Л. Н., уставъ отъ метафизики, показывалъ профессору Гроту, какъ дѣлать изъ бумаги пѣтушковъ...

Хотя Левъ Николаевичъ и тогда уже исповѣдывалъ страстно принципъ непротивленія, но никогда не казался мнѣ человѣкомъ смирившимся въ какомъ бы то ни было смыслѣ, чего не могу сказать о большинствѣ толстовцевъ, которыхъ я встрѣчалъ. Все въ немъ—глаза, манеры, способъ выраженія—говорило о томъ, что принципъ, заложенный въ него глубоко самой природой —

отнюдь не смиреніе и покорность, а борьба, страстная борьба до конца. О томъ же говорятъ и произведенія его, навлекшія на автора гнѣвъ сильныхъ. Многія страницы ихъ дышатъ вызовомъ, горечью, негодованіемъ, сарказмомъ, а иныя можно прямо сравнить съ ударами бича.

Да наконецъ, еслибы онъ дѣйствительно былъ такой «непротивленный», то врядъ ли нажилъ бы себѣ столько яростныхъ враговъ, возбудилъ противъ себя такую бурю ненависти и проклятій... вплоть до знаменитаго отлученія.

Въ томъ то и дѣло, что всѣ невольно чувствуютъ подъ налетомъ непротивленія натуру непримиримаго бойца, умѣющаго негодовать, бичевать и пробуждать въ другихъ воинствующій духъ! Каменная стѣна, давно ужъ стиснувшая русскую жизнь и душу кольцомъ, всегда была для Л. Н. ненавистна.

— Надо во что бы то ни стало разрушить эту стѣну,—твердилъ онъ съ страстнымъ убѣжденіемъ.—Каждый изъ насъ долженъ колупать эту стѣну хоть ногтемъ... Каждый долженъ хоть камешекъ вынуть изъ нея... Толкать, бить, пробуравливать, чтобы наконецъ изрѣшетить ее!.. Нельзя успокаиваться, примиряться, пассивно складывать руки... Давайте же всѣ «колупать стѣну!»

V.

— Что, Л. Н., очень васъ одолѣваютъ люди? — спросилъ я его однажды.

— Да, одолѣваютъ. Силъ становится все меньше, а дѣла все прибавляется...

Дѣйствительно, тяжело было видѣть, какъ его разрываютъ,— и съ тѣхъ поръ я сталъ бывать у него рѣже.

Помню, попалъ къ нему вскорѣ послѣ отлученія. Комната была завалена адресами и разными другими вещественными выраженіями сочувствія... На стѣнѣ висѣла мраморная доска, поднесенная Л. Н. какими то дамами. На доскѣ было вырѣзано привѣтствіе, текста котораго я не помню.

Самъ Л. Н. относился къ отлученію (по крайней мѣрѣ, въ тотъ моментъ) совершенно спокойно.—«Ну, что они этимъ доказали?»—добродушно спрашивалъ онъ и принимался разсказывать о разныхъ курьезахъ, связанныхъ съ отлученіемъ. Такъ, одна православная старушка, прочитавъ объ отлученіи Толстого отъ церкви, явилась къ нему по этому поводу съ просвиркой, желая такимъ способомъ хоть немножко уврачевать его рану.— «Скушайте ее, Левъ Николаевичъ, во славу Божію, на доброе

здоровье!»... А какой то нѣмецкій фабрикантъ, прослышавъ про скандалъ съ графомъ Толстымъ, немедленно прислалъ ему запросъ: «Не разрѣшитъ ли Левъ Николаевичъ поставить свою фамилію на сигарахъ его фабрики?»

Бывая все рѣже у Л. Н., я зато, по счастливой случайности, встрѣчался съ нимъ все чаще на улицѣ.

Хоть онъ и говорилъ, что «силъ становится все меньше», но это не мѣшало ему дѣлать ежедневно громадные концы по Москвѣ... А однажды я видѣлъ, какъ Л. Н. выскочилъ изъ Александровскаго сада и пустился догонять конку: онъ бѣжалъ съ юношеской рѣзвостью, догналъ и вспрыгнулъ на ходу.

Въ другой разъ я встрѣтилъ его въ Охотномъ ряду: онъ шелъ въ Мясницкую больницу навѣстить знакомаго. Дѣло было на Пасхѣ. Л. Н., по своему обыкновенію, тотчасъ же заговорилъ о томъ, что его особенно занимало въ ту минуту и о чемъ онъ, повидимому, только что думалъ.

— Представьте себѣ: вдругъ, точно по мановенію жезла, милліоны, десятки милліоновъ принимаются готовить куличи и пасхи. Чѣмъ это объяснить? Только тѣмъ, что они видятъ въ этомъ какую то истину. Иначе—какая сила могла бы заставить эти милліоны?.. Такъ и во всемъ: дайте имъ познать другую истину, настоящую,—и всѣ эти милліоны бросятъ свои куличи и будутъ такъ же усердно дѣлать другое, болѣе нужное и высокое. Вообразите, что сегодня всѣ убѣдились въ ненужности этихъ тротуаровъ, лавокъ, городовыхъ, мостовыхъ, домовъ и всего, что мы здѣсь видимъ:—тогда завтра же отъ всего этого не останется камня на камнѣ. И такъ непремѣнно будетъ.

Онъ долго говорилъ на эту тему съ ожесточеннымъ убѣжденіемъ, сильно стуча по камнямъ тротуара палкой; моментами казалось, что онъ производитъ какія то заклинанія и вотъ-вотъ вызоветъ на свѣтъ могучаго духа. Но вызывать было незачѣмъ: этотъ могучій духъ сидѣлъ въ немъ самомъ. Была ли у него страстная вѣра, или—еще болѣе страстное желаніе увѣровать?—рѣшить этого я не могъ, а чувствовалъ только въ немъ мощную силу проповѣдника, который говоритъ, какъ «власть имущій».

Въ одно изъ послѣднихъ свиданій на мой вопросъ, какъ онъ чувствуетъ себя, Л. Н. отвѣчалъ: — «Да вотъ приближаюсь къ смерти и не безъ удовольствія».

Онъ заговорилъ о молитвѣ: «Великая вещь — молитва! Необходимо время отъ времени утвердиться на какой-нибудь не-

подвижной точкѣ, внѣ всей этой измѣнчивой суеты, и устремить все свое вниманіе на вѣчное, абсолютное, неизмѣнно истинное. Это, мнѣ думается, должно быть коренной потребностью всякаго мыслящаго человѣка... Молитву ничѣмъ не замѣнишь»....

Потомъ снова вернулся къ вопросу о смерти вообще, и о своей—въ частности. Разсуждалъ о ней, какъ о новой, высшей формѣ жизни, и опять я не могъ рѣшить, вѣритъ ли онъ, или только жаждетъ повѣрить? Во всякомъ случаѣ, онъ говорилъ о своей смерти, въ близости которой былъ почему то увѣренъ, съ такимъ свѣтлымъ спокойствіемъ, что я отъ души позавидовалъ ему. Я, напротивъ, ощущалъ щемящую грусть, даже какую то жуть при мысли: «А вдругъ Толстой въ самомъ дѣлѣ умретъ?»

И когда онъ покинулъ свой домъ въ Хамовникахъ, мнѣ чудилось, что Москва опустѣла, что въ жизни вдругъ образовался какой то провалъ. Такъ грустно было проходить мимо пустыннаго дома!

И сейчасъ я невольно думаю о томъ же, какъ опустѣетъ жизнь, когда Толстой уйдетъ изъ нея! Будетъ такое чувство, словно душа отлетѣла отъ міра...

Дай Богъ, чтобы это случилось, какъ можно позже!

Н. Тимковскій.

Л. Н. Толстой и его современники.

Встрѣчаю въ Москвѣ князя N, стараго пріятеля Толстыхъ. Спрашиваю:

— Давно были въ Ясной Полянѣ?

— Третьяго дня оттуда.

— Ну, какъ Левъ Николаевичъ?

— Все *такой же*,— говоритъ князь съ налетомъ грусти въ голосѣ.

— Т. е.?

— Всегда у него *не-такъ*, какъ у другихъ. И никогда не знаешь, ни что онъ скажетъ по извѣстному поводу, ни какъ отнесется къ извѣстному явленію. Думаешь иногда, что вотъ-вотъ подошелъ къ нему вплотную и сейчасъ сольешся съ нимъ, какъ два ручья въ одной рѣкѣ. А онъ скажетъ какую-нибудь фразу—и чувствуешь, что онъ, въ сущности, за тридесять земель отъ тебя и говоритъ съ тобою, точно житель другой планеты.

И нотка грустнаго недоумѣнія продолжала звучать въ голосѣ князя.

Было ясно, что у князя произошелъ какой то большой принципіальный споръ со Львомъ Николаевичемъ, и они разошлись въ главныхъ пунктахъ.

И милый князь, богомольно преклонявшійся передъ геніемъ Толстого, искренно досадовалъ, какъ это Толстой могъ смѣть свое сужденіе имѣть и не соглашаться съ его мнѣніемъ.

Этотъ умственный пріемъ, это отношеніе къ Толстому, при кажущемся преклоненіи передъ нимъ, очень часто встрѣчается у насъ, какъ наслѣдіе деспотизма, повсюду еще разсѣяннаго въ нашей некультурной странѣ.

Толстой—міровой писатель. Толстой — геній, вознесшій званіе человѣка на неслыханную до него высоту.

И все-таки этого еще недостаточно. А надобно еще, чтобы онъ и думалъ по-нашему, и подходилъ къ жизни съ нашими золотниками и вершками въ рукахъ.

Не странная ли претензія въ отношеніи человѣка, который только потому и «вознесся главою непокорной» превыше всѣхъ наполеоновскихъ столповъ, что не сливался никогда ни съ какимъ теченіемъ, а плылъ только по своему собственному руслу, и былъ всегда только *самимъ собою?*

И зачѣмъ намъ, чтобы онъ шелъ рука объ руку съ нами, приспособляясь къ прокрустовымъ формамъ нашей жизни? Пусть онъ будетъ такимъ, какъ есть, и продолжаетъ идти не туда, гдѣ мы разставляемъ наши вѣхи, «а дорогою свободной», куда его влечетъ *свободный умъ.*

И нигдѣ, быть можетъ, такъ наглядно не чувствуется эта толстовская особенность: всегда *быть самимъ собою,* какъ въ его отношеніяхъ съ выдающимися людьми и въ перепискѣ съ ними.

И какой изумительный кругъ знакомства!

Гончаровъ, Григоровичъ, Тургеневъ, Некрасовъ, Островскій, Герценъ, Писемскій, Тютчевъ, Фетъ, Лѣсковъ, Г. Успенскій, Аксаковы, Кирѣевскій, Н. Михайловскій, Гаршинъ, Чеховъ, Горькій, Бредихинъ, К. Тимирязевъ, Мечниковъ, Б. Чичеринъ, В. Соловьевъ, Н. Страховъ, Кони, Маклаковъ, Танѣевъ, Чайковскій, Крамской, Н. Ге, Рѣпинъ, П. Трубецкой, Митрополитъ Антоній, свящ. Петровъ, актеръ Мартыновъ, П. Верегинъ, крестьянинъ Сютаевъ, Вильямъ Брайанъ, Ломброзо, Ванда Ландовска и проч., и проч.

Со всѣми ими Толстой дѣлился своими переживаніями и передаточно дѣйствовалъ черезъ нихъ на милліоны другихъ людей! И трудно перечислить, и невозможно опредѣлить всѣ тѣ пути, по которымъ текло и расплывалось по всему міру вліяніе Толстого.

И сколько уже создалось всякихъ легендъ вокругъ его имени!

— Правда ли, что изъ всѣхъ выдающихся дѣятелей Толстой дружилъ только съ однимъ Фетомъ, а Тургенева, въ сущности, терпѣть не могъ?

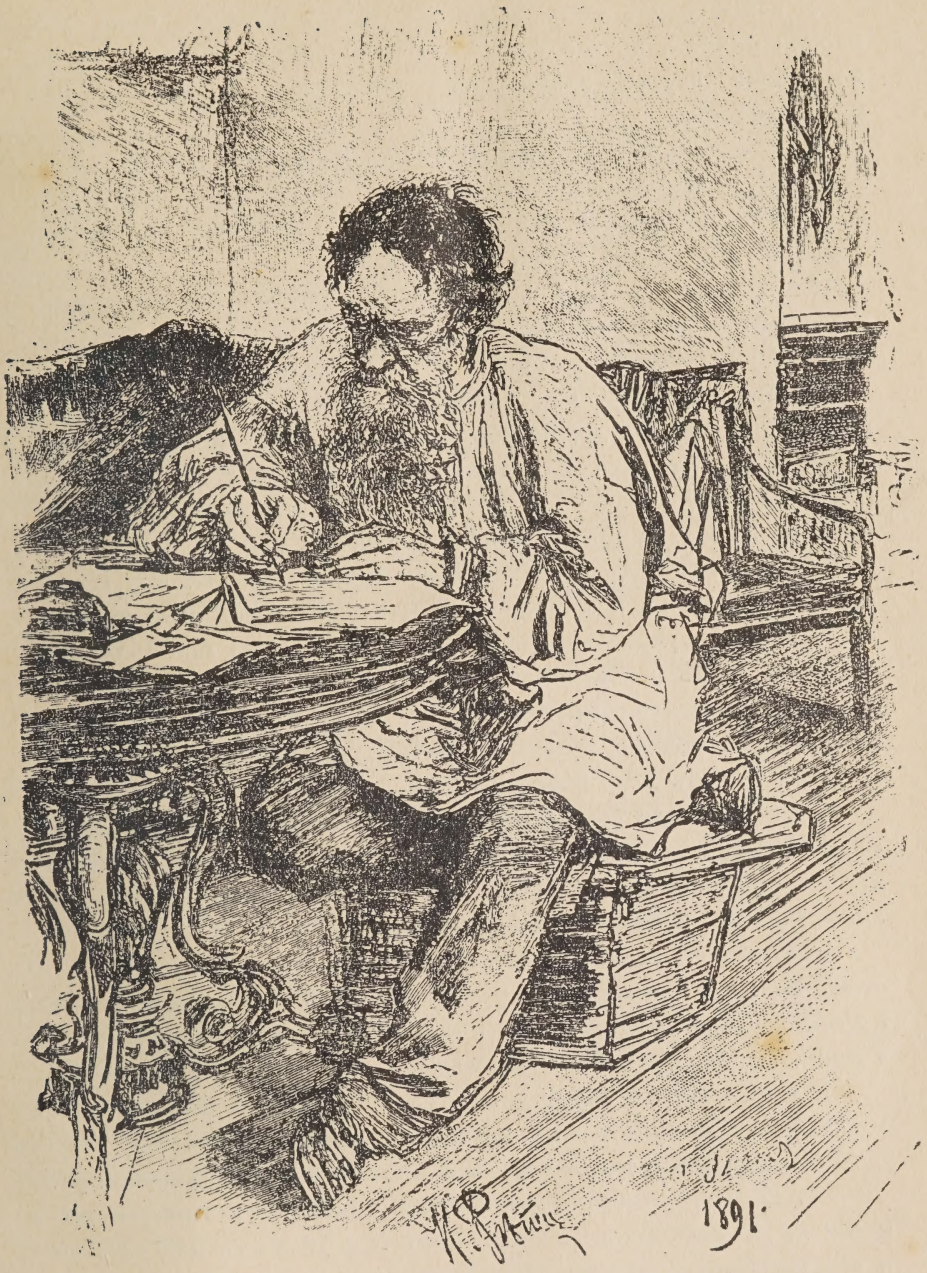
Правда, но именно та правда, о которой Гоголь сказалъ:

— «Бѣда, когда въ правдѣ да нѣтъ правды».

Посильному уясненію отношеній между Толстымъ и нѣкоторыми изъ его современниковъ и посвящается настоящій очеркъ. Сложился онъ изъ личныхъ впечатлѣній, изъ бесѣдъ со Львомъ Николаевичемъ, изъ писемъ и воспоминаній о немъ его современниковъ.

* * *

Въ тѣхъ кружкахъ, въ которыхъ протекла моя юность, три писателя пользовались особенной любовью, это — Тургеневъ, Толстой и Достоевскій.



Съ наброска И. Рѣпина (1891 г.).

У каждаго изъ нихъ, какъ это всегда бываетъ, были свои идопоклонники, но ни одного противника. И мое сознаніе росло, обвѣянное чарами этихъ трехъ чародѣевъ, и сплетало ихъ имена вмѣстѣ.

Достоевскій началъ жить и писать на 7 лѣтъ раньше Толстого. Но время размыло эту разницу. И полоса полнаго расцвѣта художественной дѣятельности какъ Достоевскаго, такъ и Толстого, проходитъ черезъ 60-е годы.

Достоевскій въ 1865 г. создалъ свое безсмертное произведеніе «Преступленіе и наказаніе». Толстой приблизительно въ этотъ же періодъ создаетъ русскую Иліаду—«Войну и миръ».

Такимъ образомъ, оба наиболѣе яркихъ русскихъ писателя могли сливаться въ дружескомъ единеніи, какъ вполнѣ равные. Тѣмъ болѣе, что ихъ и влекло другъ къ другу. Достоевскій, будучи еще въ Сибири, на каторгѣ, очень интересовался авторомъ «Дѣтства» и писалъ въ Петербургъ, чтобы его извѣстили, кто скрывается подъ таинственными иниціалами «Л. Н». Когда же вышла «Война и миръ», то Достоевскій буквально зачитывался этимъ изумительнымъ произведеніемъ и до такой степени находился подъ его вліяніемъ, что одно время серьезно носился съ мыслью написать въ pendant къ Толстовскому роману свой историческій романъ, который охватывалъ бы эпоху отъ Чаадаева до 60-хъ годовъ XIX вѣка.

У Достоевскаго было даже припасено и названіе для романа: «Житіе великаго грѣшника». Но впослѣдствіи онъ оставилъ эту мысль, ограничившись только концомъ «Великаго грѣшника», вылившагося въ «Братьяхъ Карамазовыхъ».

Но еще ярче выразилъ Достоевскій свое отношеніе къ Толстому въ 1877 г. въ разгаръ русско-турецкой войны, когда онъ предсказывалъ Россіи, какъ носительницѣ христіанскихъ завѣтовъ, великую вселенскую роль.

Однажды у него спросили:

— Какія данныя у васъ на такое утвержденіе?

Достоевскій, не задумавшись, сослался на «Анну Каренину».

— Западъ спроситъ насъ,—сказалъ онъ:—что великое вынесли вы изъ тайниковъ вашего духа? Мы укажемъ на Толстого и его послѣднее произведеніе. И этого будетъ достаточно.

Въ свою очередь и Л. Н. Толстой очень высоко цѣнилъ и до сихъ поръ высоко цѣнитъ геній Достоевскаго, называя его «художественнымъ произведеніемъ природы». Особенно высоко цѣнитъ Толстой «Преступленіе и наказаніе», преиму-

щественно первую часть романа, считая его перломъ въ міровой литературѣ.

Послѣ «Преступленія и наказанія» Толстой ставитъ «Записки изъ Мертваго дома», въ которыхъ усматриваетъ «столько содержанія, что его хватило бы на нѣсколько писателей».

Достойно вниманія, что Толстой считаетъ слабой стороной произведеній Достоевскаго именно то самое, отсутствіе чего отбиваетъ у него вкусъ къ представителямъ новой литературы, т. е. *содержательность*. У Достоевскаго, по мнѣнію Толстого, слишкомъ много содержанія, слишкомъ много всегда у него есть, что сказать читателю. Это обиліе матеріала зачастую и мѣшаетъ ему сосредоточиваться на фокусѣ объектива.

Составляя «Кругъ Чтенія» и перечитывая недавно Достоевскаго, Толстой не переставалъ восхищаться художественной силой и прозорливостью автора «Братьевъ Карамазовыхъ», а также и его личностью. Особенно умиляетъ всегда Толстого, что Достоевскій совершилъ путь на каторгу съ Библіей въ рукахъ и умеръ со словами Евангелія на устахъ.

И все-таки Достоевскій и Толстой не только не были дружны, но даже не были знакомы.

— Случая не было познакомиться,—сказалъ недавно Толстой по поводу Достоевскаго.

И дѣйствительно, какъ это ни странно, но въ теченіе десятковъ лѣтъ все, какъ нарочно, складывалось такъ, что Достоевскій и Толстой не могли познакомиться.

Въ періодъ толстовскихъ пріѣздовъ въ Петербургъ, т. е. въ 1855—6 гг., Достоевскій былъ на каторгѣ, и въ Петербургъ ему пришлось пріѣхать только въ 1860 г., когда Толстой, стряхнувъ петербургскій прахъ съ ногъ своихъ, и думать не хотѣлъ ни о Петербургѣ, ни о петербургскихъ литературныхъ кружкахъ. Затѣмъ для Достоевскаго началась длинная полоса неотразимыхъ заботъ о самомъ необходимомъ: онъ едва успѣвалъ написать романъ, деньги за который были давнымъ-давно прожиты, какъ обстоятельства принуждали продавать «на корню» другой литературный посѣвъ.

Такъ продолжалось до 70-хъ годовъ, когда Достоевскій нѣсколько оперился въ матеріальномъ отношеніи и могъ существовать безъ тревоги за завтрашній день. Но его всегда тянуло познакомиться съ Толстымъ, и однимъ изъ его завѣтныхъ мечтаній была поѣздка въ Ясную Поляну.

Жена Достоевскаго, А. Г. Достоевская, разсказывала пишущему это, что въ 1879 г. былъ случай, когда два величайшихъ русскихъ писателя могли, наконецъ, пожать другъ другу руки. Они были одновременно въ одномъ залѣ, въ Петербургѣ, на лекціи Вл. Соловьева. Но опять случай помѣшалъ знакомству.

Толстой, избѣгавшій въ Петербургѣ новыхъ знакомыхъ, просилъ Н. Н. Страхова, съ которымъ былъ на лекціи, чтобы тотъ не знакомилъ его ни съ кѣмъ. Разумѣется, этотъ запретъ не могъ относиться къ Достоевскому. Но Страховъ настолько поусердствовалъ въ этомъ отношеніи, что когда увидѣлъ Достоевскаго съ женою, то, опасаясь, что послѣдніе, узнавъ о присутствіи Толстого на лекціи, попросятъ ихъ познакомить, сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ Достоевскихъ, и вихремъ проносился мимо нихъ.

Узнавъ потомъ, что Толстой былъ на лекціи Соловьева, Достоевскій былъ очень огорченъ и говорилъ объ этомъ, какъ о большомъ несчастіи своей жизни.

Наступилъ 1880-й годъ съ памятными «Пушкинскими» днями. Собираясь въ Москву, Достоевскій еще въ Петербургѣ рѣшилъ, что на этотъ разъ онъ уже не пропуститъ случая познакомиться съ Толстымъ и поѣдетъ къ нему въ Ясную Поляну.

— А то и умрешь, не повидавъ Толстого, — говорилъ онъ передъ поѣздкой въ Москву.

Но тутъ опять роковой случай смѣшалъ планы Достоевскаго. Дѣло въ томъ, что Тургеневъ, ѣздившій въ Ясную Поляну, чтобы лично пригласить Льва Николаевича на Пушкинскій праздникъ, вернулся изъ Ясной Поляны въ особенно критическомъ настроеніи и съ присущей ему наклонностью къ красному словцу изобразилъ яснополянскую атмосферу въ такихъ краскахъ, что Достоевскій отложилъ свою поѣздку до другого раза. Но другого раза не вышло. Черезъ полгода съ небольшимъ послѣ Пушкинскихъ дней Достоевскаго уже не было въ живыхъ.

Узнавъ недавно о несостоявшейся поѣздкѣ Достоевскаго въ Ясную Поляну, Л. Н. Толстой выразилъ глубокое сожалѣніе

И какъ не сожалѣть?

* * *

Тургеневъ былъ тоже старше Толстого и раньше его выступилъ въ литературѣ (1843 г.). Но между Тургеневымъ и Толстымъ существовали иныя отношенія.

Познакомились они въ 1855 г. осенью, когда Толстой пріѣхалъ изъ Севастополя въ Петербургъ и въ первый же день своего пріѣзда, по внутреннему влеченію, посѣтилъ Тургенева. Авторъ «Записокъ Охотника» уже пользовался тогда широкой извѣстностью, какъ писатель и какъ одинъ изъ самыхъ передовыхъ и просвѣщенныхъ дѣятелей въ Россіи.

Тургеневымъ были уже написаны его дивные очерки изъ охотничьей жизни и піесы «Нахлѣбникъ», «Мѣсяцъ въ деревнѣ», «Завтракъ у предводителя» и др. Толстой же только входилъ въ славу и въ литературномъ мірѣ еще не былъ лично никому извѣстенъ.

Существуетъ мнѣніе, что Толстой никогда не находился подъ литературнымъ вліяніемъ Тургенева. Это не вѣрно и лучше всего опровергается собственноручнымъ письмомъ Л. Н. Толстого.

Посылая въ 1855 г. для «Современника» «Рубку лѣса» и еще не будучи знакомъ съ Тургеневымъ, Л. Н. Толстой писалъ Некрасову:

«Ежели Тургеневъ въ Петербургѣ, то спросите у него разрѣшенія на статьѣ *Разсказъ Юнкера* надписать: *посвящается И. Тургеневу*. Эта мысль пришла мнѣ потому, что, когда я перечелъ статью, я нашелъ въ ней много невольнаго подражанія его разсказамъ».

Такимъ образомъ первое посѣщеніе Л. Толстымъ Тургенева было какъ бы сознательной данью должника.

Не взирая на разницу лѣтъ (Тургеневу было тогда подъ 40, а Л. Толстому 28 лѣтъ), писатели быстро сошлись, и Толстой въ тотъ же день переѣхалъ на квартиру къ Тургеневу. Столь быстрая дружба не должна однако удивлять: Тургеневъ и Л. Толстой еще до встрѣчи своей знали многое другъ о другѣ и очень интересовались одинъ другимъ.

Недалеко отъ Спасскаго, гдѣ Тургеневъ проводилъ почти всякое лѣто, проживала сестра Льва Николаевича, графиня Марья Николаевна со своимъ мужемъ, гр. В. Н. Толстымъ. Тургеневъ былъ хорошо знакомъ съ ними и бывалъ у нихъ въ с. Покровскомъ довольно часто.

Но еще и до этого, до знакомства съ Марьей Николаевной, Тургеневъ горячо интересовался авторомъ «Дѣтства» и писалъ о немъ Некрасову.

Спасское 28 октября 1852 г.

...Ты уже изъ второго моего письма можешь видѣть, какое впечатлѣніе произвело на меня «Дѣтство». Ты правъ, это талантъ надежный. Въ одномъ упоминовеніи женщины подъ названіемъ da belle flamande, которая появляется къ концу повѣ-

сти—цѣлая драма. Пиши къ нему и понукай его писать. Скажи ему, если это можетъ его интересовать, что я его привѣтствую, кланяюсь и рукоплещу ему.

Спасское, 29 октября 1854 г.

Познакомился я съ Толстыми. Жена графа Толстого, моего сосѣда, сестра автора «Отрочество»—премилая женщина—умна, добра и очень привлекательна. Я узналъ много подробностей о ея братѣ. Онъ служитъ теперь въ 12-й батарейной батареѣ и находится, вѣроятно, въ Кишиневѣ. Видѣлъ его портретъ. Некрасивое, но умное и замѣчательное лицо.

Въ письмѣ къ Колбасину (1854 г.) Тургеневъ дѣлаетъ слѣдующее знаменательное предсказаніе:

«Очень радъ успѣху «Отрочества». Дай только Богъ Толстому пожить, а онъ, я твердо надѣюсь, еще удивитъ насъ всѣхъ. Это талантъ первостепенный... Когда это молодое вино перебродитъ, изъ него выйдетъ напитокъ, достойный боговъ».

Такимъ образомъ мосты между Тургеневымъ и Толстымъ были подготовлены заранѣе и изъ довольно надежнаго матеріала.

Тургеневъ молодо и радостно отдался своей любвеобильной натурѣ и охотно превратился какъ бы въ толстовскаго дядьку и ментора. Но Толстой по существу своего характера *не могъ быть* ничьимъ Телемакомъ и ходить ни на чьихъ возжахъ, даже въ мелочахъ. Этотъ то «форсъ» самолюбиваго графа и далъ, вѣроятно, первую трещину, которая впослѣдствіи только распиралась жизнью и которую тщетно оба писателя пытались замазать, засыпать и заровнять.

Но сначала у нихъ были дивныя отношенія. И молодой графъ, дѣйствительно, производилъ, когда того хотѣлъ, обаятельное впечатлѣніе, не взирая на бросающееся въ глаза усиленное стремленіе къ комильфотности. Онъ заботливо слѣдилъ за своей наружностью и всячески старался взять отъ жизни все, что было въ ней наивкуснѣйшаго. И въ короткое время молодой писатель сдѣлался непремѣннымъ членомъ всѣхъ артистическихъ собраній, обѣдовъ и вечеринокъ. Гдѣ только заводились въ Петербургѣ музы, тамъ уже виднѣлась на почетномъ мѣстѣ и статная фигура графа Л. Н. Толстого. Онъ фигурируетъ, какъ чтецъ, на литературномъ вечерѣ у тогдашняго министра народнаго просвѣщенія князя Вяземскаго; онъ участвуетъ въ адресѣ отъ петербургскихъ литераторовъ московскому артисту М. Щепкину по случаю 50-лѣтія его служенія искусству; онъ красуется на фотографической группѣ тогдашнихъ знаменитостей, но всего

усерднѣе онъ посѣщаетъ различныя вечеринки съ загородными поѣздками, картами и цыганками.

Словомъ, казалось, что Толстой не только завертѣлся въ колесѣ петербургской праздности, но и самъ превратился въ одну изъ спицъ этого колеса.

Но внутренній «бумерангъ», достигшій въ Толстомъ извѣстной точки, скоро повернулъ обратно. Прежде всего Толстой почувствовалъ оскомину къ петербургскому Парнасу, и постепенно въ его отношеніяхъ къ кружку «Современника» начало пробиваться пламя оппозиціи. Петербургскій литературный міръ съ его буржуазной жизнью, вздутыми самолюбіями и односторонними редакціонными интересами, скоро пріѣлся молодому писателю. Онъ сталъ охотнѣе посѣщать всякія частныя собранія, гдѣ могъ непосредственно отдаваться призывамъ своей непосредственной натуры. И когда ему уже нельзя было, не нарушая приличій, избѣгнуть какой-нибудь чаши въ кружкѣ литераторовъ, онъ дѣлалъ гримасу и говаривалъ съ особеннымъ выраженіемъ:

— Опять въ литера-туррр-ный кружокъ!

Скоро начала давать замѣтныя трещины и скороспѣлая дружба съ Тургеневымъ.

Фетъ, пріѣхавшій въ Петербургъ вскорѣ послѣ Л. Толстого, засталъ уже какъ бы листопадъ дружбы. Придя утромъ къ Тургеневу, онъ увидѣлъ въ передней полу-саблю съ анненской лентой.

— Что это за сабля?—спросилъ онъ у слуги.

— Это графа Толстого, они у насъ въ гостиной ночуютъ,— отвѣтилъ слуга.

Имя графа Толстого было тогда для Фета пустымъ звукомъ. Но Тургеневъ сейчасъ же заговорилъ съ гостемъ о Л. Н. Толстомъ и, указывая глазами на дверь, сказалъ, понизивъ голосъ:

— Вотъ такъ все время: вернулся изъ Севастополя съ батареи, остановился у меня и пустился во всѣ тяжкія. Кутежи, цыгане и карты во всю ночь, а затѣмъ до двухъ часовъ спитъ, какъ убитый. Старался удерживать его, но теперь махнулъ рукой.

Ясно, что медовый мѣсяцъ дружбы между Тургеневымъ и Толстымъ былъ на исходѣ.

Тургеневъ признается Фету, что дѣлалъ попытки образумить Л. Толстого и «махнулъ рукой». Значитъ, уже произошла какая то сцена, въ которой Л. Толстой велъ себя такъ, что Тургеневъ почелъ за лучшее «*махнуть рукой*».

Но это было легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Что то болѣе властное мѣшало Тургеневу и ближе сойтись съ Л. Толстымъ и отойти отъ него. Между ними постоянно что то вспыхивало и съ особенною силой, когда они бывали на людяхъ. Особенно часто возникали споры на квартирѣ Некрасова, гдѣ собирались главные участники «Современника».

Спорили тутъ обо всемъ: о Западѣ, о Россіи, о поэзіи, о правдѣ, о принципахъ и убѣжденіяхъ.

— Я не могу признать, — говорилъ Толстой Тургеневу: — чтобы высказанное вами было вашими убѣжденіями. Я стою съ кинжаломъ или саблею въ дверяхъ и говорю: «пока я живъ, никто сюда не войдетъ». Вотъ это убѣжденіе. А вы другъ отъ друга стараетесь скрывать сущность вашихъ мыслей и называете это убѣжденіемъ.

Тургенева взрывали непріятный тонъ Л. Толстого и задѣвающій смыслъ сказаннаго.

— Зачѣмъ же вы къ намъ ходите? — задыхаясь, голосомъ, переходящимъ въ фальцетъ, вскрикивалъ онъ.—Здѣсь не ваше знамя. Ступайте къ княгинѣ Бѣлозерской-Бѣлосельской.

— Зачѣмъ мнѣ спрашивать у васъ, куда мнѣ ходить? А праздные разговоры ни отъ какихъ моихъ приходовъ не превратятся въ убѣжденія,—отвѣтилъ холодно Толстой.

Вспоминая впослѣдствіи этотъ періодъ своей жизни въ Петербургѣ, Л. Н. не находилъ достаточно мрачныхъ красокъ. «Двадцати девяти лѣтъ,—писалъ онъ,—я пріѣхалъ послѣ войны въ Петербургъ и сошелся съ писателями. Меня приняли, какъ своего, льстили мнѣ. И я не успѣлъ оглянуться, какъ сословные писательскіе взгляды на жизнь тѣхъ людей, съ которыми я сошелся, усвоились мною и уже совершенно изгладили во мнѣ всѣ мои прежнія попытки сдѣлаться лучше. Взгляды эти подъ распущенность моей жизни подставили теорію, которая ее оправдывала. Я считался чудеснымъ художникомъ и поэтомъ, и потому мнѣ очень естественно было усвоить эту теорію.

«Вѣра эта въ значеніе поэзіи и въ развитіе жизни была вѣра, и я былъ однимъ изъ жрецовъ ея. Быть жрецомъ ея было очень пріятно и выгодно. И я довольно долго жилъ въ этой вѣрѣ, не сомнѣваясь въ ея истинности... Но затѣмъ я убѣдился, что почти всѣ жрецы этой вѣры, писатели, были люди безнравственные и, въ большинствѣ, люди плохіе, ничтожные по характерамъ — много ниже тѣхъ людей, которыхъ я встрѣчалъ въ моей прежней разгульной и военной жизни. Люди

эти мнѣ опротивѣли, и самъ себѣ я опротивѣлъ, и я понялъ, что вѣра эта—обманъ.

«Теперь, вспоминая объ этомъ времени, о своемъ настроеніи тогда и настроеніи тѣхъ людей, мнѣ и жалко, и страшно, и смѣшно: возникаетъ именно то чувство, которое испытываешь въ домѣ сумасшедшихъ».

Этотъ безпощадный приговоръ петербургскому періоду и кружку «Современника» произнесъ Л. Н. въ 1879-мъ году, т. е. почти черезъ четверть вѣка. Правда, произнесенъ онъ въ дни покаянія, когда душа, захваченная религіознымъ стремленіемъ, способна въ своемъ рвеніи взваливать на себя всякое бремя, лишь бы оно было потяжелѣе. Но горечь, которой проникнуты всѣ эти строки, все таки даетъ многозначительный намекъ на отношенія между Тургеневымъ и Толстымъ.

Словомъ, быстро расцвѣтшая дружба между Тургеневымъ и Толстымъ къ веснѣ 1856 г. растаяла вмѣстѣ со снѣгомъ. И писатели разстались безъ всякаго усилія, а скорѣе «съ досадой тайною обманутыхъ надеждъ».

Но Толстой, всегда чутко реагировавшій на всякій внутренній дефектъ, скоро почувствовалъ какъ бы угрызеніе совѣсти. Къ этому присоединилось еще и нездоровье Толстого, что всегда благотворно вліяло на него, просвѣтляя и облагораживая его сознаніе.

«Удивительно и радостно мнѣ,—писалъ онъ однажды:—что я очень полюбилъ болѣзнь—то состояніе, которое разрушаетъ эту форму, приготавливаетъ къ вступленію въ новую; прямо жалко выздоравливать».

И, съ присущей ему рѣшимостью въ добрыхъ намѣреніяхъ, онъ написалъ Тургеневу письмо, въ которомъ старался съ полной искренностью и по возможности въ корректной формѣ освѣтить ихъ отношенія. Между прочимъ, онъ ставилъ основаніемъ дружескихъ отношеній искренность, на отсутствіе которой между ними и указывалъ въ своемъ письмѣ.

Нѣкоторыя выраженія Толстого, видимо, задѣли Тургенева. Но онъ, стараясь подавить раздраженіе, сейчасъ же отвѣтилъ Л. Н.:

«Любезный Толстой, я подумалъ хорошенько о томъ, что вы мнѣ пишете, и мнѣ кажется, что вы не правы. Я точно не могу быть совершенно искрененъ съ вами, потому что не могу быть совершенно откровененъ: мнѣ кажется, мы познакомились неловко и въ неладную минуту—когда мы увидимся опять, дѣло пойдетъ гораздо глаже и легче. Я чувствую, что люблю васъ, какъ человѣка (объ авторѣ и говорить нечего); но многое меня

въ васъ коробитъ; и я нашелъ подъ конецъ удобнѣе держаться отъ васъ подальше. При свиданіи попытаемся опять пойти рука объ руку—авось, удастся лучше; а въ отдаленіи (хотя это звучитъ довольно странно) сердце мое къ вамъ лежитъ, какъ къ брату, и я даже чувствую нѣжность къ вамъ. Однимъ словомъ, я васъ люблю—это несомнѣнно, авось, изъ этого современемъ выйдетъ все хорошее»...

Закончи Тургеневъ свое письмо, на этомъ быть можетъ, оно и произвело бы на Толстого смягчающее дѣйствіе. Но Тургеневу захотѣлось большаго, захотѣлось показать, что въ немъ нѣтъ уже и признака никакой занозы, и Толстой для него просто де добрый пріятель, съ которымъ обо всемъ поболтать хочется. И Тургеневъ разжижаетъ глубокій и важный смыслъ письма всякими житейскими мелочами, умѣстными только въ товарищеской бесѣдѣ.

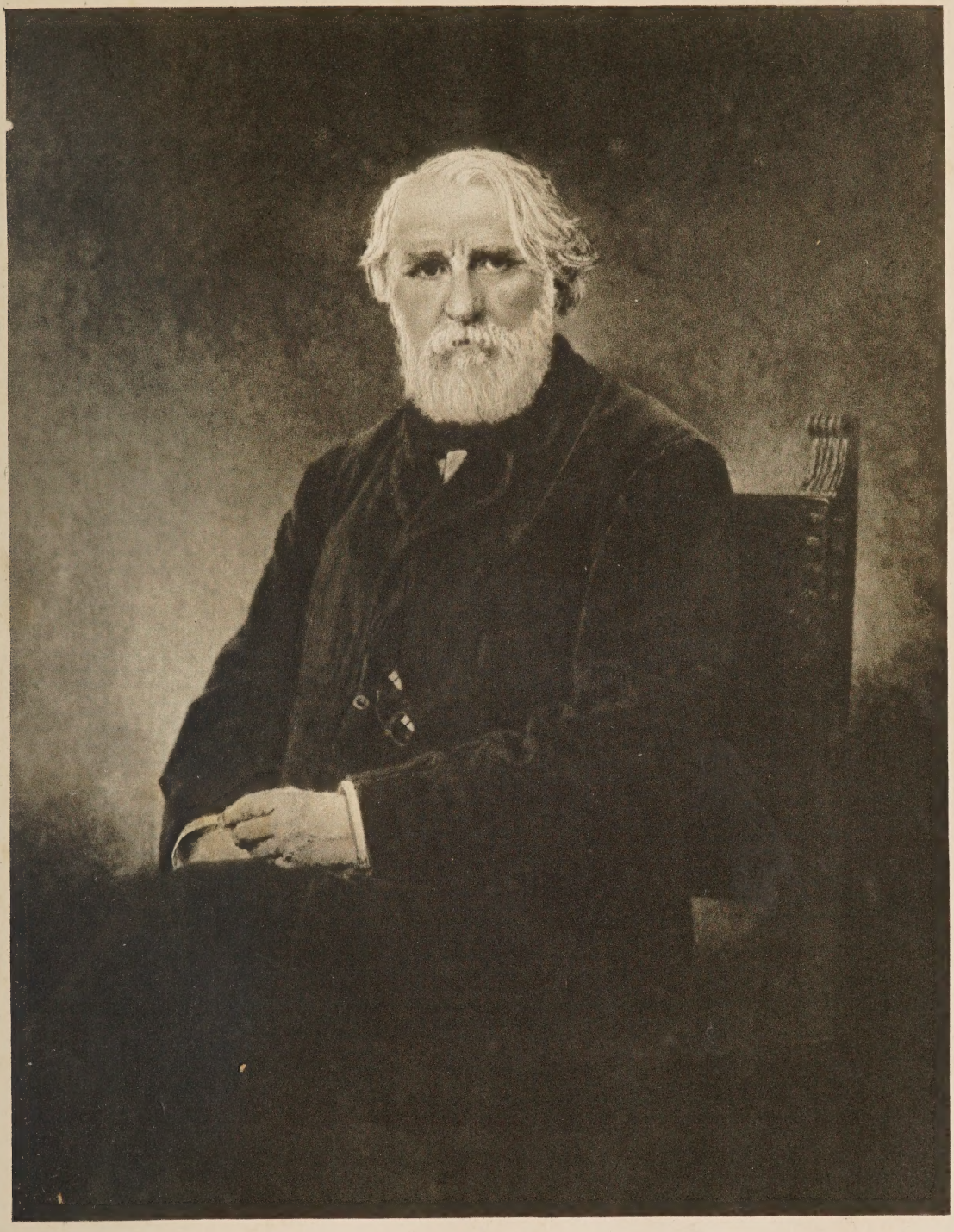
«Прошу васъ,—пишетъ онъ:—выкинуть воспоминаніе о вашей болѣзни изъ головы. Вѣдь вы тоже мнительны и, пожалуй, думаете о чахоткѣ: но, ей Богу, у васъ ея нѣтъ... Что же вы не выпишете вашего брата? Что ему за охота сидѣть на Кавказѣ? Или онъ хочетъ сдѣлаться великимъ воиномъ?.. Никогда Парижъ не казался мнѣ столь прозаически-плоскимъ... Меня удерживаетъ здѣсь старинная, неразрывная связь съ однимъ семействомъ и моя дочка, которая мнѣ очень нравится: милая и умная дѣвушка» и т. д. (Парижъ, 1856, XI, 16).

Письмо это не удовлетворило Л. Толстого. Оно не дало ему той внутренней ясности, которой онъ добивался въ своихъ отношеніяхъ къ Тургеневу. И, продолжая страдать за свою нелюбовь къ нему, Толстой пользуется первымъ подвернувшимся случаемъ—тургеневскимъ «Фаустомъ»,—и пишетъ ему проникнутое дружелюбіемъ письмо.

Незлопамятный Тургеневъ былъ растроганъ письмомъ Толстого и немедленно отвѣтилъ:

«Милый Толстой, вчера мой добрый геній провелъ меня мимо почты—и я нашелъ ваше письмо, гдѣ вы мнѣ говорите о моемъ «Фаустѣ». Вы легко поймете, какъ мнѣ было весело его читать. Ваше сочувствіе меня искренно и глубоко обрадовало. Да и кромѣ того, отъ всего письма вѣяло чѣмъ то кроткимъ и яснымъ, какой то дружелюбной тишиной. Мнѣ остается протянуть вамъ руку черезъ «оврагъ», который уже давно превратился въ едва замѣтную щель, да и о ней упоминать не будемъ—она этого не стоитъ»...

И вмѣсто того, чтобъ опять закончить трогающимъ аккордомъ свое письмо и этимъ поддержать болѣе высокую температуру



Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

въ отношеніяхъ, Тургеневъ опять разжижаетъ свое прекрасное посланіе:

«... Вы, я вижу, теперь очень сошлись съ Дружининымъ и находитесь подъ его вліяніемъ. Дѣло хорошее—только, смотрите, не объѣштесь и его»...

«... Я познакомился здѣсь со многими русскими и французами, но симпатическихъ натуръ нашелъ весьма мало. Есть одна княжна Мещерская—совершенно гетевская Гретхенъ—прелесть, да, къ сожалѣнію, по-русски не понимаетъ ни слова»... и т. п. на нѣсколькихъ страницахъ (Парижъ, 1856, XII, 8).

Отвѣта на это письмо Тургеневъ не получилъ, и «оврагъ» не заполнился.

Только одинъ разъ, именно лѣтомъ 1856 г., между Тургеневымъ и Толстымъ опять пронесся добрый ангелъ, и они провели нѣсколько дней вмѣстѣ, какъ добрые товарищи.

По случаю пріѣзда изъ севастопольской арміи гр. Сергѣя Николаевича Толстого, у Тургенева, въ его орловскомъ имѣніи с. Спасскомъ, былъ назначенъ какъ бы Толстовскій съѣздъ. Пріѣхали графиня Марья Николаевна съ мужемъ и братья Толстые.

Всѣ чувствовали себя, какъ дома, и рѣзвились съ безпечностью счастливой молодежи. Роль хозяйки играла belle-soeur Тургенева. По личной иниціативѣ или по внушенію Тургенева, она всячески старалась украсить пребываніе Льва Николаевича въ с. Спасскомъ и оказывала ему, какъ восходящему свѣтилу, различные знаки вниманія. Онъ съ комической серьезностью принималъ знаки вѣрноподданничества и очень забавлялъ этимъ всѣхъ.

Но зенитомъ веселыхъ проказъ было «вѣнчаніе героя лаврами». Солидная нѣмка, жена тургеневскаго управляющаго, захотѣла также почтить Льва Николаевича и церемоніально поднесла ему, какъ дань своего восторга, прекрасную чайную розу. Л. Н. вдѣлъ розу въ петлицу и принялъ видъ тріумфатора. Тогда, по знаку Тургенева, и всѣ остальные начали какъ бы вѣнчать Толстого сначала цвѣтами, потомъ травой и листьями, украсивши его такимъ образомъ съ ногъ до головы. Онъ не противился и съ комически-важнымъ видомъ тріумфатора расхаживалъ по усадьбѣ, продѣлывая попутно разныя веселыя шутки, на которыя онъ былъ большой мастеръ.

Вдругъ, въ самый разгаръ мистеріи, въ с. Спасскомъ получилось извѣстіе, что одна сосѣдка Тургенева, узнавъ о пребываніи у него Толстыхъ, предполагаетъ пріѣхать въ с. Спасское. Тургеневъ похоронnымъ голосомъ заявилъ присутствующимъ о

полученной угрозѣ и началъ описывать свою сосѣдку, какъ даму, пріятную далеко не во всѣхъ отношеніяхъ.

Лица у всѣхъ вытягиваются.

Собирается совѣтъ и ставится вопросъ, какъ быть съ сосѣдкой. Тургеневъ гостепріимно предлагаетъ сейчасъ же послѣ пріѣзда гостьи напоить ее чаемъ съ александрійскимъ листомъ. А тамъ уже, вѣроятно, все само собою образуется. Но проектъ этотъ отвергается, и принимается слѣдующая комбинація: Тургеневъ въ любезной формѣ поблагодаритъ сосѣдку за предлагаемую честь, но мелькомъ упомянетъ, что Толстые немедленно уѣзжаютъ; такимъ образомъ и приличіе будетъ соблюдено, и непріятная чаша отклонена отъ Спасскаго.

По отправкѣ письма веселье опять овладѣло всѣми, и всѣ совершенно забыли о висѣвшемъ надъ Спасскимъ облачкѣ. Вдругъ Тургеневъ, стоявшій на балконѣ, закричалъ изступленнымъ голосомъ:

— Ѣдетъ. *Она* ѣдетъ!

Происходитъ общій переполохъ, къ довершенію котораго увѣнчанный лаврами авторъ «Дѣтства и Отрочества» стремительно опрокидывается и начинаетъ колесомъ вертѣться по комнатамъ. Тургеневъ истерически хохочетъ, но вдругъ схватываетъ себя за голову и вопитъ:

— Но, боги! Вѣдь я написалъ ей, что вы всѣ уѣзжаете. Какъ же теперь быть?

Мигомъ созрѣваетъ планъ спасенья. Мужъ гр. Марьи Николаевны искусно завязываетъ себѣ голову и превращается въ больного, внезапная болѣзнь котораго и помѣшала, якобы, уѣхать Толстымъ. Наступаетъ еще большее веселье и новое верченье колесомъ по комнатамъ будущаго автора «Такъ что жъ намъ дѣлать».

Это пребываніе Толстыхъ у Тургенева было единственнымъ въ своемъ родѣ. Черезъ нѣкоторое время Тургеневъ уѣхалъ за границу, и опять между двумя писателями возникаютъ тѣ странныя, искусственныя и какъ бы слоеныя отношенія, которыя преобладали между ними почти всегда. Съ одной стороны, они какъ будто искренно и любовно тянулись другъ къ другу, съ другой же какъ будто имѣли за пазухами непогашенные счеты одинъ къ другому.

«Толстой мнѣ пишетъ, что онъ собирается сюда ѣхать»,—сообщаетъ Тургеневъ въ 1857-мъ году:—«и отсюда весной въ Италію, скажите ему, чтобы онъ спѣшилъ, если хочетъ застать меня.

Впрочемъ, я ему самъ напишу. По письмамъ его я вижу, что съ нимъ совершаются самыя благодатныя перемѣны — и я радуюсь тому, «какъ нянька старая». Я прочелъ его «Утро помѣщика», которое чрезвычайно понравилось мнѣ своей искренностью и почти полной свободой воззрѣнія; говорю: почти — потому что въ томъ, какъ онъ себѣ задачу поставилъ—скрывается еще (можетъ быть, безсознательно для него самого) нѣкоторое предубѣжденіе. Главное нравственное впечатлѣніе этого разсказа (не говорю о художественномъ) состоитъ въ томъ, что пока будетъ существовать крѣпостное состояніе, нѣтъ возможности сближенія и пониманія обѣихъ сторонъ, несмотря на самую безкорыстную и честную готовность сближенія—и это впечатлѣніе хорошо и вѣрно, но при немъ бѣжитъ другое побочное, пристяжное—а именно то, что вообще просвѣщать мужика, улучшать его бытъ—ни къ чему не ведетъ, и это впечатлѣніе непріятно. Но мастерство языка, разсказа, характеристики—великое».

Такъ писалъ Тургеневъ Дружинину. Тутъ, кромѣ тонкой характеристики «Утра помѣщика», чувствуется еще и душевная теплота къ Толстому.

Черезъ два мѣсяца по пріѣздѣ Толстого въ Парижъ, Тургеневъ пишетъ Полонскому:

«Толстой здѣсь. Въ немъ произошла перемѣна къ лучшему, весьма значительная. Этотъ человѣкъ пойдетъ далеко и оставитъ за собою глубокій слѣдъ».

Дружинину Тургеневъ сообщаетъ между прочимъ: «Толстой очень милъ».

И не далѣе, какъ черезъ три дня послѣ этого, пишетъ: «Я здѣсь часто вижу Толстого... Съ нимъ я все-таки не могу сблизиться окончательно: *слишкомъ мы врозь глядимъ*».

Далѣе Тургеневъ, очевидно, опять пробовалъ задѣлать образовавшіяся трещины въ его отношеніяхъ къ Толстому и писалъ ему изъ Рима, но, не получивъ отвѣта, какъ бы жаловался на эту Фету:

«Поклонъ Толстому и его сестрѣ; я жду отъ нихъ отвѣта на мои письма: но они, кажется, лѣнятся».

По пріѣздѣ Тургенева, осенью 1859 г., въ Россію, они, по взаимному влеченію, свидѣлись. Толстой съ добрыми чувствами навѣстилъ Тургенева въ Спасскомъ. Они много и мирно бесѣдовали, стараясь устранить выпячивавшіяся между ними препятствія. Но оба въ концѣ концовъ съ грустью убѣдились, что безъ внутренняго сродства близость между людьми невозможна.

И съ жуткой покорностью судьбѣ Тургеневъ признается въ этомъ въ одномъ изъ своихъ писемъ:

«Съ Толстымъ мы бесѣдовали мирно и разстались дружелюбно. Кажется, недоразумѣній между нами быть не можетъ, потому что мы другъ друга понимаемъ ясно, и понимаемъ, что тѣсно сойтись намъ невозможно. Мы изъ разной глины слѣплены». (С. Спасское, 1859 г., X, 9.)

Такъ время шло то съ усиливающимися, то съ ослабѣвающими перебоями въ отношеніяхъ между Тургеневымъ и Толстымъ до мая 1861 года, т. е. до бурной сцены у Фета.

Это была даже не ссора, а какой то психическій смерчъ, безпощадно разрушившій всѣ нѣжные побѣги дружбы и вырывшій между двумя писателями глубокій «оврагъ», который они тщетно пытались заровнять въ теченіе 17-ти лѣтъ.

Ссора ихъ была такъ неожиданна для присутствующихъ и такъ угловата по своимъ подробностямъ, что даже въ смягченной передачѣ она производитъ впечатлѣніе чего то неправдоподобнаго.

Вообразите себѣ дивное майское утро, уютную деревенскую столовую въ имѣніи Фета. Въ столовой милые, дорогіе гости, чародѣи русской литературы — Тургеневъ и Толстой. Утренній кофе. Все полно тихаго довольства и поэзіи. За столомъ привѣтливая хозяйка, Марья Петровна, урожденная Боткина. Она радушно бесѣдуетъ съ гостями и заводитъ рѣчь о дочери Тургенева, воспитывавшейся въ Парижѣ. Тургеневъ охотно подхватываетъ нить бесѣды и съ оживленіемъ разсказываетъ о своей дочери, о ея воспитаніи. При ней очень хорошая, добрая англичанка.

— Теперь она требуетъ, — говоритъ Тургеневъ, живописно иллюстрируя рѣчь своими большими руками,—чтобы моя дочь забирала на руки ветхую одежду бѣдняковъ и, собственноручно починивъ ее, возвращала по принадлежности.

— И это вы считаете хорошимъ?—спрашиваетъ Толстой.

— Конечно, это сближаетъ благотворительницу съ насущной нуждой,—отвѣчаетъ Тургеневъ.

— А я считаю, что разряженная дѣвушка, держащая на колѣняхъ грязные и зловонные лохмотья, играетъ не искренную, театральную сцену...

— Я васъ прошу не говорить такъ, — воскликнулъ Тургеневъ, съ раздувающимися ноздрями.

— Отчего же мнѣ не говорить того, въ чемъ я убѣжденъ?— отвѣтилъ Толстой.

И не успѣлъ хозяинъ принять какія-нибудь мѣры, какъ блѣдный отъ гнѣва Тургеневъ крикнулъ Толстому:

— Такъ я васъ заставлю замолчать оскорбленіемъ.

Пробѣгая въ настоящее время эту сцену, просто не вѣрится, чтобъ она могла произойти между добрыми, душевно-чуткими и хорошо воспитанными людьми въ чужомъ домѣ, въ присутствіи привѣтливой хозяйки. Между тѣмъ Фетъ, разсказывавшій объ этой сценѣ, всегда передавалъ ее въ смягченномъ освѣщеніи.

Въ дѣйствительности было гораздо хуже. Тургеневъ, этотъ деликатнѣйшій изъ людей, на самомъ дѣлѣ крикнулъ Толстому:

— Если вы не замолчите, я дамъ вамъ въ м.....

Онъ произнесъ грубую угрозу и, схватившись за голову, выскочилъ въ другую комнату.

Этотъ варіантъ казался столь неправдоподобнымъ почитателямъ Тургенева, что одинъ изъ нихъ рѣшилъ при удобномъ случаѣ поговорить объ этомъ съ самимъ Толстымъ. Увы, Левъ Николаевичъ подтвердилъ это:

— Да, да, представьте, Тургеневъ именно такъ сказалъ.

И Л. Н. повторилъ ужасную фразу.

Можно вообразить, что переживалъ тогда, въ моментъ оскорбленія и затѣмъ по уходѣ Тургенева самолюбивый молодой графъ, не позволявшій никому наступать себѣ на ногу. Правда, онъ ни слова не отвѣтилъ Тургеневу на оскорбленіе и сохранилъ такой видъ, какъ будто слова Тургенева относились къ кому то другому, но это было только изящное «искусство». Внутри же у графа горѣло и клокотало. И какъ только Фетъ, понявшій невозможность, чтобы оба гостя оставались дальше подъ его кровлей, распорядился, чтобы Тургеневу подали лошадей, такъ сейчасъ же послѣ него уѣхалъ и Л. Н. Толстой. Онъ невыразимо страдалъ отъ оскорбленія и, доѣхавъ до станціи «Богослово», послалъ оттуда Тургеневу сильное письмо съ категорическимъ требованіемъ извиненія.

И тутъ начинается нѣчто въ родѣ запутанной сказки.

Получивъ Толстовское письмо, Тургеневъ, и безъ того страдавшій за случившееся, еще болѣе разволновался. Въ его жизни повторилось нѣчто въ родѣ придуманной имъ въ «Отцахъ и дѣтяхъ» нелѣпой исторіи дуэли Павла Кирсанова съ Базаровымъ. Подавленный всей этой тяжелой исторіей, Тургеневъ приступилъ къ отвѣту на письмо Толстого.

«Милостивый Государь, Левъ Николаевичъ,—писалъ онъ.— Въ отвѣтъ на ваше письмо я могу повторить только то, что я

самъ считаю своей обязанностью. Увлеченный чувствомъ невольной непріязни, въ причины которой теперь входить не мѣсто, я оскорбилъ васъ безъ всякаго положительнаго повода съ вашей стороны и прошу у васъ извиненія» и т. д.

Но въ волненіи Тургеневъ, не обративъ вниманія, что Толстовское письмо было помѣчено: «Богослово», отсылаетъ письмо въ имѣніе Фета — Степановку. И пока нарочный метался изъ Спасскаго въ Степановку, изъ Степановки обратно въ Спасское, изъ Спасскаго въ Богослово, произошло, конечно, замедленіе въ доставкѣ. Толстой же, не получая отвѣта отъ Тургенева, истолковываетъ это, какъ новую оскорбительную небрежность со стороны послѣдняго, и пишетъ ему другое письмо, очень рѣзкое и съ вызовомъ на дуэль.

И когда нарочный съ примирительнымъ Тургеневскимъ письмомъ подъѣзжалъ къ Богослову, другой нарочный съ грознымъ Толстовскимъ посланіемъ ѣхалъ въ Спасское.

Затѣмъ все еще болѣе запутывается.

Получивъ отъ Тургенева письмо и считая вопросъ исчерпаннымъ, Толстой уѣзжаетъ домой. А Тургеневъ, считая второе Толстовское письмо самостоятельнымъ, отвѣчаетъ согласіемъ на поединокъ и черезъ нѣкоторое время отправляется къ мѣсту поединка, гдѣ никого не застаетъ.

Какимъ образомъ могла возникнуть и такъ ужасно разразиться эта таинственная гроза въ Степановкѣ? Не можетъ же быть, что у обоихъ писателей не было въ запасѣ легко-воспламеняющагося матеріала? Нѣкоторые пытались объяснить внезапную бурю романическими элементами. Но это чистый вздоръ, совершенно выясненный въ настоящее время. Тутъ таились другіе фугасы. И самъ Левъ Николаевичъ до сихъ поръ съ недоумѣніемъ относится къ этому эпизоду. Но одинъ его разсказъ о пребываніи въ Спасскомъ передъ поѣздкой въ Степановку бросаетъ полосу свѣта на состояніе Тургенева въ усадьбѣ Фета.

Дѣло въ томъ, что передъ совмѣстной поѣздкой Толстого и Тургенева къ Фету, между писателями лежала нѣсколько мѣсяцевъ тѣнь охлажденія. Но, какъ это нѣсколько разъ бывало, ихъ вдругъ потянуло другъ къ другу. Воспользовавшись приглашеніемъ Фета, Л. Н. Толстой поѣхалъ къ Тургеневу, чтобы вмѣстѣ отправиться въ Степановку.

Первая половина этого историческаго свиданія весною 1862 г. была едва ли не самой прелестной и увлекательной страницей изъ всего знакомства Тургенева съ Толстымъ. У каждаго былъ

цѣлый запасъ назрѣвшихъ мыслей для взаимнаго обмѣна. Особенно былъ радъ и счастливъ Тургеневъ. Помимо особеннаго удовольствія, знакомаго всякому радушному хозяину, когда пріѣзжаетъ милый, интересный гость, Тургеневъ еще находился въ это время въ праздничномъ состояніи. Онъ только что окончилъ свое любимѣйшее твореніе «Отцы и дѣти» и весь еще былъ обвѣянъ той особенной сладостно-пьянящей атмосферой, которая почти всегда создается окончаніемъ большой любимой работы. Хочется со всѣми подѣлиться ею и своими упованіями. А тутъ еще такой тонкій и глубокій цѣнитель, какъ Л. Н. Толстой.

За обѣдомъ Тургеневъ съ подавленнымъ волненіемъ заговорилъ о своемъ новомъ романѣ. Толстой съ живымъ интересомъ началъ разспрашивать Тургенева о его новой работѣ. И, чтобы испить всю чашу удовольствія, не расплескавъ изъ нея ни одной капли, было рѣшено устроить такъ: въ виду того, что Толстой при чтеніи вслухъ иногда не схватывалъ всѣхъ подробностей изъ прочитаннаго, писатели дружелюбно условились, что для цѣльности и непосредственности впечатлѣнія Левъ Николаевичъ самъ предварительно прочтетъ про себя «Отцовъ и дѣтей» и затѣмъ уже съ полной искренностью выскажетъ свое мнѣніе.

И вотъ послѣ обѣда волнующійся Тургеневъ началъ съ нѣжностью и заботливостью любящей женщины хлопотать объ удобствахъ своего гостя.

Въ гостиной, гдѣ стоялъ знаменитый «самосонъ», длиннѣйшій и широчайшій диванъ временъ Имперіи, съ пружиннымъ тюфякомъ, было все приготовлено для Льва Николаевича, точно для архіерея. Всѣ мухи были изгнаны до послѣдней; около дивана придвинутъ столикъ съ курительными принадлежностями и любимымъ напиткомъ. Здѣсь же, на столикѣ, лежала и рукопись «Отцовъ и дѣтей». Приготовивъ все, такимъ образомъ, для гостя, Тургеневъ прикрылъ дверь и на цыпочкахъ удалился. Толстой легъ и началъ читать рукопись. Но подъ вліяніемъ ли обѣда, или какихъ другихъ причинъ, но Толстому Тургеневскій романъ показался настолько утомительнымъ, что, не будучи въ силахъ преодолѣть охватившаго его томленія, онъ черезъ нѣсколько минутъ послѣ чтенія пресладко заснулъ.

Вдругъ его словно толкнуло что то. Онъ открылъ глаза и увидѣлъ удаляющуюся спину Тургенева...

Но самое гнетущее было впереди.

Придя въ столовую, Л. Н. почувствовалъ, что между нимъ и Тургеневымъ точно порвалось что то и образовалась пустота. Они

не могли смотрѣть въ глаза другъ другу и старательно избѣгали всего, что могло навести на разговоръ объ «Отцахъ и дѣтяхъ». При такихъ условіяхъ писатели поѣхали въ Степановку къ Фету. Образовавшійся между ними ледъ, казалось, за дорогу нѣсколько растаялъ. Но это была только иллюзія. При первомъ же испытаніи все обострилось, и накопившееся электричество, вѣроятно, и разрѣшилось грозою. Дѣло было, конечно, не въ уязвленномъ авторскомъ самолюбіи Тургенева. Оно было только проводникомъ. Дѣло было въ накопившемся электричествѣ.

Протекло почти двѣ земскихъ давности послѣ бурной сцены въ Степановкѣ. Время зарубцевало многія раны.

Въ Россіи наступила эпоха великихъ реформъ. Вешними водами хлынули могучіе шестидесятые годы. А два лучшихъ русскихъ писателя все числились недругами. Наружно они очень измѣнились за это время. Тургеневъ сдѣлался совсѣмъ бѣлымъ, точно рождественскій дѣдъ. Какъ ни весело ему жилось въ Парижѣ среди всякихъ тонкихъ развлеченій и сливокъ французской умственной аристократіи, но и въ его пѣсняхъ начали проскальзывать грустныя нотки. И онъ, подобно одному изъ своихъ героевъ, извлекъ изъ всѣхъ жизненныхъ завоеваній только одинъ урокъ, что жизнь не шутка, не забава, а тяжелый трудъ, отреченіе—вотъ ея тайный смыслъ...

За это время и Левъ Николаевичъ пережилъ не мало битвъ, хотя и въ другомъ родѣ.

Онъ истово отсѣкалъ и отметалъ отъ себя все, преграждавшее ему дорогу къ побѣдѣ надъ самимъ собою, дѣлая попутно, какъ всегда, собственную расцѣнку различнымъ моральнымъ цѣнностямъ. И, страдая за свои грѣхи, особенно же сильно страдая за злобу къ людямъ «и безсиліе не только любви, но и прощенія», онъ приходитъ къ заключенію, что одного покаянія недостаточно. Мало сказать: «грѣшенъ, весь во грѣхахъ, родился въ грѣхѣ, что не ступлю,— то грѣхъ» и т. д. Это признаніе,— говоритъ Л. Н.: — собравъ, запекши въ одну кучу всѣ грѣхи, какъ бы отдаляетъ ихъ отъ человѣка. А этотъ музей надо держать въ порядкѣ, чтобы сейчасъ найти, что и когда нужно...

«Для того, чтобы перестать злиться на человѣка, примириться, простить, если есть что прощать, даже пожалѣть и полюбить его, надо что? Лучше всего вспомнить свой грѣхъ передъ нимъ такой же, какъ его. Это особенное счастье, и тогда сразу исцѣленье».

И, чувствуя себя какъ бы въ рабской зависимости отъ своего непріязненнаго чувства къ Тургеневу, Толстой освѣтилъ однажды со свѣхъ сторонъ свою вину передъ Тургеневымъ. И почувствовалъ «исцѣленіе». Вмѣсто враждебнаго чувства въ его сердцѣ затеплилась благожелательность. Бережно лелѣя въ себѣ это чувство, Л. Н. воспользовался первымъ подвернувшимся поводомъ и написалъ Тургеневу въ Парижъ дружелюбное письмо.

Тургеневъ былъ радостно взволнованъ дружескимъ призывомъ Толстого и немедленно отвѣтилъ ему:

«Съ величайшей охотой крѣпко жму протянутую мнѣ вами руку. Вы совершенно правы, не предполагая во мнѣ враждебныхъ чувствъ къ вамъ; если они и были, то давнымъ-давно исчезли... Я надѣюсь нынѣшнимъ лѣтомъ попасть въ Орловскую губернію—и тогда мы, конечно, увидимся» (Парижъ, 8 май 1878 г.).

Л. Н. Толстой во время переписи.

Такимъ образомъ только послѣ 17 лѣтъ между двумя писателями растаяла, наконецъ, ледяная стѣна.

По пріѣздѣ въ Россію, Тургеневъ немедленно приступилъ къ осуществленію давно желаннаго свиданія. Онъ написалъ изъ Москвы въ Ясную Поляну и просилъ Льва Николаевича назначить мѣсто свиданія. Л. Н. дружески отвѣтилъ, что будетъ очень радъ, если Тургеневъ пріѣдетъ въ Ясную Поляну. И въ Ясной Полянѣ съ нетерпѣніемъ начали поджидать дорогого гостя.

И вотъ однажды передъ вечеромъ отъ Тургенева была получена телеграмма о его пріѣздѣ. Близкіе ко Льву Николаевичу замѣтили, что полученное извѣстіе очень взволновало его. И это волненіе быстро передалось другимъ.

Наконецъ, около полудня 7-го августа 1878 г. пріѣхалъ въ Ясную Поляну Тургеневъ. Когда коляска четверней подъѣхала

къ яснополянскому дому, Левъ Николаевичъ торопливо прошелъ черезъ переднюю и вышелъ навстрѣчу гостю. Они дружески обнялись. Тургеневъ съ его бѣлыми густыми волосами, разгорѣвшимся отъ ѣзды лицомъ и нависшей серебристой прядью на лбу, показался всѣмъ присутствовавшимъ необыкновенно красивымъ и величественнымъ. Рядомъ съ нимъ Левъ Николаевичъ производилъ впечатлѣніе, невыгодное для него. Хозяинъ провелъ гостя въ свой кабинетъ и закрылъ за собою дверь.

Черезъ полчаса они появились въ столовой, весело возбужденные и, дружески бесѣдуя, сѣли за столъ, оба около графини Софьи Андреевны — Тургеневъ слѣва, Л. Н. справа. За длиннымъ столомъ засѣдала и вся многочисленная яснополянская колонія Толстыхъ съ родственниками, учителями и гувернантками.

Въ теченіе всего обѣда центромъ общаго вниманія былъ, конечно, Тургеневъ. Онъ говорилъ безъ умолку, любуясь семьей Льва Николаевича, вспоминая московскую жизнь, разспрашивая объ общихъ знакомыхъ, разсказывая о Парижѣ и опять переходя на Ясную Поляну, вызывавшую въ немъ восхищеніе. Онъ впервые видѣлъ Льва Никольевича какъ бы въ роли патріарха, окруженнаго многочисленною любящей семьею. Молодыя оживленныя лица съ блестѣвшими веселыми глазами, славныя непринужденныя отношенія между всѣми и что то новое во Львѣ Николаевичѣ — сосредоточенно-тихое и мягкое, чего никогда дотолѣ Тургеневъ не замѣчалъ въ авторѣ «Войны и Мира» — все это трогало и плѣняло гостя. И, любуясь графиней Софьей Андреевной, которая въ ту пору достигла своего полнаго расцвѣта, Тургеневъ любовно сказалъ Льву Николаевичу:

— Какъ хорошо вы сдѣлали, душа моя, что женились на своей женѣ.

И Тургеневъ началъ слагать восторженные панегирики русской женщинѣ, съ грустной ноткой упоминая о недостаткахъ француженокъ.

— Русскія женщины и дѣвушки,—говорилъ Тургеневъ съ заблестѣвшими глазами:—настолько лучше и выше французскихъ, что когда попадешь въ русскую семью, то испытываешь такое впечатлѣніе, какъ будто изъ темной комнаты приходишь въ свѣтлую.

Словомъ, черезъ нѣкоторое время въ Ясной Полянѣ уже не чувствовалось ни малѣйшей неловкости отъ присутствія всемірной знаменитости. Тургеневъ отлично разсказывалъ и зналъ множество забавныхъ вещей, смѣшившихъ до упаду яснополянскую

молодежь, а также и Льва Николаевича, вообще падкаго на всякое проявленіе юмора. Съ неподражаемой уморительностью изображалъ Тургеневъ охотничьихъ собакъ въ различные моменты ихъ жизни, курицу, попавшую въ супъ, и т. п. Но верхомъ шумнаго веселья было участіе Тургенева въ танцахъ, затѣянныхъ яснополянской молодежью. Сначала Тургеневъ участвовалъ въ общей кадрили, какъ степенный кавалеръ. Но затѣмъ сбросилъ съ себя сюртукъ, и, заправивъ пальцы за вырѣзы жилета, началъ демонстрировать парижскій канканъ съ такими «выкрутасами», какіе, вѣроятно, и во снѣ не снились яснополянскимъ танцорамъ. Молодежь была въ неописанномъ восторгѣ. И три дня, прожитые Тургеневымъ въ Ясной Полянѣ, прошли весело и шумно.

Графиня, какъ хозяйка, всячески старалась приноровиться ко вкусу Тургенева и угощала его любимѣйшими блюдами въ чисто-русскомъ вкусѣ.

Левъ Николаевичъ, въ свою очередь, всячески украшалъ пребываніе Тургенева въ Ясной Полянѣ. На этотъ разъ онъ безукоризненно исполнилъ взятую на себя роль и ни однимъ неосторожнымъ прикосновеніемъ не задѣлъ Тургенева ни съ какой стороны. Они много ходили и много бесѣдовали, какъ бы по взаимному соглашенію, обходя въ своихъ бесѣдахъ всякіе сомнительные пункты и останавливаясь только на завѣдомо надежныхъ мостахъ. Говорили много объ искусствѣ, гдѣ у нихъ было не мало общаго, и дѣлились впечатлѣніями пережитаго. Толстой все время былъ кротокъ, свѣтелъ, привѣтливъ и чутко-деликатенъ. У Тургенева было нѣсколько порученій отъ его друзей и пріятелей къ Л. Н. Такъ, между прочимъ, А. Н. Пыпинъ затѣвалъ тогда «Русскую библіотеку» и просилъ Тургенева привлечь Толстого къ сотрудничеству. И Левъ Николаевичъ, чтобы сдѣлать пріятное Тургеневу, охотно изъявилъ согласіе на всѣ его предложенія.

Совершая вмѣстѣ продолжительныя прогулки по обширному яснополянскому парку, по полямъ и лѣсамъ, Тургеневъ впервые знакомился съ организаторскимъ талантомъ Толстого. И хотя въ то время Левъ Николаевичъ давалъ уже отбой по всей хозяйственной линіи, но Тургеневъ все-таки не могъ не дивиться благоустройству, царствовавшему въ Ясной Полянѣ. У него, у Тургенева, при болѣе выгодныхъ условіяхъ, всюду были непорядки и неустройства. И невольно въ немъ должно было все больше и больше накопляться чувство уваженія и удивленія къ

своему старому соратнику, къ этому сильному, мужественному и богато одаренному избраннику, который, точно не сознавая своего исключительнаго положенія въ мірѣ, мужицки-выносливо шагалъ по полю въ своей полу-мужицкой одеждѣ.

И чѣмъ больше присматривался Тургеневъ въ этотъ свой пріѣздъ къ Толстому, тѣмъ все больше вырастала и расцвѣчивалась въ его представленіи личность яснополянскаго хозяина. Разстались они, какъ братья, проникнутые взаимнымъ дружелюбіемъ.

Пріѣхавъ въ с. Спасское, Тургеневъ все еще какъ бы дышалъ воздухомъ Ясной Поляны. И, подчиняясь непреодолимой потребности своего сердца, онъ написалъ Л. Н. о переживаемой имъ радости по случаю состоявшагося мира и прелестныхъ воспоминаній, вынесенныхъ изъ Ясной Поляны.

«Я почувствовалъ очень ясно, что жизнь, состарившая насъ, прошла для насъ не даромъ,—писалъ онъ:—и что и вы, и я—мы оба стали лучше, чѣмъ 16 лѣтъ тому назадъ, и мнѣ было пріятно это чувствовать... Нечего и говорить, что на возвратномъ пути я снова—всенепремѣнно—заверну къ вамъ». (Спасское, 1878 г. Августъ 14).

Левъ Николаевичъ въ свою очередь написалъ Тургеневу любезное письмо. Ему радостно было отдаваться дружелюбному чувству къ отыскавшемуся товарищу, и онъ пользовался всякимъ обстоятельствомъ, чтобы попрочнѣе скрѣпить вновь налаженныя отношенія. И онъ пишетъ Тургеневу о прекрасномъ впечатлѣніи, оставленномъ послѣднимъ на всѣхъ въ Ясной Полянѣ, и о прочной художественной связи между обоими пріятелями.

Такимъ образомъ миръ между двумя писателями былъ возстановленъ.

Черезъ три недѣли Тургенева опять потянуло въ Ясную Поляну. И хотя на этотъ разъ его пріѣздъ былъ менѣе удаченъ—въ домѣ были больные, и Тургеневъ поспѣшилъ отъѣздомъ,—но Левъ Николаевичъ по-прежнему былъ милъ, кротокъ, привѣтливъ и чутко внимателенъ къ своему гостю. Онъ какъ бы заглаживалъ свои прежніе грѣхи относительно Тургенева и всячески старался въ его присутствіи поддерживать въ себѣ «исцѣленіе». Эта новая черта сосредоточенной мягкости въ Толстомъ очень трогала незлобиваго Ивана Сергѣевича. И даже по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ свиданія, онъ не перестаетъ вспоминать объ этомъ съ особенною теплотою.

«Мнѣ было весело снова сойтись съ Толстымъ,—писалъ онъ Фету—и я у него провелъ три пріятныхъ дня; все семейство

его очень симпатично; жена его прелесть. Онъ самъ очень утихъ и выросъ. Его имя начинаетъ пріобрѣтать европейскую извѣстность, — намъ, русскимъ, давно извѣстно, что у него соперника нѣтъ». (Буживаль, 1878 г., XII, 30).

Этотъ благожелательный тонъ къ Л. Н., какъ къ человѣку, и повышенный, какъ къ писателю, Тургеневъ выдерживаетъ и дальше, пользуясь всякимъ случаемъ, чтобы не давать зарастать проложенной тропѣ между Парижемъ и Ясной Поляной.

Между прочимъ, Тургеневъ съ увлеченіемъ берется за роль Толстовскаго ликтора въ Европѣ и всячески старается показать грядущаго тріумфатора съ достойнѣйшей стороны. Такъ, для успѣха дѣла Тургеневъ лично переводитъ на французскій языкъ Толстовскихъ «Казаковъ»,—эту «лучшую повѣсть, написанную на нашемъ языкѣ»,—какъ аттестуетъ Тургеневъ «Казаковъ» въ одномъ изъ своихъ писемъ.

Не ограничиваясь Франціей, Тургеневъ входитъ въ сношенія съ англійскими писателями и самъ помогаетъ англійскому литератору Рольстону въ составленіи біографіи Л. Н. Толстого. Свою заботливость о Толстомъ Тургеневъ простираетъ даже до того, что входитъ въ издательскіе интересы переводчиковъ и ради успѣха дѣла берется за предисловіе къ «Казакамъ». Обо всѣхъ появляющихся за границей Толстовскихъ произведеніяхъ и критическихъ отзывахъ о нихъ Тургеневъ извѣщаетъ Льва Николаевича съ неутомимой добросовѣстностью нѣмецкаго часовщика.

Непостижимо, когда успѣвалъ Тургеневъ дѣлать все это, заваленный по уши своими собственными дѣлами. Но и этимъ не ограничивалось ревностное содѣйствіе Тургенева. Онъ устраивалъ популярно-литературные вечера въ Парижѣ и самъ дѣлалъ рефераты о «Войнѣ и Мирѣ», освѣщая, разъясняя и разжевывая французамъ достоинства великаго произведенія.

«Я не знаю ни въ одной изъ европейскихъ литературъ произведенія, которое поставилъ бы выше «Войны и Мира»,—говорилъ онъ.

Прошло около двухъ лѣтъ.

Наступилъ памятный для русской литературы 1880 годъ.

Въ этомъ году былъ первый оффиціально признанный въ Россіи праздникъ на нашей улицѣ—открытіе памятника Пушкину въ Москвѣ.

Тургеневъ, боготворившій Пушкина, пріѣхалъ ради устраиваемаго торжества въ Россію и принималъ дѣятельное участіе

въ подготовительныхъ хлопотахъ по устройству чествованія памяти своего великаго учителя.

Толстой въ это время жилъ въ Ясной Полянѣ и не откликался ничѣмъ на лихорадку, охватившую почти все интеллигентное общество.

Зная отрицательное отношеніе Л. Н. ко всякаго рода торжествамъ и юбилеямъ, комитетъ по устройству празднествъ порѣшилъ обставить какъ-нибудь особенно приглашеніе автору «Войны и Мира» на открытіе памятника Пушкину. Было предложено Тургеневу лично пригласить Льва Николаевича. Тургеневъ согласился, будучи убѣжденъ, что миссія его увѣнчается успѣхомъ.

Поѣздка въ Ясную Поляну совпадала и съ личнымъ желаніемъ Тургенева. Ему самому хотѣлось повидать Льва Николаевича. Но вышло не такъ, какъ предполагалось.

На другой день около полудня Тургеневъ и Толстой отправились въ паркъ.

Прошло значительное время. Наступилъ часъ обѣда. Съ стараго почернѣвшаго вяза, стоявшаго передъ крыльцомъ, голосисто прозвучалъ звонокъ, звавшій къ обѣду.

Черезъ нѣкоторое время еще разъ прозвонилъ звонокъ, какъ послѣдній призывъ. Но ни Толстой, ни Тургеневъ не появлялись.

Графиня, знавшая аккуратность Льва Николаевича въ этомъ отношеніи, рѣшила, что гость и хозяинъ, навѣрно, увлеклись гдѣ-нибудь бесѣдой и не слышали звонка. И она отправилась на поиски, избирая мѣста, любимыя Львомъ Николаевичемъ. Подойдя къ уединенной лѣсной избушкѣ, въ который нѣкогда (въ эпоху пчеловодства), Л. Н. проводилъ цѣлые часы, графиня услышала знакомые голоса горячо споривших писателей.

Споръ возгорѣлся изъ-за открытія памятника Пушкину.

Толстой отказался присутствовать на торжествѣ, подкрѣпляя свой отказъ мотивами, которыхъ Тургеневъ не признавалъ и не могъ одобрить. Старыя раны зазудѣли. И оба писателя опять заговорили на разныхъ языкахъ. Но какъ только въ дверяхъ избушки показалась графиня, спорщики умолкли и приняли спокойный видъ.

Въ тотъ же день Тургеневъ уѣхалъ отъ Толстыхъ.

Послѣ этого опять прошелъ значительный промежутокъ времени. Л. Н. Толстой, примирившись съ мыслью объ извѣстной «межѣ» между нимъ и Тургеневымъ, уже и не пытался перейти ее, а только пользовался добрыми приливами, чтобы не запускать своихъ отношеній къ Тургеневу.

И онъ почти всегда весело откликается на письма Тургенева, посылаетъ ему въ подарокъ съ надписью свои сочиненія, пишетъ Тургеневу о своемъ добромъ чувствѣ и обѣщаетъ лѣтомъ 1881 г. пріѣхать въ Спасское.

Тургеневъ съ нетерпѣніемъ поджидаетъ Льва Николаевича въ Спасскомъ и съ благодарностью относится къ выраженному чувству. «Оно потому и хорошо,—пишетъ онъ:—что общее, т. е. одинаковое и въ васъ, и во мнѣ» (Спасское, 1881 г., VII, I).

Толстой въ это время находился въ особенно хорошемъ настроеніи.

«Нынѣшній годъ, — писалъ онъ,—я долго боролся. Но красота побѣдила меня».

Получивъ дружелюбное письмо отъ Тургенева, Толстой почувствовалъ влеченіе къ своему старому собрату, и 8-го іюля 1881 г. далъ знать въ Спасское о своемъ пріѣздѣ. У Тургенева въ 1881 г. гостило много друзей и пріятелей, для которыхъ былъ спеціально заново отремонтированъ весь домъ. Цѣлое лѣто жили въ Спасскомъ Полонскіе, затѣмъ пріѣзжали: М. Г. Савина, Григоровичъ, Гаршинъ и др. Веселью и шуткамъ не было конца.

Получивъ телеграмму о пріѣздѣ Л. Н. Толстого, Тургеневъ заволновался. Онъ былъ очень гостепріимный хозяинъ, и пріѣздъ гостей всегда наполнялъ его душу молодымъ оживленіемъ. Распорядившись о высылкѣ лошадей на станцію Мценскъ, согласно полученной телеграммѣ, Тургеневъ и жившіе въ Спасскомъ Полонскіе ждали автора «Войны и Мира» на другой день. Но произошла ошибка.

Былъ поздній часъ ночи, и въ домѣ уже всѣ спали. Я. Полонскій, писавшій за своимъ столомъ, услышалъ на дворѣ лай собакъ, свистъ и чьи то шаги.

«Я поглядѣлъ въ окно»,—разсказывалъ Полонскій, — «но въ безлунномъ мракѣ, съ черными признаками чего то похожаго на кусты, ничего нельзя было разглядѣть. Я опять сѣлъ писать, и, слышу, кто то мимо дому прошелъ по саду. Прислушиваюсь— топотъ лошади. Удивляюсь и недоумѣваю. Затѣмъ въ домѣ послышался чей то неясный голосъ. Я думалъ—это бредитъ кто-нибудь изъ дѣтей моихъ. Иду въ дѣтскую — опять слышу голосъ, но уже явственный, и узнаю голосъ Ивана Сергѣевича. «Что за чортъ, ужъ не воры ли забрались къ нему?» Иду въ потемкахъ черезъ весь домъ и отворяю дверь въ ту комнату, откуда идетъ дверь на террасу, а направо дверь въ кабинетъ Ивана Сергѣевича. Вижу — горитъ свѣча, и какой то мужикъ, въ блузѣ, подпоясанный ремнемъ, сѣдой и смуглый, разсчиты-

вается съ другимъ мужикомъ. Всматриваюсь и не узнаю. Мужикъ поднимаетъ голову, глядитъ на меня вопросительно и первый подаетъ голосъ: «Это вы, Полонскій?» Тутъ только я призналъ въ немъ графа Л. Н. Толстого».

Они обнялись и поцѣловались.

Оказалось, что Л. Н. спуталъ дни, — принявъ среду за четвергъ. Пріѣхавъ въ Мценскъ и не найдя тургеневскихъ лошадей, Л. Н. нанялъ ямщика свезти его въ Спасское. Ямщикъ долго ночью плуталъ и только къ часу ночи кое-какъ добрался до Спасскаго.

Тургеневъ еще не ложился спать. Удивленіе и радость его были велики.

Въ столовой появился самоваръ и закуски... Началась бесѣда, продолжавшаяся до 3-хъ часовъ ночи.

Толстой на этотъ разъ, хотя и отстаивалъ свои взгляды съ твердостью, но и въ тонѣ его, и въ манерѣ держать себя было уже нѣчто новое для Полонскаго, не встрѣчавшагося съ авторомъ «Войны и Мира» болѣе 20-ти лѣтъ. Поражали въ Толстомъ какая то особенная мягкость и подкупающая простота въ обращеніи.

— Я видѣлъ его, — говорилъ Полонскій, — какъ бы перерожденнымъ, проникнутымъ иною вѣрою, иною любовью.

Послѣ отъѣзда Л. Н. Толстого, въ Спасское пріѣхала М. Г. Савина. И хотя Тургеневъ, какъ почитатель Савиной, и былъ охваченъ заботами о своей гостьѣ, но память о Л. Н., видимо, долго не разсѣивалась. Тургеневъ часто говорилъ о немъ съ кроткимъ и любовнымъ чувствомъ, а какъ о писателѣ отзывался даже съ восторженностью. Однажды И. С. вышелъ къ своимъ гостямъ съ книгой въ рукѣ и мастерски прочелъ вслухъ изъ «Войны и Мира», какъ мимо Багратіона шли въ сраженіе съ французами два батальона 6-го егерскаго полка:

«Они еще не поравнялись съ Багратіономъ, а уже слышенъ былъ тяжёлый, грузный шагъ, отбиваемый въ ногу массой людей...»

Тургеневъ дочиталъ всю эту главу до конца съ видимымъ увлеченіемъ и, когда кончилъ, поднялъ голову и проговорилъ:

— Выше этого описанія я ничего не знаю ни въ одной изъ европейскихъ литературъ. Вотъ это—описаніе. Вотъ какъ должно описывать...

Всѣ согласились съ нимъ. Но Тургеневъ все еще восторженно доказывалъ, какъ высоко-художественно это описаніе...

Въ началѣ 1882 г. Тургенева неожиданно захватываетъ недугъ въ Парижѣ и не выпускаетъ писателя до могилы.

Но интересъ Тургенева къ Л. Н. не ослабѣваетъ.

«Надѣюсь, вы опять сошлись съ Л. Толстымъ,—пишетъ онъ Григоровичу.—Это—чудачище, но несомнѣнно геніальный человѣкъ—и добрѣйшій» (Парижъ, 1882 г, III, 29).

Въ маѣ Тургенева перевезли изъ Парижа въ Буживаль, надѣясь на воздухъ и искусство медицинскихъ знаменитостей.

Но желѣзные тиски недуга все больше сжимались.

Въ началѣ 1883 г. парижскія медицинскія свѣтила сдѣлали Тургеневу мучительную операцію, вырѣзавъ безъ хлороформа большую неврому въ области живота. Но, кромѣ новыхъ болей, операція ничего не принесла больному. И Тургеневу съ каждымъ днемъ становилось все труднѣе нести свой тяжелый крестъ. Писатель не зналъ, что такое сонъ и что такое покойная минута. И все же въ глубинѣ его существа неизсякаемо сверкалъ родникъ жизни.

Наступилъ, наконецъ, и *адскій* періодъ. Нестерпимо мучительные припадки судорогъ въ груди потрясали все существо Тургенева до полнаго изнеможенія.

«Страданія постоянныя, невыносимыя...—жаловался онъ Я. Полонскому.—Надежды никакой... Жажда смерти все растетъ — и мнѣ остается просить васъ, чтобы и вы со своей стороны пожелали бы осуществленія желанія вашего несчастнаго друга» (Буживаль, 1883 г., V, 12).

Въ такихъ пыткахъ прошло около двухъ мѣсяцевъ. Уклонъ жизни становился все круче, а удерживаться на немъ было все мучительнѣе и труднѣе.

Въ одну изъ такихъ минутъ, когда въ полуразрушенномъ тѣлѣ писателя, казалось, померкли всѣ импульсы жизни, въ душѣ его вдругъ закипѣлъ съ необыкновенною силою свѣтлый потокъ дружественности. Тургенева потянуло къ Толстому, и онъ ослабѣвшимъ голосомъ попросилъ дать ему карандашъ и бумаги. То, что горѣло въ его душѣ, онъ могъ довѣрить только бумагѣ. Съ усиліемъ приспособившись для писанія и переживая мучительныя боли, Тургеневъ собственноручно слагаетъ Толстому какъ бы свой молитвенный призывъ вернуться къ литературной дѣятельности.

Удивительное письмо! Сколько разъ ни читаешь его, всегда оно трогаетъ и умиляетъ. И едва ли это не самая пламенная изъ всѣхъ пѣсенъ, спѣтыхъ на землѣ Тургеневымъ.

Вспоминая недавно о письмѣ Тургенева, Левъ Николаевичъ сказалъ, что письмо Тургенева не было оставлено имъ безъ отвѣта, а только отложено до душевнаго прилива.

Но Тургеневъ не дождался этого и 22 августа 1883 г. перешелъ въ другой міръ.

* * *

Къ числу лицъ, имѣвшихъ на Л. Н. Толстого извѣстное вліяніе, принадлежитъ несомнѣнно и Некрасовъ. Онъ былъ старше и умудреннѣе Толстого. И когда послѣдній пріѣхалъ осенью 1856 г. въ Петербургъ блестящимъ офицеромъ, успѣвшимъ прочесть только нѣсколько главъ изъ книги жизни, Некрасовъ уже былъ сформировавшимся и закаленнымъ бойцомъ жизни, душою и главою «Современника», стягивавшаго вокругъ себя всѣ лучшія литературныя силы того времени.

Некрасовъ былъ и литературнымъ воспріемникомъ Толстого, угадавъ въ молодомъ невѣдомомъ поручикѣ великаго художника. Пріютивъ въ «Современникѣ» молодого автора, Некрасовъ устранилъ съ дороги Толстого многія и многія терніи.

Отношенія у нихъ завязались слѣдующимъ образомъ.

Получивъ, какъ издатель «Современника» въ 1852 г. съ Кавказа рукопись невѣдомаго автора съ подписью «Л. Н.», Некрасовъ немедленно написалъ автору рукописи:

«Я прочелъ вашу рукопись («Исторія моего дѣтства»). Она имѣетъ въ себѣ настолько интереса, что я ее напечатаю. Не зная продолженія, не могу сказать рѣшительно, но мнѣ кажется, что въ авторѣ ея есть талантъ. Во всякомъ случаѣ, направленіе автора, простота и дѣйствительность содержанія составляютъ неотъемлемое достоинство этого произведенія. Если въ дальнѣйшихъ частяхъ (какъ и слѣдуетъ ожидать) будетъ побольше живости и движенія, то это будетъ хорошій романъ.

«Прошу васъ прислать мнѣ продолженіе. И романъ вашъ, и талантъ меня заинтересовали. Еще я совѣтовалъ бы вамъ не прикрываться буквами, а начать печататься прямо со своей фамиліей, если только вы не случайный гость въ литературѣ. Жду вашего отвѣта».

На это письмо не послѣдовало отвѣта.

Но повѣсть неизвѣстнаго автора такъ заинтересовала Некрасова, что онъ, не взирая на всѣ хлопоты, связанныя съ изданіемъ и редактированіемъ «Современника», шлетъ черезъ мѣсяцъ «милостивому государю» новое посланіе, въ которомъ уже прямо заявляетъ о своемъ восхищеніи повѣстью.

«Милостивый Государь.

«Я писалъ вамъ о вашей повѣсти, но теперь считаю своимъ долгомъ еще сказать вамъ о ней нѣсколько словъ.

«Я далъ ее въ наборъ на IX книжку «Современника» и, прочитавъ внимательно въ корректурѣ, а не въ слѣпо написанной рукописи, нашелъ, что эта повѣсть гораздо лучше, чѣмъ показалась мнѣ съ перваго раза. Могу сказать положительно, что у автора есть талантъ. Убѣжденіе въ этомъ для васъ, какъ для начинающаго, думаю, всего важнѣе въ настоящее время. Книжка «Современника» съ вашей повѣстью завтра выйдетъ въ Петербургѣ, а къ вамъ (я пошлю ее по вашему адресу), вѣроятно, попадетъ еще не ранѣе, какъ недѣли черезъ три. Изъ нея кое-что исключено (немного, впрочемъ)... Не прибавлено ничего. Скоро напишу вамъ подробнѣе, а теперь некогда. Жду вашего отвѣта и прошу васъ, если у васъ есть продолженіе, прислать мнѣ его».

Достойно вниманія, что Некрасовъ, не скупясь на похвалы автору, однако, ни слова не говоритъ о гонорарѣ, а молодой авторъ, получившій письмо, раскрывавшее передъ нимъ двери популярнѣйшей редакціи, заноситъ въ свой дневникъ:

«Получилъ письмо отъ Некрасова. Похвалы, но не деньги».

Какъ ни странно звучатъ эти слова, но въ интересахъ истины ихъ надлежитъ объяснить, а не обойти молчаніемъ.

Дѣло въ томъ, что одной изъ главныхъ побудительныхъ причинъ поѣздки на Кавказъ Л. Н. Толстого въ 1851 г. была его неудачная страсть къ игрѣ. Онъ проигрался до такой степени, что для уплаты карточнаго долга долженъ былъ продать яснополянскій домъ, въ которомъ родился. И огромный барскій домъ съ балконами и колоннами былъ купленъ помѣщикомъ Гороховымъ за пять тысячъ рублей ассигнаціями и перевезенъ въ село Долгое, Крапивенскаго уѣзда. На Кавказѣ Л. Н. Толстому тоже случалось поддаваться приливамъ игорной страсти, и въ большинствѣ случаевъ неудачно. Такимъ образомъ, мечты о гонорарѣ обусловливались у молодого автора критическими обстоятельствами жизни, а въ періодъ переписки съ Некрасовымъ, можетъ быть, еще и какимъ-нибудь особенно острымъ и нетерпящимъ платежомъ.

Это подтверждаетъ и дальнѣйшая, необыкновенно интересная по своеобразнымъ подробностямъ переписка между Некрасовымъ и авторомъ «Исторіи моего дѣтства». Не ограничившись обмѣномъ любезностей, Толстой пишетъ Некрасову ужъ прямо о гонорарѣ. Въ тѣ времена, однако, подобныя операціи совершались не такъ то легко. И на письмо Толстого о гонорарѣ Некрасовъ отвѣчаетъ поистинѣ историческимъ посланіемъ:

30-го октября 1852 года. Спб.

«Прошу извинить меня, что я замедлилъ отвѣтомъ на послѣднее ваше письмо,—я былъ очень занятъ. Что касается вопроса о деньгахъ, то я умолчалъ объ этомъ въ прежнихъ моихъ письмахъ по слѣдующей причинѣ: въ лучшихъ нашихъ журналахъ издавна существуетъ обычай не платить за первую повѣсть начинающему автору, котораго журналъ рекомендовалъ публикѣ. Этому обычаю подверглись всѣ, доселѣ начинавшіе въ «Современникѣ» свое литературное поприще, какъ то: Гончаровъ, Дружининъ, Авдѣевъ и др. Этому же обычаю подверглись въ свое время какъ мои, такъ и Панаева первыя произведенія. Я предлагаю вамъ то же, съ условіемъ, что за дальнѣйшія ваши произведенія прямо назначу вамъ лучшую плату, какую получаютъ наши извѣстнѣйшіе (весьма немногіе) беллетристы, т. е. 50 рублей серебромъ съ печатнаго листа. Я промѣшкалъ писать вамъ еще и потому, что не могъ сдѣлать вамъ этого предложенія ранѣе, не провѣривъ моего впечатлѣнія судомъ публики: этотъ судъ оказался какъ нельзя болѣе въ вашу пользу, и я очень радъ, что не ошибся въ мнѣніи своемъ о вашемъ первомъ произведеніи, и съ удовольствіемъ предлагаю вамъ теперь вышенаписанныя условія.

«Напишите мнѣ объ этомъ. Во всякомъ случаѣ могу вамъ ручаться, что въ этомъ отношеніи мы сойдемся. Такъ какъ ваша повѣсть имѣла успѣхъ, то намъ очень было бы пріятно получить поскорѣе второе ваше произведеніе. Сдѣлайте одолженіе, вышлите намъ, что у васъ готово. Я хотѣлъ выслать вамъ 9-й номеръ «Современника», но, къ сожалѣнію, забылъ распорядиться, чтобы отпечатали лишній, а у насъ весь журналъ за этотъ годъ въ расходѣ. Впрочемъ, если вамъ нужно, я могу выслать вамъ одинъ или два оттиска одной вашей повѣсти, набравъ изъ дефектовъ».

Въ заключеніе Некрасовъ категорически настаиваетъ, чтобы «милостивый государь» открылъ, наконецъ, маску и показалъ свое лицо. «Мы обязаны, — пишетъ онъ, — знать имя каждаго автора, котораго сочиненія печатаемъ, и потому дайте мнѣ положительныя извѣстія на этотъ счетъ. Если вы хотите, то никто, кромѣ насъ, этого знать не будетъ».

Проходитъ нѣсколько лѣтъ.

Толстой уѣзжаетъ съ Кавказа въ Задунайскую армію, затѣмъ въ Севастополь, продолжая поддерживать дѣловыя отношенія съ Некрасовымъ, какъ съ издателемъ «Современника».

За три года молодой авторъ создаетъ «Казаковъ», «Утро помѣщика», «Набѣгъ», «Отрочество», «Записки маркера», «Рубку лѣса» и др.

Вообще, можно сказать съ увѣренностью, что между 1852-мъ и 1855-мъ годами душою поручика артиллеріи владѣла не военная служба, а иные интересы. Въ одномъ изъ писемъ къ Некрасову Толстой вполнѣ опредѣленно подтверждаетъ это.

«Севастополь, 1855 г., апрѣль».

Милостивый государь Николай Алексѣевичъ.

Вы уже должны получить статью мою: «Севастополь въ декабрѣ» и обѣщаніе статьи Столыпина [1]). Вотъ она. Несмотря на дикую орѳографію этой рукописи, которую вы уже сами распорядитесь исправить, ежели она будетъ напечатана безъ цензурныхъ вырѣзокъ, чего старается всѣми силами избѣжать авторъ, вы согласитесь, я надѣюсь, что статей такихъ военныхъ или очень мало, или вовсе не печатается у насъ, къ несчастью. Можетъ быть, съ этимъ же курьеромъ пошлется статья Сакена, о которой ничего не говорю и которую, надѣюсь, вы не напечатаете. Поправки сдѣланы черными чернилами Хрулевымъ лѣвой рукой, потому что правая ранена. Столыпинъ проситъ помѣстить ихъ въ выноскахъ, ежели можно помѣстить какъ мою, такъ и Столыпинскую въ іюньской книжкѣ. Теперь мы всѣ собрались, и литературное общество падшаго журнала начинаетъ организоваться и, какъ я вамъ писалъ, ежемѣсячно вы будете получать отъ меня двѣ, три или четыре статьи современнаго военнаго содержанія. Лучшіе два сотрудника, Бакунинъ и Ростовцевъ, еще не успѣли кончить своихъ статей. Будьте такъ добры, отвѣчайте мнѣ и пишите вообще съ этимъ курьеромъ адъютантомъ Горчакова и съ будущими, которые безпрестанно снуютъ отъ васъ и сюда.

Затѣмъ съ совершеннымъ уваженіемъ имѣю честь быть покорный слуга гр. *Л. Толстой*».

Черезъ нѣкоторое время, т. е. въ іюнѣ 1855 г. Толстой пишетъ изъ Бельбека (около Севастополя) второму соиздателю и соредактору «Современника», И. И. Панаеву:

«Милостивый государь, Иванъ Ивановичъ!

Повѣрите ли, что я долженъ переломить стыдъ, который испытываю, чтобы взяться за перо и писать вамъ. Мнѣ стыдно, что я живъ и здоровъ, что только одно, ежели бы было на-

[1]) Полковой товарищъ Л. Н-ча, отецъ П. А. Столыпина.

оборотъ, могло бы служить извиненіемъ молчанію на 3 письма вашихъ и на письма, столь любезныя, волнующія меня и иногда, въ минуты самолюбиваго заблужденія, заставляющія вѣрить въ талантъ и значеніе мое въ литературѣ, которые, признаюсь, мнѣ бы очень хотѣлось имѣть. На вопросы ваши въ предыдущемъ письмѣ отвѣчаю по пунктамъ: 1) Деньги за «Отрочество» я получилъ, 2) присылать мнѣ деньги и книги по старому адресу въ Главный Штабъ, 3) и за каждую статью отдѣльно.—На мое несчастье, я обѣщалъ вамъ слишкомъ много; сотрудники мои лѣнились, когда я былъ въ Севастополѣ; теперь же съ мѣсяцъ, какъ я уѣхалъ; ничего не знаю о ихъ статьяхъ. Самъ я былъ боленъ, но, несмотря на то, надѣюсь, что дня черезъ 3 пошлю вамъ «*Разсказъ Юнкера*»—довольно большую статью, но не Севастопольскую, а Кавказскую, которая поспѣетъ къ VII книжкѣ. Вѣрьте, что мысль о военныхъ статьяхъ занимаетъ меня теперь столько же, сколько и прежде, и я на-дняхъ поѣду въ Севастополь съ тѣмъ, чтобы подгонять Ростовцева и Бакунина и взять у нихъ статьи, ежели онѣ готовы; но дѣйствительность слишкомъ богата событіями, чтобы у кого-нибудь оставалось время для мысли. За себя я все-таки вамъ отвѣчаю—по статьѣ каждый мѣсяцъ, за другихъ не навѣрное. Адресъ мой все тотъ же и все-таки черезъ курьеровъ, ежели вы устроили это. Ежели Тургеневъ въ Петербургѣ, то спросите у него позволенія на статьѣ *Разсказъ Юнкера* надписать *посвящается И. Тургеневу*. Эта мысль пришла мнѣ потому, что когда я перечелъ статью: я нашелъ въ ней много невольнаго подражанія его разсказамъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю
честь быть вашъ покорный слуга
Гр. *Л. Толстой.*

Бельбекъ, 14-го іюня 1855 г.

Пріѣхавъ въ Петербургъ курьеромъ и своего рода героемъ послѣ битвы при Черной рѣчкѣ, Толстой сразу вступаетъ, какъ равный между равными, въ семью «Современника» и дѣлается однимъ изъ желанныхъ гостей на обѣдахъ и вечеринкахъ «Современника».

Ему прощались даже такія еретическія выходки, какъ отрицательное отношеніе къ Жоржъ-Зандъ, что едва ли прошло бы безнаказанно кому-нибудь другому въ приходѣ «Современника».

Особенно отличился Толстой на первомъ обѣдѣ у Панаевыхъ. Д. В. Григоровичъ, знавшій Толстого еще по Москвѣ и взявшій на себя задачу руководить молодымъ графомъ въ ли-

тературныхъ сферахъ, поѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ на обѣдъ къ Панаевымъ и всю дорогу посвящалъ его въ редакціонныя и другія тайны «Современника». Особенно настойчиво говорилъ Григоровичъ о неумѣстности критики жоржъ-зандовскихъ идей въ присутствіи г-жи Панаевой, которая являлась всегда хозяйкой на собраніяхъ «Современника».

Толстой, видимо, былъ подавленъ аргументами Григоровича и за обѣдомъ держалъ себя «выше всякихъ похвалъ». Но въ концѣ обѣда, услыхавъ восторженный отзывъ объ одномъ изъ послѣднихъ романовъ Жоржъ-Зандъ, Л. Н. не выдержалъ и громко заявилъ себя ея непримиримымъ противникомъ.

— А героинь ея романовъ, — возгласилъ онъ горячо, т. е. дѣлая какъ разъ противное тому, о чемъ Григоровичъ читалъ лекцію по дорогѣ,—еслибы онѣ существовали въ дѣйствительности, слѣдовало бы, ради назиданія, привязать къ похоронной колесницѣ и возить по петербургскимъ улицамъ!..

Можно судить, какое впечатлѣніе произвело на присутствовавшихъ нарисованная Толстымъ перспектива! И тѣмъ не менѣе ему это сошло съ рукъ.

Но на одной изъ вечеринокъ у Некрасова съ авторомъ «Севастопольскихъ разсказовъ» произошелъ пренепріятный эпизодъ, разсказанный недавно самимъ Львомъ Николаевичемъ.

Пишущаго эти строки не разъ озадачивало одно мѣсто въ «Исповѣди» Толстого.

— Безъ ужаса,—говоритъ онъ,—безъ омерзенія и боли сердечной не могу вспоминать объ этихъ годахъ (1855 и 1856 гг. въ Петербургѣ). Я убивалъ людей на войнѣ, вызывалъ на дуэли, чтобы убить и т. д.

О какой дуэли тутъ могла быть рѣчь? Не о дуэли же съ Тургеневымъ, которая относилась къ болѣе позднему періоду—къ 1862 г.

И вотъ, будучи какъ то въ Ясной Полянѣ, я вспомнилъ о моихъ недоумѣніяхъ и спросилъ Льва Николаевича, вызывалъ ли онъ кого-нибудь на дуэль въ 50-хъ годахъ.

Дѣло было за обѣдомъ. Левъ Николаевичъ проговорилъ что то неопредѣленное, видимо, чтобы только замять этотъ вопросъ. Но, проходя черезъ нѣкоторое время мимо меня, онъ наклонился и шепнулъ:

— Я вамъ разскажу о дуэли. Приходите потомъ ко мнѣ.

Очутившись въ кабинетѣ Льва Николаевича, я услышалъ слѣдующее.

Зимою 1855—1856 гг. Левъ Николаевичъ былъ на вечеринкѣ у Некрасова. (Весь разсказъ Л. Н. велъ въ полу-грустномъ и полу-юмористическомъ тонѣ). Послѣ обѣда сѣли за карты. Некрасову принесли письмо отъ М. Лонгинова, бывшаго позднѣе начальникомъ цензуры, но въ пятидесятыхъ годахъ иногда кокетничавшаго съ «Современникомъ» и любившаго, чтобы его считали за большого либерала. И вотъ, неизвѣстно почему, М. Лонгинову вздумалось написать Некрасову въ некорректной для Толстого формѣ относительно недостаточнаго свободомыслія послѣдняго, а Некрасовъ,—неизвѣстно почему,—нашелъ нужнымъ прочитать автору «Дѣтства» выдержку изъ письма Лонгинова. Вѣроятнѣе всего, что Некрасовъ посмотрѣлъ на выходку Лонгинова, какъ на комическій эпизодъ. Но Толстой посмотрѣлъ на это иначе. Онъ ничего не сказалъ. Но, пріѣдя домой, послалъ Лонгинову очень рѣзкое письмо съ вызовомъ на дуэль.

На другой день вмѣсто секундантовъ со стороны Лонгинова къ Толстому пріѣхалъ самъ Некрасовъ. Онъ былъ взволнованъ и удрученъ.

— Если вы не возьмете вашего вызова Лонгинову назадъ,— сказалъ Некрасовъ,—то вы и со мной должны будете стрѣляться. Я—виновникъ всей этой каши и долженъ нести за нее отвѣтственность.

Но Толстой вызова своего назадъ не взялъ. Напротивъ, будучи въ тотъ же день на какомъ то собраніи, гдѣ присутствовалъ и Лонгиновъ, нѣсколько разъ проходилъ мимо него à la Лермонтовъ,—съ вызывающимъ, мрачнымъ видомъ. Лонгиновъ, однако, ничего не отвѣтилъ. И все свелось на-нѣтъ, нисколько не омрачивши дружелюбныхъ отношеній между Толстымъ и Некрасовымъ.

Напротивъ, этотъ эпизодъ какъ бы скрѣпилъ ихъ отношенія. И Некрасовъ всячески подчеркивалъ свое особенное вниманіе къ Толстому. Но для Некрасова было истиннымъ искусомъ присутствовать при пикировкахъ, возникавшихъ въ его присутствіи между Тургеневымъ и Толстымъ.

Д. В. Григоровичъ, участникъ собраній у Некрасова и неподражаемый разсказчикъ въ лицахъ, передавалъ объ этомъ со слезами смѣха на глазахъ:

— Вы себѣ представить не можете, — говорилъ онъ,—какія тутъ были сцены! Ахъ, Боже мой! Тургеневъ пищитъ, пищитъ, зажметъ рукою горло и съ глазами умирающей газели прошепчетъ: «Не могу больше. У меня бронхитъ». — И громадными шагами начинаетъ ходить вдоль трехъ комнатъ.

Л. Н. Толстой въ семьѣ.

« — Бронхитъ, — ворчитъ Толстой вослѣдъ:—бронхитъ—воображаемая болѣзнь. Бронхитъ это—*металлъ*.

«Конечно, у хозяина Некрасова душа замираетъ: онъ боится упустить и Тургенева, и Толстого, въ которомъ чуетъ капитальную опору «Современника», и приходится лавировать. Мы всѣ взволнованы, не знаемъ, что говорить. Толстой въ средней проходной комнатѣ лежитъ на сафьянномъ диванѣ и дуется, а Тургеневъ, раздвинувъ полы своего короткаго пиджака, съ заложенными въ карманы руками, продолжаетъ ходить взадъ и впередъ по всѣмъ тремъ комнатамъ. Въ предупрежденіе катастрофы подхожу къ дивану и говорю:

« — Голубчикъ Толстой, не волнуйтесь. Вы не знаете, какъ онъ васъ цѣнитъ и любитъ.

« — Я не позволю ему,—говоритъ съ раздувающимися ноздрями Толстой:—ничего дѣлать мнѣ на-зло. Это вотъ онъ нарочно теперь ходитъ взадъ и впередъ мимо меня и виляетъ своими демократическими ляжками».

Эти сцены, однако, не сопровождались для Некрасова никакимъ осложненіямъ. И все время между нимъ и авторомъ «Дѣтства» царили миръ и согласіе.

Левъ Николаевичъ не принадлежитъ къ поклонникамъ Некрасовской поэзіи. Но и до сихъ поръ относится къ Некрасову дружелюбно, признавая за нимъ «огромное драгоцѣнное качество—сочувствіе къ народу».

Какъ то вечеромъ, лѣтъ 12 назадъ, Левъ Николаевичъ возвращался съ однимъ изъ своихъ пріятелей изъ Хлудовскихъ банъ въ Москвѣ. Былъ морозный вечеръ, самъ по себѣ дѣйствовавшій на Льва Николаевича, какъ веселая музыка. Послѣ бани же онъ всегда особенно бывалъ милъ и общителенъ, придавая иногда бесѣдѣ тотъ особенный, интимный, чарующій тонъ, передъ которымъ невозможно устоять никакому замкнувшемуся сердцу. Вѣроятно, впрочемъ, даже навѣрно, угадывая, что его собесѣдникъ жаждетъ разсказовъ, относящихся къ молодости Льва Николаевича, онъ началъ разсказывать о своихъ первыхъ дебютахъ въ литературѣ, о Петербургѣ и кружкѣ «Современника»: Панаевѣ, Добролюбовѣ, Некрасовѣ и др.

Собесѣдникъ Л-а Н-ча спросилъ:

— А вамъ вполнѣ ясенъ Некрасовъ, какъ человѣкъ, какъ типъ?

— О, вполнѣ.

— И вы могли быть его другомъ?

— Другомъ? Пожалуй, нѣтъ. Но мнѣ онъ нравился больше, нежели другіе. Въ немъ не было никогда ненавистнаго мнѣ лицемѣрія. Этого въ немъ никогда не было. Напротивъ, въ немъ зачастую прорывались скорѣе грубоватость и нѣкоторый цинизмъ, нежели притворство. Какъ то мы разговорились о нѣкоторыхъ его слабостяхъ, въ которыхъ онъ откровенно признавался. Я и говорю ему:

— А какъ помрете! Не боитесь, что *тамъ* будетъ?

— «А ничего *тамъ* не будетъ»,—отвѣтилъ онъ. «Прежде я колебался на этотъ счетъ. А какъ однажды на охотѣ близкая мнѣ женщина застрѣлила мою собаку, которая была мнѣ дороже всего — и когда собака начала околѣвать и на моихъ глазахъ околѣла, тогда я рѣшилъ: и наша такова же участь... И ничего другого съ нами не будетъ».

И, задумавшись на минуту, Левъ Николаевичъ перевелъ разговоръ на другую тему.

* * *

Л. Н. Толстой охотно иногда перелистываетъ страницы прошлаго.

Онъ хорошо разсказываетъ, обладая двумя чудесными свойствами: изумительной художественной памятью и чувствомъ мѣры. Особенно прелестны его разсказы, когда онъ передаетъ событіе въ лицахъ съ различными колоритными черточками и юмористическими нотками. Но для этого необходимо, чтобы все произошло само собою.

Пишущему эти строки много разъ хотѣлось поговорить со Львомъ Николаевичемъ о Герценѣ. Но все какъ то разговоры по этому поводу обрывались, не давая полной картины отношеній между Герценомъ и Толстымъ.

Нѣчто подобное было и въ началѣ сентября 1904 года.

Въ Ясной Полянѣ гостилъ увлекающійся 80-тилѣтній юноша В. В. Стасовъ, наполнявшій домъ своимъ громкимъ оживленнымъ говоромъ.

Весь этотъ день Л. Н. былъ занятъ какой то сосредоточенной работой, и его полу-грустное лицо съ бѣлой раздвоившейся бородою являло не то чтобы усталость, а нѣкоторое отчужденіе или, скорѣе, отдаленіе отъ происходившаго вокругъ него. Чудилось, что онъ какъ бы хотѣлъ сказать намъ:

— Вы занимайтесь своими дѣлами, а на меня не обращайте вниманія: меня здѣсь нѣтъ.

Особенно это выразилось, когда зашла рѣчь о тогдашней «веснѣ», дѣлаемой въ Россіи кн. Святополкъ-Мирскимъ. Стасовъ и другіе гости очень увлекались тогдашнимъ весеннимъ періодомъ и возлагали на кн. Святополкъ-Мирскаго великія надежды.

Л. Н. грустно качалъ головой.

Рѣчь перешла на прежніе «весенніе» дни въ Россіи, на 50-е и 60-е года. Кто то упомянулъ о Герценѣ.

На Стасова это имя подѣйствовало, какъ стукъ дирижерской палочки на музыкантовъ. Онъ съ юношескимъ увлеченіемъ заговорилъ о Герценѣ, о его обаятельной личности и о своемъ знакомствѣ съ Герценомъ въ Лондонѣ. Но, лишенный художественной памяти, милѣйшій Владиміръ Васильевичъ не прибавилъ къ портрету Герцена ни одного яркаго мазка.

— Ахъ, Герценъ!—сказалъ, оживившись, Левъ Николаевичъ.— А я какъ разъ сегодня просматривалъ его. Какой удивительный талантъ!

И Л. Н. началъ полу-цитировать прочитанный имъ намедни юмористическій очеркъ Герцена о смотрѣ войскъ въ Австріи. Но затѣмъ, видимо, не полагаясь на память и желая угостить присутствующихъ чѣмъ то особенно вкуснымъ, Л. Н. попросилъ принести изъ его кабинета сочиненія Герцена.

— Вы послушайте, какъ все это удивительно у него,—говорилъ Л. Н., интригующе и подсаживаясь къ столу.

Принесли небольшую потертую книгу...

Будучи въ ударѣ, Л. Н. безподобно читаетъ юмористическія вещи.

И тутъ, читая искрящіеся юморомъ отрывки изъ Герцена, онъ какъ то особенно пропускалъ сквозь бѣлые пушистые усы юмористическую нотку за ноткой, особенно когда читалъ о «габсбургской губѣ» кронъ-принца, о «зачисленіи по химіи» послѣ смерти и т. п. Было, дѣйствительно, прелестное эстетическое угощеніе, прерываемое взрывами смѣха всѣхъ присутствовавшихъ и самого Льва Николаевича.

Послѣ чтенія Стасовъ опять заговорилъ о Герценѣ, о его внѣшности, о его жизни въ Лондонѣ. Но опять не давая ни яркихъ красокъ, ни характерныхъ штриховъ. Одинъ только эпизодъ изъ жизни Герцена произвелъ значительное впечатлѣніе. Стасовъ разсказывалъ со словъ извѣстнаго фотографа и родственника Герцена С. Л. Левицкаго, что будто однажды въ 60-хъ годахъ, во время свиданія обоихъ семействъ, т. е. Левицкихъ и

Герценовъ, А. И. Герценъ, разговорившись о Россіи, вдругъ всталъ, пошелъ, заперъ двери и, будто сказалъ:

«Ну, теперь, господа, мы вотъ что сдѣлаемъ. Давайте пропоемъ «Боже царя храни».

Всѣ удивились, но, будто, послушались. И «Боже царя» было пропѣто нѣсколько разъ всѣми присутствующими. «Конечно, ни слова Жуковскаго, ни музыка Львова не интересовали Герцена, но дорого и горячо было воспоминаніе о Россіи, о молодыхъ невозвратныхъ годахъ, о толпѣ народа, о давно невиданныхъ лицахъ друзей и знакомыхъ».

Левъ Николаевичъ не возражалъ и не поддакивалъ Стасову, а только повторялъ свое универсальное «Гмъ».

— Владиміръ Васильевичъ, вѣдь Левъ Николаевачъ лично зналъ Герцена и бывалъ у него въ Лондонѣ,—шепнулъ Стасову одинъ изъ присутствовавшихъ, когда вниманіе Льва Николаевича было на минуту отвлечено чѣмъ то.

Стасовъ откинулся своей богатырской фигурой на спинку стула, всплеснулъ отъ радостнаго изумленія руками и загудѣлъ на весь домъ:

— Левъ Николаевичъ, пожалуйста, пишите ваши воспоминанія о Герценѣ. Вѣдь это такъ страшно интересно. Такъ глубоко значительно... Ради Бога, не откладывайте...

Л. Н. улыбался и пытался отдѣлаться какой то шуткой въ родѣ того, что онъ «уже столько написалъ пустяковъ въ своей жизни, что пора и честь знать».

В. В. Стасовъ вскрикивалъ при этихъ словахъ, какъ будто ему надавливали на больной зубъ:

— Ай, что вы говорите!..

Описанный эпизодъ говоритъ самъ за себя, т. е. какъ мы мало интересуемся нашими настоящими «героями», если даже такой огромный фактъ, какъ отношенія между Толстымъ и Герценомъ—этими орлами русской мысли—все еще находится «во мракѣ неизвѣстности» и могъ ускользнуть отъ вниманія даже такого знатока русскаго искусства, какимъ, несомнѣнно, былъ В. В. Стасовъ.

Чѣмъ были Герценъ и Толстой въ отношеніи другъ друга? «Братьями», «чужаками», или даже «врагами»? Все это до сихъ поръ совершенно не выяснено.

По разбросаннымъ же въ различныхъ мѣстахъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, касающимся этихъ вопросовъ, можно съ одинаковымъ успѣхомъ выводить и то, и другое, и третье.

Такъ, Г. П. Данилевскій разсказываетъ о слѣдующемъ эпизодѣ. Онъ познакомился съ Толстымъ въ Петербургѣ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ минувшаго вѣка, въ семействѣ одного извѣстнаго скульптора-художника. Тогда авторъ «Севастопольскихъ разсказовъ» только что пріѣхалъ въ Петербургъ и былъ «молодымъ статнымъ артиллерійскимъ офицеромъ». Его очень схожій портретъ того времени помѣщенъ въ извѣстной фотографической группѣ Левицкаго, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ изображены Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій и Дружининъ.

— Какъ теперь помню, — говоритъ Данилевскій, — вошелъ тогда графъ Л. Н. Толстой въ гостиную хозяйки дома во время чтенія вслухъ новаго произведенія Герцена. Тихо ставъ за кресломъ чтеца и дождавшись конца чтенія, онъ сперва мягко и сдержанно, а потомъ съ такой горячностью и смѣлостью напалъ на Герцена и на общее тогдашнее увлеченіе его сочиненіями и говорилъ съ такой искренностью и доказательностью, что въ этомъ семействѣ впослѣдствіи я уже не встрѣчалъ изданій Герцена.

Нѣкоторымъ этотъ разсказъ кажется сгущеннымъ въ своихъ краскахъ. «Что жъ это за люди такіе, которые могли восхищаться писателемъ или терять всякій интересъ къ нему въ зависимости отъ того, какъ выскажется о писателѣ «статный артиллерійскій офицеръ»?

«И еще: какъ совмѣстить въ авторѣ «Севастопольскихъ разсказовъ» тонкое писательское чутье и своего рода анаѳему къ такому безподобному писателю, какъ А. И. Герценъ?»

Но лично я считаю приведенный Данилевскимъ разсказъ вполнѣ возможнымъ при условіи, что рѣчь шла не вообще о Герценѣ, а о нѣкоторыхъ его политическихъ статьяхъ, гремѣвшихъ тогда на всю Европу въ «Колоколѣ».

И тогда все становится понятнымъ, потому что тогдашній Толстой не могъ иначе и отнестись къ *революціонеру* Герцену, какъ онъ отнесся.

А слова: «Герценъ» и «революціонеръ» даже до сихъ поръ еще для многихъ однозначащи и только произносятся различно.

Съ особенной рѣзкостью вылилось у Толстого его отрицательное отношеніе къ революціонной дѣятельности Герцена въ одномъ изъ его писемъ за 1862 г. по поводу обыска, произведеннаго въ Ясной Полянѣ.

«Теперь я имѣю злобу и отвращеніе,—писалъ Толстой,— почти ненависть къ тому милому правительству, которое отъ-

скиваетъ у меня литографскіе и типографскіе станки для перепечатыванія прокламацій Герцена, которыя я презирою и не имѣю терпѣнія дочесть отъ скуки. Это фактъ — у меня разъ лежали недѣлю всѣ эти прелести — прокламаціи и «Колоколъ». И я такъ и отдалъ, не прочтя. Мнѣ это скучно. Я все это знаю и презираю не для фразы, а отъ всей души».

И дальше, говоря о своемъ рѣшеніи уѣхать за границу, Толстой писалъ: «Къ Герцену я не поѣду. Герценъ самъ по себѣ, а я самъ по себѣ».

Изъ всего, здѣсь приведеннаго, значительную дозу надобно, конечно, отнести къ особенно возбужденному состоянію, въ которомъ находился тогда Л. Н. Толстой. Онъ былъ потрясенъ и возмущенъ грубымъ отношеніемъ къ нему тогдашнихъ спасателей отечества. (Явились, конечно, ночью, читали его интимнѣйшія письма, довели до обморока тетку-старуху и проч. и проч.). Л. Н. впослѣдствіи благословлялъ судьбу, избавившую его отъ присутствія при обыскѣ и помѣшавшую ему *сдѣлаться убійцей*.

Но фактъ все-таки остается фактомъ, который не отрицаетъ, а подкрѣпляетъ возможность того, что приписываетъ Толстому Данилевскій и что совершенно расходится съ истиннымъ отношеніемъ Толстого къ Герцену, какъ писателю, котораго Л. Н. ставитъ рядомъ съ Пушкинымъ и Гоголемъ. Остается предположить, что Толстой только впослѣдствіи обстоятельно познакомился съ писательской личностью автора «Былое и думы». Иначе трудно понять Толстовскую характеристику Герцена, какъ «разметавшагося ума съ больнымъ самолюбіемъ», сдѣланную Л. Н. въ своемъ дневникѣ въ 1860 г.

А между тѣмъ, Толстого, видимо, тянуло къ Герцену даже и тогда, когда онъ «разносилъ его». Относительно этого есть летучій намекъ въ одномъ изъ писемъ Тургенева къ Герцену.

«Некрасовъ (котораго ты не любишь),—пишетъ Тургеневъ,— былъ въ восхищеніи отъ послѣдняго отрывка твоихъ мемуаровъ. Толстой тоже будетъ въ Англіи; ты его полюбишь, я надѣюсь, и *онъ тебя*». (Курсивъ нашъ) Парижъ, 1857 г., 11, 16.

Но почему то въ 1857 г. поѣздка Толстого въ Лондонъ не состоялась, хотя онъ и разъѣзжалъ по всей Европѣ. Онъ посѣтилъ Герцена только въ 1861 г. и пробылъ въ Лондонѣ около 6-ти недѣль. Во время своего пребыванія въ Лондонѣ Л. Н. Толстой жадно отдавался лондонскимъ впечатлѣніямъ, много ходилъ, много ѣздилъ и часто бывалъ у Герцена, однако, ни Гер-

ценъ, ни Толстой, повидимому, не вынесли изъ своихъ свиданій ни вдохновенья, ни любви.

Ни у Герцена, ни у Толстого нигдѣ нѣтъ ни одной яркой страницы объ ихъ знакомствѣ. Между тѣмъ, Толстой описывалъ въ своихъ письмахъ изъ-за границы даже незначительныя (сравнительно) встрѣчи и знакомства.

По нѣкоторымъ отрывочнымъ намекамъ, слышаннымъ мною, я позволяю себѣ думать, что тутъ сыграли роль индивидуальныя свойства, лежащія въ натурахъ Герцена и Толстого: ихъ огневые темпераменты и независимые, не поддающіеся ломкѣ характеры, столкнувшіеся на почвѣ принципіальныхъ разногласій.

И Герценъ и Толстой не то, чтобы разочаровались другъ въ другѣ и оттолкнулись одинъ отъ другого, какъ два предмета, заряженные положительнымъ электричествомъ: не имѣя возможности писать другъ о другѣ въ повышенномъ тонѣ, предпочли ничего не писать другъ о другѣ.

Такъ и осталась незаполненной одна изъ самыхъ любопытныхъ страницъ исторіи русской литературы. Только кое-гдѣ чернѣются на ней отдѣльныя фразы, написанныя къ тому же чужими руками.

Такъ, Н. А. Огарева (Тучкова) разсказываетъ, что когда по пріѣздѣ ея изъ Россіи въ Лондонъ она начала говорить Герценамъ о новой литературной звѣздѣ въ Россіи, о писателѣ Толстомъ, написавшемъ «Дѣтство», «Отрочества», «Юность» и проч., то оказалось, что Герценъ уже читалъ многое изъ Толстовскихъ произведеній и восхищался ими. Особенно удивлялся Герценъ толстовской смѣлости говорить о такихъ тонкихъ и глубоко затаенныхъ чувствахъ, которыя никѣмъ еще не были высказаны съ такой прямотою.

«И вотъ»—разсказываетъ Н. А. Огарева,—«Толстой у насъ (т. е. въ Лондонѣ, у Герценовъ). Мы поспѣшили съ Наташей (жена Герцена) въ гостиную, чтобъ взглянуть на замѣчательнаго соотечественника, котораго читала вся Россія. Когда мы вошли, графъ Толстой о чемъ то горячо спорилъ съ Тургеневымъ. Огаревъ и Герценъ тоже принимали участіе въ этомъ разговорѣ. Въ то время (въ 61 г.) Толстому было на видъ около тридцати лѣтъ. Онъ былъ средняго роста, черты его лица были некрасивы, маленькіе сѣрые (?) глаза исполнены какой то проницательности и задумчивости. Странно только, что вообще выраженіе его лица никогда не имѣло того дѣтскаго добродушія, которое виднѣлось иногда въ улыбкѣ Ивана Сергѣевича (Тургенева) и было такъ привлекательно въ немъ.

Когда мы вошли, начались обыкновенныя представленія. Конечно, Толстой и не воображалъ, съ какимъ трепетомъ мы пожали ему руку и не говорили даже съ нимъ, а только слушали его и разговоры съ другими... Онъ ѣздилъ къ намъ ежедневно. Спустя нѣсколько дней, стало очевидно, что, какъ писатель, онъ гораздо симпатичнѣе, чѣмъ какъ мыслитель, потому что былъ иногда не логиченъ, сторонникъ фатализма, онъ часто имѣлъ горячіе споры съ Тургеневымъ, въ которыхъ они говорили другъ другу весьма непріятныя вещи. Когда споры прекращались, и Толстой былъ въ хорошемъ настроеніи, онъ пѣлъ, аккомпанируя себѣ на фортепіано, солдатскія пѣсни, сочиненныя имъ во время войны. Слушая его, мы много смѣялись».

Другая свидѣтельница пребыванія Толстого у Герценовъ въ Лондонѣ—дочь Герцена, Наталія Александровна, разсказывала П. И. Бирюкову, что она смутно помнитъ о толстовскихъ посѣщеніяхъ. Она была тогда еще маленькой дѣвочкой, хотя уже читала первыя произведенія Толстого и восхищалась ими. Узнавъ отъ отца, что Толстой будетъ у нихъ, она выпросила позволеніе присутствовать при этомъ свиданіи... Въ назначенный день и часъ она забралась къ отцу въ кабинетъ и помѣстилась въ креслѣ, въ самомъ дальнемъ углу, стараясь быть незамѣченной. Вскорѣ лакей доложилъ о пріѣздѣ графа Толстого. Она съ замираніемъ сердца ждала его появленія. И каково же было ея разочарованіе, когда она увидала франтоватаго, по послѣдней англійской модѣ одѣтаго человѣка, со свѣтскими манерами, вошедшаго въ кабинетъ и начавшаго съ увлеченіемъ разсказывать о пѣтушиныхъ бояхъ и о состязаніяхъ боксеровъ, которыхъ онъ насмотрѣлся въ Лондонѣ! Вотъ и все, что осталось въ памяти у дочери Герцена отъ свиданія ея знаменитаго отца съ величайшимъ изъ русскихъ писателей!

— Былъ франтовски одѣтъ и говорилъ о пѣтухахъ.

Но разсказы какъ Н. А. Огаревой, такъ и дочери Герцена нуждаются въ поясненіи.

Очевидно, что и въ томъ, и въ другомъ случаѣ рѣчь шла не о первомъ свиданіи съ Герценомъ, а объ одномъ изъ послѣдующихъ свиданій.

Первое свиданіе Толстого съ Герценомъ произошло не въ квартирѣ Герцена, а на лѣстницѣ дома, въ которомъ жилъ Герценъ. И Тургеневъ при этомъ не присутствовалъ.

Объ этомъ какъ то разсказывалъ самъ Левъ Николаевичъ, щеголяя такими подробностями изъ свиданія съ Герценомъ, какъ будто оно происходило на-дняхъ.

Было это такъ. Въ Ясную Поляну пришелъ съ чемоданчикомъ въ рукѣ одинъ изъ почитателей Льва Николаевича, нѣкто В. П. Онъ совершилъ чуть не кругосвѣтное путешествіе, пока добрался до Ясной Поляны. Сибирякъ, сынъ зажиточныхъ родителей, В. П. почувствовалъ влеченіе къ «новой жизни», оставилъ отца и мать и прилѣпился къ своей идеѣ. Былъ въ Японіи, былъ въ Америкѣ, въ Англіи и достигъ, наконецъ, обѣтованной земли.

Съ этимъ искателемъ новой жизни и бесѣдовалъ Левъ Николаевичъ за обѣдомъ, разспрашивая своего гостя о Сибири, объ Японіи, объ Америкѣ и подробностяхъ морского путешествія.

Разговоръ сосредоточивается на особенностяхъ лондонской жизни.

Л. Н., передъ этимъ полу-жаловавшійся, что онъ въ послѣднее время иногда забываетъ, что было вчера, началъ съ мельчайшими подробностями разсказывать о лондонскихъ улицахъ въ 60-хъ годахъ минувшаго вѣка, объ экипажахъ, о литературномъ вечерѣ, на которомъ читалъ Диккенсъ, и проч. И нѣсколькими изумительными штрихами набросалъ портретъ Диккенса, затѣмъ, очевидно, по ассоціаціи идей, началъ разсказывать о своемъ свиданіи съ Герценомъ.

Сначала Л. Н. хотѣлъ просто посѣтить Герцена, какъ пріѣзжій русскій. Но его не приняли. Тогда онъ послалъ свою карточку. Черезъ нѣкоторое время наверху послышались быстрые шаги, и по лѣстницѣ, какъ мячъ, слетѣлъ Герценъ. Онъ поразилъ Льва Николаевича своей внѣшностью небольшого толстенькаго человѣка и внутреннимъ электричествомъ, исходившимъ изъ него.

— Живой, отзывчивый, умный, интересный,—пояснилъ Левъ Николаевичъ, по обыкновенію иллюстрируя оттѣнки своихъ мыслей движеніями рукъ,—Герценъ сразу заговорилъ со мною такъ, какъ будто мы давно знакомы, и сразу заинтересовалъ меня своей личностью. Я ни у кого уже потомъ не встрѣчалъ такого рѣдкаго соединенія глубины и блеска мыслей... Онъ сейчасъ же, это я хорошо помню, повелъ меня почему то не къ себѣ, а въ какой то сосѣдній ресторанъ сомнительнаго достоинства. Помню, меня это даже нѣсколько покоробило. Я былъ въ то время страшнымъ франтомъ, носилъ цилиндръ, пальмерстонъ и проч., а Герценъ былъ даже не въ шляпѣ, а въ какой то плоской фуражкѣ.

Къ намъ тутъ же подошли польскіе дѣятели, съ которыми Герценъ возился тогда. Онъ познакомилъ меня съ ними, но по-

томъ, вѣроятно, пожалѣлъ, потому что сказалъ мнѣ, когда мы остались вдвоемъ:

— «Сейчасъ видна русская безтактность. Развѣ можно было такъ говоритъ при полякахъ?»

Но все это вышло у Герцена просто, дружественно и даже обаятельно. Я не встрѣчалъ болѣе такихъ обаятельныхъ людей, какъ онъ. Онъ неизмѣримо выше всѣхъ политическихъ дѣятелей того и этого времени. Главное же его преимущество заключалось въ томъ, что у него, кромѣ всего, было еще и высокое религіозное сознаніе... У него же я познакомился и съ Огаревымъ. Но Огаревъ уже не то. Онъ милый, хорошій, но далеко не то. И у Тургенева этого не было, хотя Тургеневъ былъ тоже милый и обаятельный человѣкъ, — поспѣшно добавилъ Л. Н., какъ бы желая предупредить всякую мысль, что будто онъ питаетъ къ Тургеневу неблагожелательное чувство.— Кстати, куда дѣвалась фотографія Герцена съ Огаревымъ, которую они мнѣ подарили?—спросилъ Левъ Николаевичъ, обращаясь къ домашнимъ.

Кто то сказалъ, что фотографія взята графомъ Сергѣемъ Львовичемъ Толстымъ для отпечатанія и распространенія.

Л. Н. сдѣлалъ одобрительный знакъ и опять съ особеннымъ одушевленіемъ началъ говорить о Герценѣ, о его замѣчательномъ языкѣ и о силѣ мысли.

— Какъ это удивительно глубоко у него сказано: «Когда бы люди захотѣли вмѣсто того, чтобы спасать міръ, спасать себя; вмѣсто того, чтобы освобождать человѣчество, себя освобождать, — какъ много бы они сдѣлали для спасенія міра и для освобожденія человѣчества!..»

И, сдѣлавъ паузу, Левъ Николаевичъ вдумчиво произноситъ:

— Не будь русское правительство такъ остроумно и будь Герценъ общедоступенъ русскому обществу,—*не было бы перваго марта.*

Продолжая говорить о большихъ заслугахъ Герцена, Л. Н. вспоминаетъ объ одномъ своемъ другѣ, молодомъ французѣ, живущемъ на Кавказѣ и написавшемъ монографію о Герценѣ. Л. Н. съ нѣжнымъ сочувствіемъ отзывается объ этой работѣ и говоритъ:

— Очень бы хотѣлось написать предисловіе къ ней. Но не знаю, успѣю ли. Жить осталось такъ мало.

Наступаетъ глубокое молчаніе.

Вспоминается еще одна бесѣда со Львомъ Николаевичемъ о Герценѣ.

Дѣло было въ 1893 г. Пишущему это пришлось быть вечеромъ въ концѣ марта у Толстыхъ, въ ихъ домѣ, что въ Долго-Хамовническомъ переулкѣ. По обыкновенію, были гости. Помню, были: И. И. Горбуновъ-Посадовъ, художникъ Н. А. Касаткинъ, потомъ пришелъ студентъ Маклаковъ (теперешній членъ Государственной Думы) и др. Льва Николаевича долго не было. Но вотъ онъ появился, и всѣ сразу оживились, несмотря на его усталый видъ. Но усталость его была только кажущаяся.

У него въ этотъ день было нѣчто въ родѣ праздника. Л. Н. закончилъ, наконецъ, и отправилъ за границу свою любимѣйшую работу, надъ которой горѣлъ душою нѣсколько лѣтъ: «Царство Божіе внутри васъ». Это и сообщало его лицу особенный отблескъ. Не помню ужъ, по какому поводу заговорили о Герценѣ. Л. Н. еще болѣе освѣтился изнутри и началъ проникновенно говорить о томъ, какъ огромно значеніе Герцена для Россіи.

— Вѣдь ежели бы выразить значеніе русскихъ писателей процентно, въ цифрахъ, — сказалъ Л. Н., показывая на пальцахъ,—то Пушкину надо бы отвести 30%, Гоголю—20%, Тургеневу—10%, Григоровичу и всѣмъ остальнымъ около 20%. Все же остальное принадлежитъ Герцену. Онъ изумительный писатель. Онъ глубокъ, блестящъ и проницателенъ. И будь онъ доступенъ русской молодежи,—не было бы *1-го марта*...

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Л. Н. Ге, Левъ Николаевичъ еще опредѣленнѣе развиваетъ эту мысль:

«Все послѣднее время мы читали и читали Герцена. Что за удивительный писатель! Наша русская жизнь за послѣднія 20 лѣтъ была бы не та, еслибъ этотъ писатель не былъ скрытъ отъ молодого поколѣнія. Изъ организма русскаго общества вынутъ насильственно очень важный органъ» ..

П. Сергѣенко.

Л. Н. Толстой и Н. Н. Страховъ.

(Изъ личныхъ воспоминаній).

I.

Я познакомился съ Николаемъ Николаевичемъ Страховымъ лѣтомъ 1894 года въ Ясной Полянѣ. Николай Николаевичъ гостилъ все это лѣто въ семействѣ гр. Толстыхъ, а я состоялъ тамъ репетиторомъ двухъ сыновей-гимназистовъ.

Когда я пріѣхалъ въ половинѣ іюня этого года въ Ясную Поляну и вошелъ въ залъ къ утреннему чаю, я увидѣлъ за столомъ, кромѣ гувернантки съ младшими дѣтьми, какого то старика съ длинной сѣдой бородой и пожелтѣвшими отъ табачнаго дыма усами. Старикъ курилъ и читалъ газеты.

Я не зналъ, что это былъ Страховъ, да еслибы и зналъ, его имя сказало бы мнѣ очень мало. Въ единственной тогда исторіи новѣйшей русской литературы, составленной А. М. Скабичевскимъ, о Страховѣ было сказано нѣсколько пренебрежительныхъ строкъ, изъ которыхъ можно было только понять, что это писатель, не стоящій вниманія.

Старикъ съ сѣдой бородой, пока старшіе Толстые не вышли къ чаю, вступилъ со мной въ разговоръ, оставивъ свои газеты.

Познакомившись потомъ ближе со Страховымъ и наблюдая его отношенія съ Л. Н. Толстымъ, я понялъ, почему ихъ связывала дружба. Страховъ былъ очень образованный человѣкъ. Въ духовной семинаріи онъ прошелъ богословскую школу, въ университетѣ—естественно-научную. Самообразованіемъ онъ достигъ большихъ познаній въ философіи и литературѣ. Кругъ интересовъ Страхова былъ чрезвычайно широкъ. Онъ постоянно читалъ—журналы, газеты, книги на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ языкахъ. Такой разносторонне и широко образованный человѣкъ былъ находкой для Толстого. Онъ помогалъ писателю быть въ курсѣ интереснѣйшихъ и важнѣйшихъ

идей времени. Вотъ почему они стали друзьями: Толстой цѣнилъ образованность Страхова; Страховъ преклонялся передъ литературнымъ геніемъ Толстого.

Въ первый вечеръ моего пребыванія въ домѣ Толстыхъ мы собрались у круглаго стола въ залѣ. Дѣвицы играли въ какую то игру, въ которой нужно было двигать шашки по замысловатымъ узорамъ на бумагѣ; дамы работали. Левъ Николаевичъ спрашивалъ Страхова о журнальныхъ новостяхъ. Разговоръ перешелъ на поэтовъ.

«Не понимаю и не люблю стиховъ», заявилъ Левъ Николаевичъ: «это какіе то ребусы, къ которымъ нужно давать разъясненія».

— «А вы сами когда то увлекались Фетомъ», замѣтилъ на это Страховъ, который былъ поклонникомъ и другомъ Фета, написалъ предисловіе къ посмертному изданію его стиховъ и собирался писать его большую біографію.

«То было время», упорствовалъ Левъ Николаевичъ: «тогда стихи имѣли смыслъ, а теперь нѣтъ. Да, въ 40-хъ годахъ Фетъ писалъ милыя, хорошія вещи, изъ которыхъ я многія знаю наизусть; а въ послѣднихъ нѣтъ ни поэзіи, ни смысла. Ну-ка, у кого ноги быстрыя, принесите Фета».

Быстрыя ноги оказались у старшей дочери, Татьяны Львовны. Она принесла два тома новаго изданія стихотвореній Фета, и Левъ Николаевичъ сталъ ихъ перелистывать.

«Слушайте!» Онъ началъ читать вслухъ стихотворенія «Алмазъ», «Сивилла» и др. «Ну, что это такое? Не понимаю. А ну, это кто пойметъ, тому двугривенный дамъ. Ну-ка, Николай Николаевичъ, вы спеціалистъ по этой части, объясните! Э, вижу, сами не понимаете».

Левъ Николаевичъ, впрочемъ, говорилъ это полушутя, и присутствовавшіе относились не серьезно къ его словамъ. Одна графиня Софья Андреевна энергично возражала мужу, объясняла стихи Фета, которые онъ отказывался понять, указывала на то, что когда то Левъ Николаевичъ понималъ любовь, а теперь уже не можетъ понять. Я едва удерживался отъ смѣха, когда Левъ Николаевичъ нарочно выбиралъ самыя туманныя стихотворенія и читалъ ихъ со своими курьезными примѣчаніями. Страховъ, спеціалистъ по Фету, не защищалъ и не спорилъ. Въ кругу Толстыхъ онъ былъ мягокъ и деликатенъ, хотя по выраженію его лица и по его особенному смѣшку видно было, что изъ него не легко выбить то, въ чемъ онъ увѣренъ.

Графиня стала разсказывать о Фетѣ, о процессѣ его творчества. Самъ Фетъ говорилъ ей, что онъ никогда не сочинялъ стиховъ, что у него такъ: «ходитъ—и вдругъ является».

«Ну, ужъ скорѣе чудесамъ Иверской повѣрю, чѣмъ этому,— сказалъ на это Левъ Николаевичъ:— Все сочиняютъ. Можетъ быть, что-нибудь явится, настроеніе, мысль, а все остальное сочиняютъ. И зачѣмъ пишутъ? Еще повѣсть такъ-сякъ: когда отупѣешь, можно читать; а стихи — это какой то умственный развратъ».

Все это говорилось въ томъ же полушутливомъ тонѣ, который не выражалъ истинныхъ мнѣній Толстого. Черезъ мѣсяцъ послѣ этого разговора редакція «Посредника» была занята подготовленіемъ сборника стиховъ для дешеваго народнаго изданія. Страховъ выбралъ около десяти стихотвореній изъ Фета для этого сборника и представилъ ихъ на утвержденіе Толстому. Левъ Николаевичъ изъ нихъ утвердилъ всѣ описательныя стихотворенія, которыя онъ особенно любитъ у Фета, и отвергъ стихотворенія полуясныя, съ неопредѣленными порывами, а также стихотворенія анакреонтическія, красота которыхъ ему представлялась слишкомъ условной.

Хотя Страховъ бывалъ въ Воробьевкѣ, имѣніи Фета, и многое зналъ о его жизни, но, собираясь писать большую біографію поэта, онъ разспрашивалъ о немъ у Толстого, который давно и близко былъ знакомъ съ Фетомъ. Въ разсказахъ Льва Николаевича о Фетѣ всегда звучала юмористическая нота. Онъ подсмѣивался надъ его увлеченіемъ классицизмомъ. Фетъ совсѣмъ не зналъ греческаго языка, но такъ какъ у нѣмцевъ—классицизмъ, то и онъ толковалъ о необходимости греческаго языка въ русскихъ гимназіяхъ. Относительно наслѣдника литературныхъ правъ Фета Толстой высказывалъ предположеніе, что тотъ немного получитъ отъ его сочиненій, такъ какъ стихотворенія Фета будутъ печататься еще довольно долго, но расходиться будутъ мало, а его переводы и того меньше.

Я задалъ вопросъ, который меня интересовалъ и раньше: что читалъ Фетъ? «Французскіе романы, отвѣчалъ Левъ Николаевичъ, иногда русскіе, а иной разъ и другую книжку возьметъ». Онъ отзывался о Фетѣ, какъ о человѣкѣ очень способномъ, но удивительно лѣнивомъ, питавшемъ отвращеніе ко всякой подготовительной работѣ, и разсказывалъ примѣры, какъ Фетъ не любилъ и прямо не могъ исправлять и передѣлывать того, что написалъ.

II.

Н. Н. Страховъ не оставлялъ лѣтомъ своихъ литературныхъ работъ и былъ между прочимъ занятъ корректурой сочиненія Н. Я. Данилевскаго «Россія и Европа», которое выходило вторымъ изданіемъ.

Я вызвался помочь ему и взялъ для корректуры одинъ изъ первыхъ листовъ, но оказался плохимъ корректоромъ, такъ какъ заинтересовался содержаніемъ и пропускалъ ошибки въ словахъ и знакахъ препинанія. Въ моемъ листѣ проводилась такая параллель между западной Европой и Россіей, которая въ устахъ русскаго автора показалась мнѣ большимъ самохвальствомъ. По Данилевскому, на Западѣ въ политикѣ и религіи всегда было насиліе; у насъ—добровольное призваніе правителей и религіозная терпимость. Тамъ всякой реформѣ предшествовала кровавая борьба партій; у насъ реформа назрѣваетъ изнутри, а потомъ совершается безболѣзненно, и т. д.

За вечернимъ чаемъ у меня со Страховымъ завязался разговоръ по поводу содержанія моего корректурнаго листа. Я нападалъ на Данилевскаго за чрезмѣрную идеализацію русской исторіи, Страховъ защищалъ его.

Левъ Николаевичъ сначала былъ углубленъ за сосѣднимъ столомъ въ просмотръ своей статьи «Христіанство и патріотизмъ», напечатанной впервые по-англійски въ газетѣ Daily Chronicle; потомъ онъ подсѣлъ къ чайному столу и занялся блюдомъ съ ягодами.

«Эге, Николай Николаевичъ,—сказалъ онъ, прислушиваясь къ нашему спору:—у васъ, очевидно, завелся тутъ противникъ изъ другого лагеря».

Страховъ засмѣялся. «Да, очевидно, мы съ Владиміромъ Ѳеодоровичемъ разныхъ лагерей», сказалъ онъ обо мнѣ.

«А я, грѣшный человѣкъ,—продолжалъ Левъ Николаевичъ,—согласенъ съ тѣмъ, что говоритъ Владиміръ Ѳеодоровичъ, это былъ всегдашній пунктъ моего разногласія со славянофилами».

Тутъ Толстой сталъ долго говорить на тему, о которой писалъ въ статьѣ «Христіанство и патріотизмъ». Для него всѣ люди равны, и ближе не тотъ, кто говоритъ на языкѣ похожемъ, а тотъ, у кого болѣе высокіе духовные интересы. «Вотъ я сейчасъ пишу письмо къ англичанину. Я его никогда въ глаза не видалъ, а онъ мнѣ ближе многихъ изъ тѣхъ, кого я вижу каждый день».

Разгорячаясь все больше и больше, Толстой сталъ говорить о вредѣ патріотизмовъ всѣхъ сортовъ, которые ведутъ только къ самодовольству и разъединенію людей. Онъ съ такой энергіей напалъ на русскій патріотизмъ, русскую исторію, русскую церковь, что хотя я долженъ былъ видѣть въ немъ союзника, но мнѣ стало жаль бѣдную Россію въ его раздѣлкѣ. Когда ему нужны были примѣры, онъ ссылался на статьи Владиміра Соловьева, въ которыхъ тотъ полемизировалъ противъ славянофиловъ. За собой Толстой не признавалъ достаточныхъ историческихъ знаній для такого спора. Страховъ пытался защищать Россію, возражалъ разомъ и противъ своего литературнаго противника Владиміра Соловьева, и противъ Толстого, но защита его выходила слишкомъ слабой въ сравненіи съ бурнымъ натискомъ Льва Николаевича.

«Впрочемъ, всѣ эти разные толки—ни къ чему,—оборвалъ споръ Толстой.—Люди занимаются ими отъ праздности. Когда нужно сѣнокосъ убирать, этими пустяками некогда заниматься. Когда умъ говоритъ, что нужно осуществлять стремленіе къ царству Божію на землѣ, тогда нечего прибѣгать къ исторіи: все само приладится. А я лично не могу отрѣшиться отъ этихъ мыслей: это моя жизнь. Не сегодня — завтра я, можетъ быть, пойду съ ними къ Богу. Я считаю своею обязанностью, своимъ нравственнымъ долгомъ говорить объ этомъ. Можетъ быть, я для этого родился на свѣтъ».

На другой день, когда мы со Львомъ Николаевичемъ косили въ саду послѣ обѣда, онъ вспомнилъ вчерашній разговоръ. «Что это вы все задираете Николая Николаевича,—обратился онъ ко мнѣ:—А я нарочно прочелъ сегодня листъ Данилевскаго, гдѣ онъ говоритъ, что мы хороши, а Европа не хороша. Николай Николаевичъ—другъ Данилевскаго и защищаетъ его. Это у него слабая сторона, старое преданіе о совмѣстной работѣ съ Достоевскимъ и славянофилами!»

Мнѣ давно хотѣлось узнать мнѣніе Льва Николаевича о Страховѣ, и я воспользовался этимъ случаемъ. «Въ чемъ сила Николая Николаевича, какъ критика,—спросилъ я:—въ тонкомъ художественномъ чутьѣ»?

«Отчасти въ этомъ,—отвѣчалъ Левъ Николаевичъ:—а главное—онъ очень остороженъ и имѣетъ то, что китайцы называютъ уваженіемъ (у нихъ это особенная духовная способность—умѣть уважать). Николай Николаевичъ всегда сумѣетъ взглянуть на предметъ съ наиболѣе выгодной его стороны и освѣ-

тить ее. Но вообще онъ не блестящій талантъ. Это я долженъ сказать, хоть и очень люблю его».

Изъ-за книги Данилевскаго «Россія и Европа» Страховъ запутался въ полемику съ Владиміромъ Соловьевымъ. Толстому это не нравилось. Онъ жаловался, что полемика давно уже перешла на мелочи и мало интересныя частности.

«Какъ разскажетъ мнѣ Николай Николаевичъ, я помню,—говорилъ онъ:—а потомъ сейчасъ же все забудешь. Пишутъ, пишутъ, а зачѣмъ? Потому что обезпечены, и времени дѣвать некуда. Занимались бы лучше насущными вопросами. Отъ бездѣлья ученые, никому ненужные споры и стихи Фета».

Когда Страховъ съ новой книжкой «Вѣстника Европы», въ которой Вл. Соловьевъ печаталъ свои статьи, начиналъ возбужденно жаловаться на полемическіе пріемы своего противника, Толстой говорилъ ему шутливо-поучительно: «Сами зачѣмъ этими вещами занимаетесь? Все оттого, что получаете большіе оклады».

Сидѣли мы со Страховымъ и говорили о Вл. Соловьевѣ по поводу его статьи о поэтѣ Голенищевѣ-Кутузовѣ. Подошелъ Левъ Николаевичъ и спросилъ, чѣмъ мы заняты. Страховъ добродушно отвѣчалъ, что онъ «изливалъ злобу на своего врага», а я не могъ не сознаться, что Вл. Соловьевъ мнѣ нравится своимъ бодрымъ тономъ и остроуміемъ.

«Да, это писатель очень способный,—сказалъ Левъ Николаевичъ:—но очень странна его судьба». Съ помощью Страхова онъ сталъ припоминать, какъ блестяще выступилъ Вл. Соловьевъ послѣ окончанія университета двадцатилѣтнимъ юношей, сначала какъ авторъ статьи, въ которой критически разбирался позитивизмъ, потомъ какъ лекторъ передъ многочисленной публикой.

«Эти лекціи,—разсказывалъ Левъ Николаевичъ,—были бредъ сумасшедшаго, и чѣмъ меньше онѣ были понятны, тѣмъ больше имѣли успѣха. Просто удивительно теперь вспомнить. Сидятъ старики, почтенные люди, и слушаютъ, какъ мальчикъ съ длинными волосами, въ бѣломъ галстукѣ несетъ вздоръ, и слушаютъ внимательно, серьезно».

«Это были чтенія о религіи,—вставилъ свое замѣчаніе Страховъ:—Соловьевъ излагалъ христіанскіе догматы на научныхъ основаніяхъ. Но дѣйствительно, когда онъ говорилъ, напримѣръ, о силахъ небесныхъ, то это выходило что то въ родѣ гностицизма».

«Ну, вотъ видите, и лучше вышло», засмѣялся Толстой.

«Это были теософическія лекціи», продолжалъ пояснять Страховъ.

«Еще лучше вышло», похвалилъ Толстой и разсказалъ анекдотъ о томъ, какъ у одного короля была неприличная болѣзнь (онъ постоянно выпускалъ газы); но доктора назвали болѣзнь латинскимъ именемъ, и сразу стало приличнѣе.

Въ началѣ августа Страховъ уѣхалъ изъ Ясной Поляны. Левъ Николаевичъ часто вспоминалъ его, особенно по вечерамъ, когда мы собирались за чайнымъ столомъ: «Нѣтъ Николая Николаевича!»

Какъ ни хороша Ясная Поляна для уединенной жизни серьезнаго мыслителя, но писатель нуждается въ обществѣ людей, стоящихъ на уровнѣ современнаго знанія. Въ этомъ отношеніи Н. Н. Страховъ былъ для Л. Н. Толстого рѣдкой, не легко замѣнимой находкой.

III.

Какъ то Левъ Николаевичъ сказалъ о Страховѣ: «Какъ посмотрю я на Николая Николаевича, быть бы ему архіереемъ; хорошій бы архіерей вышелъ». Дѣйствительно, Страховъ—съ открытымъ лицомъ, длинной сѣдой бородой, благообразный, спокойный и мягкій—по наружности былъ бы хорошимъ архіереемъ. Славянофильская окраска его мнѣній также не противорѣчила бы этому званію. Вышедшій изъ духовнаго званія, всегда жившій уединенной жизнью ученаго холостяка, Страховъ, вѣроятно, съ достоинствомъ вынесъ бы монашескій подвигъ, еслибы это отъ него потребовалось. Но еслибы изъ Страхова вышелъ хорошій архіерей, Толстой потерялъ бы одного изъ лучшихъ своихъ критиковъ.

Я не знаю лучшаго разбора «Войны и Мира», чѣмъ тотъ, который сдѣланъ Страховымъ. Такъ могъ писать только человѣкъ, который страстно полюбилъ это произведеніе, который часто повторялъ, что «Война и Миръ»—величайшій романъ XIX вѣка не только въ русской, но и въ европейской литературѣ. Для Страхова 1868-й годъ былъ величайшимъ годомъ въ лѣтописяхъ русской литературы, потому что тогда появилась «Война и Миръ».

Меня положительно трогаетъ, когда я читаю, что Страховъ, тогда уже опытный въ своемъ дѣлѣ критикъ, приступалъ къ объясненію этого громаднаго литературнаго явленія «не безъ сомнѣнія въ своихъ силахъ». Для Страхова романъ «Война и Миръ» былъ недосягаемымъ образцомъ русскаго реализма, сущность котораго онъ полагалъ въ томъ, что авторъ не фотографируетъ

только внѣшность и не увлекается изображеніемъ темныхъ сторонъ жизни, но внимательно всматривается въ душевный міръ дѣйствующихъ лицъ и непрестанно ищетъ проявленія красоты души человѣческой. Толстой взялъ сюжетомъ своего произведенія двѣнадцатый годъ, эпоху высшаго напряженія народныхъ силъ, и, разсматривая всевозможные виды и оттѣнки такъ называемаго героизма, пришелъ къ такому выводу: «нѣтъ величія тамъ, гдѣ нѣтъ простоты, доброты и правды».

По мѣрѣ того, какъ «Война и Миръ» печаталась отдѣльными частями, Страховъ «съ замираніемъ сердца и малодушнымъ страхомъ ожидалъ конца великаго и безцѣннаго дѣла». Какъ ни сдержанъ по натурѣ былъ Страховъ, но онъ далъ вылиться свободно своему восторгу, когда романъ, былъ, наконецъ, завершенъ.

«Какая громада,—писалъ онъ,—и какая стройность! Ничего подобнаго не представляетъ ни одна литература... Теперь наша литература не только подаетъ надежды, что можно было сказать о ней, судя по Тургеневу, Островскому, Некрасову, но имѣетъ зрѣлый плодъ, который принадлежитъ къ самымъ великимъ, самымъ лучшимъ созданіямъ поэзіи, какія мы только знаемъ и можемъ вообразить».

Поворотъ въ сторону нравственныхъ вопросовъ, происшедшій съ Толстымъ въ 80-хъ годахъ, не оттолкнулъ отъ него Страхова, какъ это произошло съ нѣкоторыми критиками либеральнаго лагеря. Когда въ беллетрестическихъ произведеніяхъ Толстого все яснѣе и яснѣе стали звучать религіозныя ноты, это не только не показалось Страхову неумѣстнымъ, но открыло ему въ Толстомъ еще одну привлекательную сторону, которая какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала его духовнымъ потребностямъ. Когда Толстой обратился къ спеціально богословскимъ вопросамъ, Страховъ привѣтствовалъ это отъ всей души. Самъ онъ выросъ въ средѣ русскаго духовенства, прошелъ до университета богословскую школу и съ прискорбіемъ отмѣчалъ въ своихъ журнальныхъ статьяхъ, что въ русскомъ образованномъ обществѣ чрезвычайно мало занимаются религіозными вопросами. Страховъ далеко не былъ толстовцемъ. Я думаю даже, что въ религіозномъ отношеніи онъ стоялъ ближе къ православнымъ славянофиламъ, чѣмъ къ толстовцамъ. Но онъ совершенно вѣрно указывалъ, что первымъ полезнымъ послѣдствіемъ религіозно-богословскихъ разсужденій Толстого будетъ обращеніе свѣтскихъ русскихъ читателей къ вопросамъ, которые одни изъ нихъ

привыкли считать дѣломъ устарѣлымъ, недостойнымъ ихъ просвѣщеннаго вниманія, другіе же равнодушно предоставляли спеціалистамъ, готовые равнодушно присоединиться къ оффиціальному богословію.

Н. Н. Страховъ умеръ отъ рака въ январѣ 1896 года, т. е. года полтора послѣ того, какъ я съ нимъ встрѣтился и познакомился въ Ясной Полянѣ. Въ то время я бывалъ у гр. Толстыхъ въ ихъ московскомъ домѣ, и мнѣ приходилось говорить о покойномъ съ Львомъ Николаевичемъ. Онъ отзывался о Страховѣ съ большой любовью и уваженіемъ, особенно указывалъ на его всестороннюю образованность и очень хотѣлъ знать, какъ умиралъ его старый другъ.

Со словъ близкихъ родныхъ ему сообщили, что Страховъ не зналъ о приближеніи смерти, такъ какъ ему не говорили о томъ, что ракъ уже распространился на легкія. Послѣдними словами Страхова были: «Ну, я отдохнулъ, теперь поработаю». Онъ умеръ безъ всякой агоніи.

В. Лазурскій.

Л. Н. Толстой и А. П. Чеховъ.

Чарующій талантъ Чехова, его скромность и сердечная доброта въ связи съ удивительнымъ житейскимъ тактомъ привлекали къ нему сердца людей различныхъ возрастовъ и положеній.

Но особенно интересны отношенія между Толстымъ и Чеховымъ. Такъ различны были эти два человѣка. А между тѣмъ ни къ кому изъ современныхъ писателей Толстой не относился съ такой симпатіей, какъ къ Чехову. Даже когда Л. Н. только заговаривалъ о Чеховѣ, то у него лицо принимало особенный теплый отсвѣтъ. Скупой вообще на знаки восторга передъ современными явленіями, Левъ Николаевичъ почти всегда въ отношеніи Чехова держалъ себя, какъ любящій отецъ къ милому сыну.

— Ахъ, Чеховъ! Это удивительный инструментъ... Чехова и за глаза хвалить можно,—говорилъ Левъ Николаевичъ съ вспыхивающимъ огонькомъ въ голосѣ, когда рѣчь заходила о Чеховѣ.

И, можетъ быть, никто изъ современниковъ не охватилъ сразу съ такой остротой зрѣнія, какъ Толстой, всей огромности утраты, понесенной литературой со смертью Чехова.

Бесѣдуя съ однимъ изъ своихъ гостей по поводу смерти Чехова, Левъ Николаевичъ сказалъ:

— Это хорошо, что на похоронахъ Чехова не было рѣчей. Я противникъ подобныхъ демонстрацій. Но Чеховъ... Чеховъ—несравненный художникъ. Да, да, именно: несравненный... Художникъ жизни. И достоинство его творчества въ томъ, что оно понятно и сродно не только всякому русскому, но и всякому человѣку вообще. А это главное. Я какъ то читалъ книгу одного нѣмца. И тамъ описано, какъ одинъ молодой человѣкъ, желая сдѣлать своей невѣстѣ сюрпризъ, даритъ ей Чехова, считая его выше всѣхъ современныхъ писателей. И это вѣрно. Онъ бралъ изъ жизни то, что видѣлъ, независимо отъ содержанія того, что видѣлъ, и если бралъ что-нибудь, то передавалъ удивительно образно и понятно до послѣднихъ черточекъ. Главное

же—онъ былъ всегда искрененъ. А это великое достоинство въ писателѣ. И благодаря своей искренности, Чеховъ создалъ новыя, совершенно новыя, по-моему, для всего міра формы писанія, подобныхъ которымъ я не встрѣчалъ нигдѣ. Его языкъ удивителенъ. Я помню, что когда въ первый разъ началъ читать Чехова, то сначала онъ показался мнѣ какимъ то страннымъ, какъ бы нескладнымъ. Но какъ только я вчитался, такъ этотъ языкъ и захватилъ меня... Да, да именно благодаря этой нескладности или, не знаю, какъ это назвать, онъ захватываетъ необычайно, и, помимо вашей воли, вкладываетъ вамъ въ душу прекрасные художественные образы...

Однимъ изъ любимѣйшихъ авторовъ въ Ясной Полянѣ остается и теперь Чеховъ. Левъ Николаевичъ любитъ читать Чехова не только про себя, но и вслухъ.

Не слыхавши Чеховскихъ разсказовъ въ Толстовской передачѣ, трудно представить, какіе художественные оттѣнки вноситъ иногда Левъ Николаевичъ въ чтеніе любимаго автора.

Одно время Чеховъ былъ даже какъ бы слабостью Толстого, и онъ могъ прочитывать одинъ и тотъ же Чеховскій разсказъ нѣсколько разъ въ вечеръ. Такъ было между прочимъ съ чуднымъ Чеховскимъ разсказомъ «Душечка».

Зимой 1898 г. мнѣ пришлось быть вечеромъ у Толстыхъ въ Москвѣ.

За вечернимъ чаемъ заговорили о литературѣ. Я сказалъ о новомъ Чеховскомъ разсказѣ «Душечка», напечатанномъ въ журналѣ «Семья». Левъ Николаевичъ очень заинтересовался и спросилъ, читалъ ли я новый разсказъ и какъ нахожу его. Я сказалъ, что новый разсказъ Чехова ничего себѣ и что если Л. Н. интересуется имъ, то у меня этотъ разсказъ съ собою.

— Новый разсказъ Чехова! Хотите слушать?—какъ бы анонсировалъ Левъ Николаевичъ.

Всѣ изъявили согласіе.

Съ первыхъ же строкъ чтенія Л. Н. началъ произносить отрывочныя междометія одобрительнаго свойства. А затѣмъ не выдержалъ и во время чтенія обратился ко мнѣ съ оттѣнкомъ укора:

— Какъ же это вы сказали: «ничего себѣ»? Это перлъ, настоящій перлъ искусство.

И послѣ чтенія Л. Н. съ одушевленіемъ заговорилъ о «Душечкѣ», цитируя на память цѣлыя фразы.

— Какъ мѣтко и хорошо,—говорилъ Л. Н.,—схваченъ Чеховымъ языкъ телеграфиста! И это удивительная телеграмма, съ

ея «хохоронами». И это истинное женское чувство, такъ сжато и такъ мастерски выраженное въ «Душечкѣ». Превосходный разсказъ! И какъ истинное художественное произведеніе, оно, оставаясь прекраснымъ, можетъ производить различные эффекты, подобно лакмусовой бумагѣ.

Черезъ нѣкоторое время къ Толстымъ пришли новые гости. Л. Н. поздоровался и спросилъ:

— Читали новый разсказъ Чехова «Душечка»? Нѣтъ? Хотите послушать?

И Л. Н. опять прочелъ «Душечку».

Какъ то во время прогулки въ Яснополянскомъ паркѣ одинъ изъ гостей Льва Николаевича заговорилъ о произведеніяхъ новаго писателя, котораго почему то всегда сравнивали съ Чеховымъ. Левъ Николаевичъ остановился и, заложивъ руку за поясъ блузы, сказалъ, какъ бы въ раздумьи:

— Гмъ, не понимаю, почему его сравниваютъ съ Чеховымъ. Чеховъ, по-моему, несравнимый художникъ. А если ужъ кого сравнивать съ нимъ, то это Мопассана. Я недавно перечиталъ вновь почти всего Чехова. И все у него удивительно прелестно. Есть мѣста не глубокія, нѣтъ, совсѣмъ не глубокія. Но все прелестно. И Чехова, какъ художника, нельзя уже сравнивать съ прежними русскими писателями—съ Тургеневымъ, съ Достоевскимъ или со мною. У Чехова своя особенная форма, какъ у импрессіонистовъ. Смотришь, человѣкъ будто безъ всякаго разбора мажетъ красками, какія попадаются ему подъ руку, и никакого, какъ будто, отношенія эти мазки между собою не имѣютъ. Но отойдешь на нѣкоторое разстояніе, посмотришь, и въ общемъ получается цѣльное впечатлѣніе. Передъ вами яркая, неотразимая картина природы. И вотъ еще наивѣрнѣйшій признакъ, что Чеховъ истинный художникъ: его можно перечитывать по нѣскольку разъ, кромѣ піесъ, конечно, которыя совсѣмъ не его дѣло.

Восторженное отношеніе Толстого къ Чеховской «Душечкѣ» не разсѣялось съ теченіемъ времени, а еще болѣе укрѣпилось, точно старое вино. И составляя «Кругъ Чтенія», Л. Н. Толстой не только помѣстилъ «Душечку» въ числѣ избранныхъ «притчъ», но еще и написалъ къ «Душечкѣ» изумительное по красотѣ послѣсловіе. Толстой сравниваетъ Чехова съ библейскимъ пророкомъ Валаамомъ, который вмѣсто того, чтобы проклясть израильскій народъ, благословилъ его.

— Чеховъ, какъ Валаамъ, — говорилъ Л. Н. — намѣревался проклясть «Душечку», но Богъ поэзіи запретилъ ему, и онъ

благословилъ и невольно одѣлъ такимъ чуднымъ свѣтомъ милое женское существо, что оно навсегда останется образцомъ того, чѣмъ можетъ быть женщина для того, чтобы быть счастливой самой и дѣлать счастливыми тѣхъ, съ кѣмъ сводитъ ее судьба... Разсказъ этотъ оттого прекрасный, что онъ вышелъ безсознательно. Я учился ѣздить на велосипедѣ въ манежѣ, въ которомъ дѣлаются смотры дивизіямъ. На другомъ концѣ манежа училась ѣздить дама. Я подумалъ о томъ, какъ бы мнѣ не помѣшать этой дамѣ, и сталъ смотрѣть на нее. И, глядя на нее, я сталъ невольно все больше и больше приближаться къ ней и, несмотря на то, что она, замѣтивъ опасность, поспѣшила удалиться, я наѣхалъ на нее и свалилъ, т. е. сдѣлалъ совершенно противоположное тому, что хотѣлъ, только потому, что направилъ на нее усиленное вниманіе.

То же самое, только обратное, случилось съ Чеховымъ: онъ хотѣлъ свалить «Душечку» и обратилъ на нее усиленное вниманіе поэта, и вознесъ ее».

Однажды въ присутствіи Л. Н. Толстого заговорили о свойствахъ и особенностяхъ художественнаго дарованія. Въ чемъ его сущность? Послѣ нѣкотораго раздумья Левъ Николаевичъ сказалъ:

— Художникъ, это—нѣчто особенное и отличается отъ *нехудожника* тѣмъ, что способенъ заражать насъ своими чувствами, держать все время подъ гипнозомъ своей художественной власти и переносить нашу душу таинственной силой своего дарованія въ изображаемый имъ міръ. Таковъ былъ, напримѣръ, Чеховъ. И когда я читаю Чехова, то мнѣ кажется, что я не только вижу его героевъ, но даже слышу ихъ голоса. Когда же я читаю кропотливо-добросовѣстныя страницы (и Левъ Николаевичъ назвалъ одного изъ современныхъ писателей), то я ничего, кромѣ скуки, не чувствую.

Особенно высоко цѣнилъ Толстой мелкіе Чеховскіе разсказы.

— Чеховъ гораздо интереснѣе Тургенева и меня въ этой области. Куда намъ до него!—сказалъ однажды Л. Н. серьезнымъ тономъ.

Но чего Толстой не признавалъ въ Чеховѣ, это его способности писать піесы. Чеховскія піесы никогда не нравились Толстому. Однажды онъ по поводу Чеховскихъ піесъ такъ мотивировалъ свое мнѣніе:

— Для того, чтобъ вызвать «настроеніе», достаточно лирическаго стихотворенія. Драматическая же форма служитъ и должна служить другимъ цѣлямъ. Въ драматическомъ произве-

денiи должно поставить какое-нибудь еще неразрѣшенное людьми положеніе и заставить его разрѣшать каждое дѣйствующее лицо, сообразно его внутреннимъ даннымъ. У Чехова же именно этого и нѣтъ. Онъ не заинтересовываетъ въ піесахъ настолько, чтобы отдаться ему. Онъ останавливаетъ, напримѣръ, вниманіе зрителей на судьбѣ несчастныхъ дяди Вани и доктора Астрова, но жалѣетъ ихъ потому, что они несчастны, не обосновавши вовсе, заслуживаютъ ли они состраданія. А мнѣ кажется, они всегда были дрянными и ничтожными.

Уваженіе Толстого къ Чехову, какъ къ художнику, было такъ велико, что онъ могъ говорить ему и нелестныя вещи въ глаза относительно его піесъ. Однажды Толстой, будто бы, сказалъ Чехову самымъ дружелюбнымъ тономъ:

— Я, знаете, терпѣть не могу Шекспира. Но его піесы все-таки лучше вашихъ.

Таковы были отношенія между Толстымъ и Чеховымъ, какъ писателями.

Познакомились они другъ съ другомъ довольно поздно, только въ 1897 году.

Произошло это однако не по винѣ Толстого, искавшаго знакомства съ Чеховымъ, а вслѣдствіе скромности и застѣнчивости Чехова. Онъ все никакъ не могъ набраться храбрости, чтобы поѣхать къ автору «Войны и Мира». И сколько полукомическихъ эпизодовъ произошло на этой почвѣ!

Однажды, будучи въ Москвѣ, Чеховъ совсѣмъ было собрался ѣхать къ Толстымъ. За нимъ долженъ былъ заѣхать одинъ его знакомый. Но въ это время къ Чехову пришелъ въ гости писатель В. А. Тихоновъ. Чеховъ обрадовался ему и загудѣлъ баскомъ:

— Какъ это хорошо, что вы пришли!

— А что такое?

— Да видите ли, за мной сейчасъ долженъ заѣхать К., чтобы везти меня ко Льву Николаевичу Толстому. Ну, а я боюсь.

— Чего жъ вы боитесь?—спросилъ Тихоновъ.

— Да вотъ, подите. Самъ не знаю, а боюсь. Какъ это такъ, вдругъ *самого* Толстого вблизи увидать. Говорить съ нимъ... Нѣтъ, какъ хотите, это жутко. Ну, такъ вотъ вы пріѣхали, мы и того... и поѣдемъ всѣ вмѣстѣ, втроемъ.

Тихоновъ удивился.

— Позвольте, я то съ какой же стати поѣду? Съ Толстымъ я не знакомъ, знакомиться же со мной онъ, кажется, не выражалъ еще желанія. Какъ же я полѣзу туда не званый, не

прошеный? Другое дѣло—вы. Левъ Николаевичъ самъ пожелалъ съ вами познакомиться. Значитъ, васъ тамъ ждутъ...

— Да, но я боюсь одинъ,—сказалъ Чеховъ.

— Такъ вѣдь вы же не одинъ поѣдете. Съ вами К. будетъ.

— Что жъ, что К.? Онъ тамъ свой человѣкъ. Онъ уйдетъ въ другую комнату, а я одинъ останусь. Страшно.

Тихоновъ сталъ убѣждать Чехова, что ничего тутъ страшнаго нѣтъ и что его въ семьѣ Толстыхъ, вѣроятно, встрѣтятъ, какъ родного. Но Чеховъ стоялъ на-своемъ: страшно, да и только.

— Какъ это я вдругъ съ нимъ *самимъ* разговаривать стану!

Немного помолчали. Чеховъ опять спрашиваетъ:

— Такъ ни за что не поѣдете?

— Ни за что. Подумайте сами: вѣдь это съ моей стороны было бы наглостью.

— Тогда знаете, что?—заговорилъ Чеховъ вставая съ дивана,—*удеремте* куда-нибудь.

— Т. е. какъ «удеремте?»—удивился Тихоновъ.

— Да очень просто. Уѣдемъ изъ дому. К. заѣдетъ и не застанетъ меня. И «страшное свиданіе» отложится хоть на нѣкоторое время.

И они «удрали» въ ресторанъ «Эрмитажъ» и долго тамъ сидѣли, пили красное вино и говорили о томъ, что Левъ Толстой великій писатель, что онъ глубочайшій сердцевѣдъ и какъ было бы пріятно посмотрѣть на него и послушать его, но только такъ, чтобы самъ онъ не видѣлъ ихъ.

И такъ съ Чеховымъ было нѣсколько разъ.

Наконецъ, онъ собрался и поѣхалъ въ Ясную Поляну. Пріѣхалъ онъ туда утромъ. Идетъ по парку и видитъ вдали старика съ полотенцемъ черезъ плечо. Чеховъ всмотрѣлся, узналъ Льва Николаевича и заволновался. Но пересилилъ себя и, приблизившись, назвалъ свою фамилію. Левъ Николаевичъ очень обрадовался Чехову, и, дружески бесѣдуя, они пошли къ рѣкѣ. Черезъ нѣсколько времени Чеховъ совершенно освоился и чувствовалъ себя въ Ясной Полянѣ, какъ у себя въ Мелиховѣ.

Во время пребыванія Чехова въ Ясной Полянѣ тамъ были С. И. Танѣевъ, В. Г. Чертковъ, И. И. Горбуновъ, народный писатель С. Т. Семеновъ и др. С. Т. Семеновъ писалъ, что Чеховъ на него произвелъ обаятельное впечатлѣніе, даже и своей внѣшностью, хотя въ то время уже находился во власти своего недуга.

Послѣ обѣда предположено было идти читать рукопись «Воскресенья». Л. Н. пошелъ отдохнуть, а гости отправились въ

укромный уголокъ и расположились читать. Сначала читалъ В. Г. Чертковъ, потомъ его смѣнилъ И. И. Горбуновъ. Между слушателями былъ одинъ изъ сыновей Л. Н., который слушалъ разсказъ не совсѣмъ спокойно. Его возмутила офицерская среда, описываемая отцомъ, и онъ обратился къ В. Г. Черткову, бывшему гвардейскому офицеру, съ вопросомъ: неужели большинство офицеровъ такіе? Чеховъ слушалъ чтеніе спокойно, внимательно, молча. Читали, кажется, часа два. По окончаніи чтенія пошли въ кабинетъ Л. Н. Онъ съ любопытствомъ ожидалъ, что ему скажутъ по поводу его новой работы.

Чеховъ тихо и спокойно сталъ говорить, что все очень хорошо. Особенно правдиво схвачена картина суда. Онъ недавно самъ отбывалъ обязанности присяжнаго засѣдателя и видѣлъ своими глазами отношеніе судей къ дѣлу: всѣ заняты были побочными интересами, а не тѣмъ, что имъ приходилось разрѣшать. Напримѣръ, въ одномъ дѣлѣ, которое шло въ очередную сессію, адвокатъ или прокуроръ, вмѣсто разбирательства дѣла, обратился съ дифирамбами къ сидѣвшему на скамьѣ присяжныхъ засѣдателей Антону Павловичу. Очень вѣрно и то, что купца отравили, а не иначе покончили съ нимъ. Во время его бытности на Сахалинѣ онъ видѣлъ, что большинство женщинъ каторжанокъ сослано именно за отравленіе. Невѣрнымъ же ему показалось одно, что Маслову приговорили къ 2 годамъ каторги. На такой малый срокъ къ каторгѣ не приговариваютъ. Самый меньшій срокъ—4 года.

Левъ Николаевичъ принялъ это и впослѣдствіи исправилъ свою ошибку.

Въ личныхъ своихъ отношеніяхъ къ Чехову Толстой всегда былъ братски простъ и ласково-привѣтливъ. Посѣщалъ его въ Остроумовской клиникѣ, заботливо освѣдомлялся о его здоровьѣ, когда Чеховъ былъ боленъ, и всегда радовался свиданію съ нимъ.

Осенью 1901 г. мнѣ пришлось быть въ Крыму у Толстыхъ, когда тамъ съ нетерпѣніемъ ждали Чехова. Наконецъ, доложили, что онъ пріѣхалъ. Всѣ оживились и обрадовались. И цѣлый день Левъ Николаевичъ дружески провелъ съ Чеховымъ, ѣздилъ съ нимъ въ Алупку, къ морю и съ радушнымъ гостепріимствомъ принималъ у себя.

За цѣлый день пребыванія Чехова у Толстого былъ только одинъ моментъ съ небольшой тучкой.

Сидѣли на огромной верхней террасѣ Гаспринской виллы съ чарующимъ видомъ на море. День былъ очаровательный, похожій на наши сѣверные лѣтніе дни. Левъ Николаевичъ съ одушевлені-

емъ говорилъ объ искусствѣ, цитируя, между прочимъ, на память нѣкоторыя сцены изъ произведеній Чехова. Чеховъ скромно слушалъ, закрываясь рукой отъ солнца и, откашливаясь, бросалъ украдкой взглядъ на платокъ. Наступила пауза. Съ моря подулъ освѣжающій вѣтерокъ. Всѣ и безъ того чувствовали себя прекрасно, а тутъ всѣмъ стало еще лучше. Вдругъ меня дернуло обратиться съ вопросомъ къ Чехову: правда ли, что онъ пишетъ новую піесу?

Левъ Николаевичъ нахмурился. Очевидно, въ немъ возникла борьба двухъ ощущеній—чувства справедливости и чувства радушнаго хозяина, желающаго сдѣлать какъ можно больше пріятнаго для своего милаго гостя. Чеховъ, кажется, замѣтилъ появившуюся тучку и сказалъ что то неопредѣленное. Чувство справедливости въ концѣ концовъ взяло, однако, верхъ надъ любезностью хозяина.

— Ну, зачѣмъ же піесы?—сказалъ Левъ Николаевичъ.—Пусть Антонъ Павловичъ пишетъ то, въ чемъ онъ наиболѣе силенъ.

Наступила легкая заминка. Но черезъ минуту тучка совершенно разсѣялась.

Разсказываютъ (и Чеховъ молчаливо поддерживалъ этотъ разсказъ), что онъ однажды пріѣхалъ въ Гаспру, когда Льву Николаевичу было особенно плохо. Чехова, однако, приняли. Левъ Николаевичъ былъ очень слабъ, и ему было запрещено много говорить. А между тѣмъ, какъ разъ передъ этимъ Л. Н. Толстому читали Чеховскихъ «Трехъ сестеръ», піеса ему не понравилась, и у него многое было сказать Чехову по этому поводу. Однако говорили мало, но когда Чеховъ сталъ прощаться, Левъ Николаевичъ не выдержалъ, и, поцѣловавши Чехова, съ усиліемъ прошепталъ ему на ухо:

— А піеса ваша все-таки плохая.

Чеховъ, будто, несмотря на торжественную минуту, разсмѣялся.

Все время, пока Левъ Николаевичъ жилъ въ Крыму, Чеховъ не только заботливо слѣдилъ за малѣйшими измѣненіями въ здоровьѣ великаго писателя, но простиралъ доброту своего сердца до того, что, не взирая на недосугъ и свою собственную болѣзнь, подробно извѣщалъ о состояніи здоровья Льва Николаевича его друзей. Письма Чехова за этотъ періодъ полны заботъ о состояніи здоровья Льва Николаевича.

«Я былъ нездоровъ мѣсяца полтора,—писалъ мнѣ Чеховъ отъ 29-го декабря 1901 г.:—не выходилъ изъ дому, но зналъ очень хорошо, что и какъ съ Толстымъ. Онъ здоровъ, докторъ, который лѣчитъ его, бываетъ у меня очень часто и разсказываетъ все, что

нужно. Т-ой какъ то захворалъ и серьезно, потомъ поправился и теперь молодцомъ. Но старость замѣтно овладѣваетъ имъ. Это значитъ, что онъ можетъ прожить еще лѣтъ 20 и можетъ умереть отъ малѣйшаго пустяка каждый день. Въ его положеніи теперь каждая болѣзнь страшна, каждый пустякъ опасенъ. Кромѣ старости, у него никакихъ болѣзней нѣтъ и, вѣроятно, не было. Крымъ ему продолжаетъ нравиться, онъ очень доволенъ».

Думалъ ли Чеховъ, что тотъ самый человѣкъ, который «каждый день можетъ умереть отъ малѣйшаго пустяка», перенесетъ грудную жабу, тифъ, воспаленіе легкихъ и переживетъ своего любимаго собрата по оружію?..

Въ другомъ письмѣ отъ 2-го февраля 1902 года Чеховъ пишетъ:

«Вотъ подробности насчетъ Л. Н. Онъ заболѣлъ вдругъ вечеромъ. Началась грудная жаба, перебои сердечные, тоска. Въ это время доктора, которые его лѣчатъ, сидѣли у меня. Ихъ вызвали по телефону. Утромъ мнѣ дали знать, что съ Толстымъ плохо, что онъ едва ли выживетъ. Началось воспаленіе легкаго, то самое воспаленіе, которое бываетъ у стариковъ передъ смертью. Мучительное, выжидательное настроеніе продолжалось дня два. Затѣмъ извѣстіе по телефону: «Процессъ въ легкихъ не идетъ дальше. Явилась надежда». Теперь Т-ой лежитъ на спинѣ, чрезвычайно слабый, но пульсъ у него хорошій. Надежда не ослабѣла, лѣчатъ его превосходно, въ томъ числѣ московскій врачъ Щуровскій и ялтинскій Альтшулеръ. То, что Т-ой остался живъ, что есть надежда, я, хотя бы на половину, отдаю на долю этихъ двухъ докторовъ».

Въ извѣстномъ письмѣ къ М. Меньшикову Чеховъ особенно ярко выразилъ свое отношеніе къ Толстому:

«Болѣзнь его испугала меня и держала въ напряженіи. Я боюсь смерти Толстого. Еслибы онъ умеръ, то у меня въ жизни образовалось бы большое пустое мѣсто»»...

Таково было отношеніе къ Л. Н. Толстому А. П. Чехова, котораго менѣе всего можно было бы заподозрить въ лицепріятіи къ автору «Воскресенія».

П. Сергѣенко.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

1. Посвященіе 5

2. **В. В. Каллашъ,** «Слонъ русской летературы». 7

3. **П. И. Бирюковъ,** Краткая біографія Льва Николаевича Толстого . . 13

4. **Н. И. Тимковскій,** о Л. Н. Толстомъ. 87

5. **П. А. Сергѣенко,** Л. Н. Толстой и его современники. 101

6. **В. Ѳ. Лазурскій,** Л. Н. Толстой и Н. Н. Страховъ (изъ личныхъ воспоминаній). 148

7. **П. А. Сергѣенко,** Л. Н. Толстой и А. П. Чеховъ. 157

Московское
Книгоиздательское Товарищество
„ОБРАЗОВАНІЕ.“

РЕДАКЦІЯ: Долгоруковская, д. 89, кв. 1. Телефонъ 104-31.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Москва, 3-я Тверская-Ямск., д. Ларіонова, кв. 2. Телефонъ 245-30.

№ 1.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00002945549